

ЗАЧАРОВАННЫЙ МИР



СКАЗАНИЯ УЖАСОВ





Зачарованный мир

СКАЗАНИЯ УЖАСОВ

Перевод с английского Галины Грановской



Содержание

• 1 •

Блуждающий мертвец — 6

• 2 •

Неумолимая
и безжалостная армия — 22

• 3 •

В теле зверя — 29

• 4 •

Урожай ужасов — 36

• 5 •

Гость гоблинов — 54

• 6 •

Тайна смерти — 63

• 7 •

Фурии севера — 70



•8•

Проклятие царского дома — 79

•9•

Жестокая расплата — 88

•10•

Невеста вождя-призрака — 96

•11•

Поцелуй зла — 106

•12•

Демоны царства ночи — 122

•13•

Секрет целителя — 130

«Терра»
Москва

Блуждающий мертвец

В Бретани люди знали, что на земле они не одни. Высокие камни, установленные кругами или рядами безымянными древними, охраняли места, наполненные тайнами. На островах, окутанных морскими туманами, повозка Анку — это имя бретонцы дали посланцу смерти — тяжело громыхла ночами по гатям и мощеным дорогам, перевоза свой невидимый груз. На бесплодных равнинах, на поросших вереском торфяниках, в лесистых, удаленных от побережья местах Аргоута бродили духи и привидения, завершая на земле неоконченные дела внезапно умерших людей.

Грань между миром света и миром теней трудно отыскать, но, как ни странно, легко пересечь. Поговаривали, что только человек, осужденный судьбой на смерть, мог видеть за год до своей кончины тех, кто покинул мир прежде него. Но разговоры между умершими и живущими были либо запрещены, либо содержание их было неизвестно. Духи умерших часто заговаривали с теми, чьи сердца еще бились, чтобы поведать какую-нибудь скорбную историю или использовать их в своих целях.

Похоронная процессия покидала церковное кладбище, но на этом родственные или дружеские отношения между живыми и умершими не заканчивались. В кухнях домов, которые

посетила Анку, всегда стояли наготове крынка молока и блюдо блинов — угощение для тоскующей души умершего. Долги подлежали оплате, а обещания, данные перед смертью, оставались в силе и после нее. Нарушившие клятву должны были быть готовы понести наказание. Как напоминание о возможных страданиях немало легенд передавалось потомкам.

В одной из таких историй рассказывалось о двух закадычных друзьях — Филиппе и Кадо — молодых людях из селения на вересковой пустоши. Они провели детство в компании друг друга — вместе учились охоте и рыбалке, вместе воровали яблоки, на пару корпели над уроками. Оставшись неразлучными и в юности, они поклялись, что тот, кто женится первым, возьмет другого шафером. Пришло время, и оба они влюбились в одну и ту же девушку. К изумлению соседей, они на пару ухаживали за ней, не проявляя друг к другу ни ревности, ни злобы. Но их возлюбленная Маргарет была мудрее своих поклонников, она знала, что рано или поздно ей придется сделать выбор.

В тот день, когда Маргарет приняла решение, Филиппа не было дома.

Он согласился стать крестным отцом безотцовщине — ребенку бедной полусумасшедшей крестьянки, — чего не сделал бы никакой другой мужчина в деревне. Оставив кумушек



Два бретонских крестьянина, друзья детства, ухаживали за одной и той же девушкой. Ни одного язвительного слова не сказали они друг другу, не было меж ними зависти или подозрений, но любовный треугольник распался, и это положило начало ужасным событиям.

чесать языками, Филипп отправился с хилым младенцем и его матерью, чье лицо горело от стыда, в церковь близлежащего городка. Он объяснял всем и каждому, что независимо от происхождения, нет на свете ребенка, которому можно отказать в надежде на царствие небесное. Крещение совершилось не слишком скоро. С благополучно окрещенным младенцем по пути назад в деревню случился припадок, и он умер.

Когда поздно вечером Филипп вернулся домой, мать налила ему кружку сидра и сказала, что забегал его друг Кадо, который показался ей бледным и измученным. Он передал, что ему нужно срочно увидеть Филиппа, и он просил его прийти на рассвете к высокому кресту на вересковой пустоши, где встречаются две тропы.

В деревне проснулся один только пекарь, когда молодой человек отправился на условленную встречу. До Филиппа доносился запах румянившихся в печи булок. Когда он поднялся на вересковую пустошь, его внимание привлек слабый хлопающий звук, словно кто-то стучал в дверь. Но вокруг не было никакого жилья, не было даже пастушьей хижины. Загадка разрешилась, как только он добрался до условленного места встречи. В бледно-лиловом утреннем свете показалась висящая на кресте фигура, ступни длинных ног тихо постукивали по деревянному столбу. Перед ним был Кадо — с выпученными незрячими глазами и черным вывалившимся языком. Полный боли пронзительный крик Филиппа потряс окрестные холмы. Рыдая, он побежал к Маргарет, чтобы сообщить ей дурную весть. Молча стоял он, в то время как она рвала на себе волосы, царапала лицо,

едва справляясь с неудержимыми рыданиями.

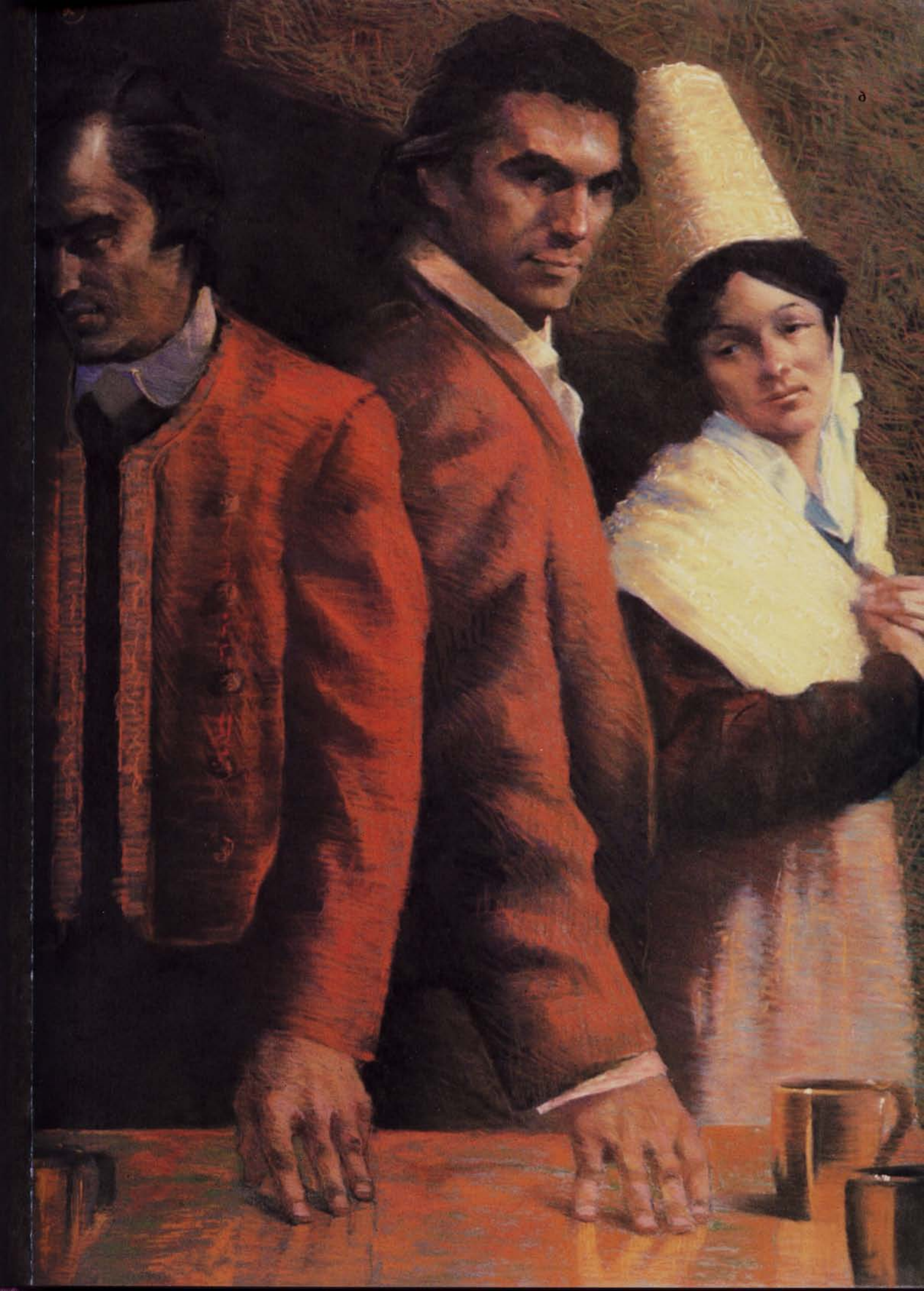
«Значит, Кадо был тем, кого ты любила», — произнес он.

Но мать Маргарет, которая сидела у очага, куря трубку, поднялась, чтобы сказать ему, что все совсем не так, как ему кажется. Только вчера, сообщила она ему, Маргарет объявила Кадо, что ее избранник — Филипп. Филиппу стало ясно, что произошло и почему.

Хотя влюбленные и горевали о своем друге, они не видели причин, чтобы откладывать свадьбу. В знак уважения к покинувшему их Кадо они решили, что на празднике не будет танцев. Потом они с головой ушли в приготовления, отгоняя мысли о теле самоубийцы, гниющем теперь, согласно обычаю, на виселице, которую он для себя придумал.

И вот пришло время будущему жениху отправиться в поездку по округе, чтобы пригласить на свадьбу соседей, друзей и родственников. Проезжая верхом с другим молодым человеком по вересковой пустоши, он рассказал ему о данном много лет назад обещании, что только Кадо будет шафером на его свадьбе. И не будет ему покоя, сказал он, если он не сдержит своего слова, он должен пригласить Кадо — пусть это будет просто жест. Оставив друга держать лошадей, Филипп поднялся по пологому склону к кресту, превратившемуся в виселицу.

При его приближении стая жирных ворон взлетела с гниющего тела, которое покачивалось на ветру. Со смиренным видом Филипп приблизился. Подняв голову, он напомнил старому другу об уговоре и сказал, что ждет Кадо на свадьбе.



На высокой вересковой пустоши, где сходились две тропы, труп самоубийцы свисал с креста немим укором другу, который оказался удачливей в любви.

Затем со спокойной совестью он отправился дальше. Сбегая по склону, он услышал хлопанье крыльев и, оглянувшись, увидел, как птицы слетались продолжить свой пир.

Наступил день свадьбы, гости прибывали со всей округи: женщины — в своих лучших кружевных чепцах и косынках, мужчины — с начищенными серебряными пуговицами.

Рекой лился охлажденный золотистый сидр, подвигая даже самых безыскусно говорящих селян произносить лирические тосты в честь счастливой пары. Обнимая одной рукой свою возлюбленную Маргарет, Филипп поднял чашу, чтобы ответить гостям добрыми словами благодарности.

И в этот момент чей-то грубый и насмешливый голос прокаркал: «Я должен выпить за моего любимого друга, лучшего из друзей!»

В дверном проеме стоял Кадо, вернее то, что от него осталось. Гости застыли от ужаса. Чаша выпала из руки Филиппа.

Привидение, покачиваясь, двинулось в сторону жениха и невесты. «Где же мое место? Ты сказал, что меня будет ждать почетное место». Пораженное молчание было единственным ответом на его вопрос.

Снова заговорило привидение Кадо. Со скрипом поклонившись, оно пригласило невесту на танец. Лицо Маргарет стало белее костей ее поклонника-призрака. На помощь ей пришел муж, объяснив, что танцев на свадьбе не будет — в знак уважения памяти Кадо. Хриплый трескучий шум, какое-то подобие смеха, вырвался из горла привидения. Оно приблизилось и наклонилось над столом. Зловонное дыхание оскверни-

ло сидр в чашах. Призрак потянулся к Маргарет, заявив, что хочет поцеловать невесту.

Впервые в жизни рассерженный Филипп поднял руку на друга, но его кулак пролетел сквозь пустое пространство. Потом что-то кольнуло Филиппа в шею сзади, и он услышал свистящий шепот у своего уха, предупредивший, что если он не желает видеть свадьбу окончательно испорченной, как и брак, ему лучше встретиться с Кадо в полночь у креста на вересковой пустоши, чтобы этим загладить свою вину перед умершим другом. После этих слов незваный гость исчез. Оставшиеся гости нерешительно пытались вернуть праздничное настроение, но было видно, что мысли жениха и невесты витали далеко отсюда. Пара удалилась для торопливого разговора наедине. Они сошлись на том, что было бы опасно для Филиппа проигнорировать приглашение Кадо. Его неуспокоенный дух мог испортить им жизнь, творя ужасы, о которых лучше не думать. Вскоре гости, извиняясь, стали покидать постоялый двор, где устроили свадьбу. Хозяин только качал головой, глядя на блюда с нетронутой едой и неоткупоренные бочонки сидра. За все это, напомнил он Филиппу, следует заплатить.

Филипп отвел Маргарет в домик, который он обставил для нее. Затем он с огромным сожалением оставил ее молящейся о его благополучном возвращении. В освещенном окне промелькнул силуэт новобрачной — Маргарет снимала высокий кружевной головной убор невесты; на мгновение Филипп представил ее в унылой коричневой шляпе вдовы, которую ей, возможно, придется примерить.

Эта мысль заставила Филиппа содрогнуться, но не пойти он не мог, ведь он дал обещание Кадо! И ничто не по-

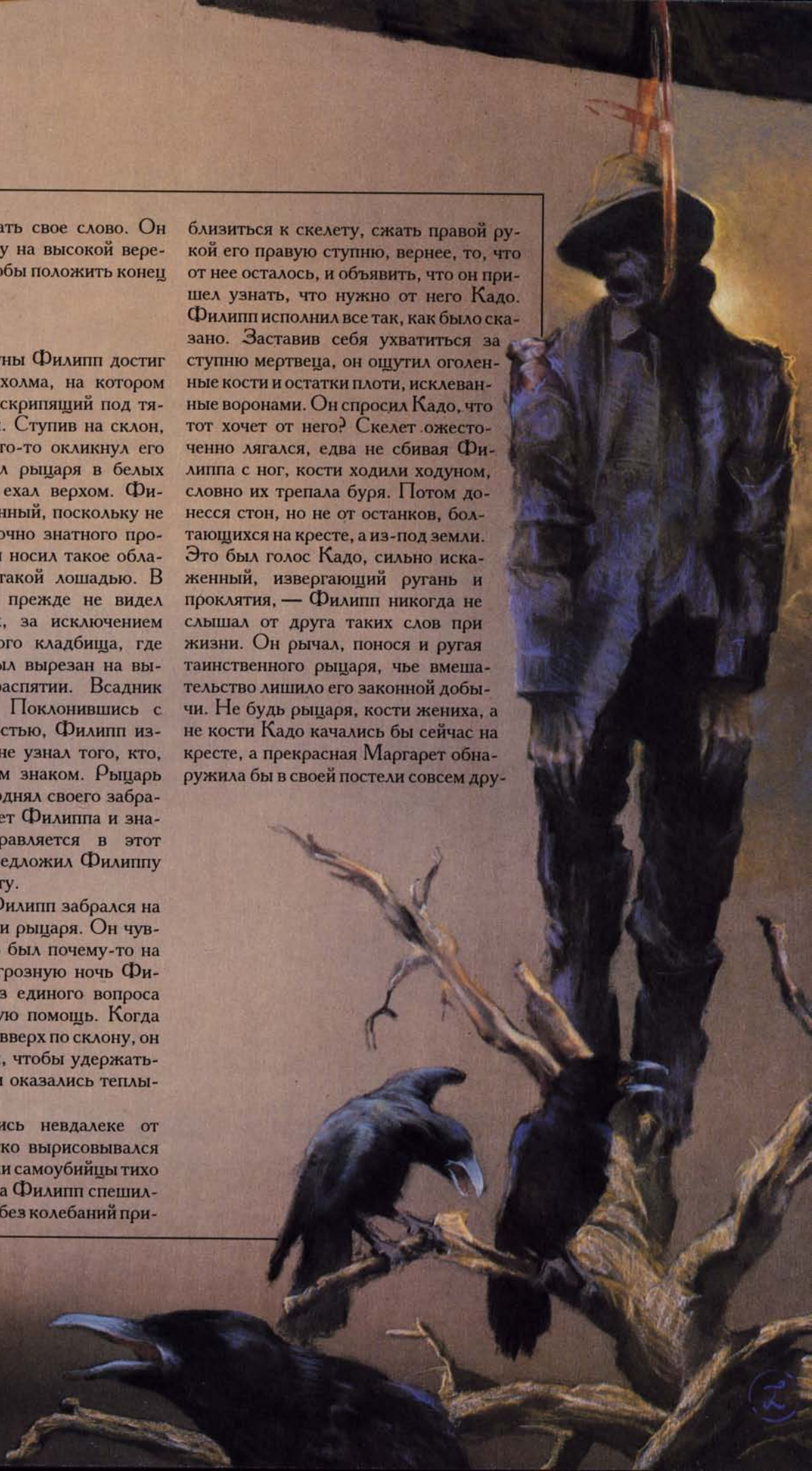
мешает ему сдержать свое слово. Он отправился к кресту на высокой вересковой пустоши, чтобы положить конец этой истории.

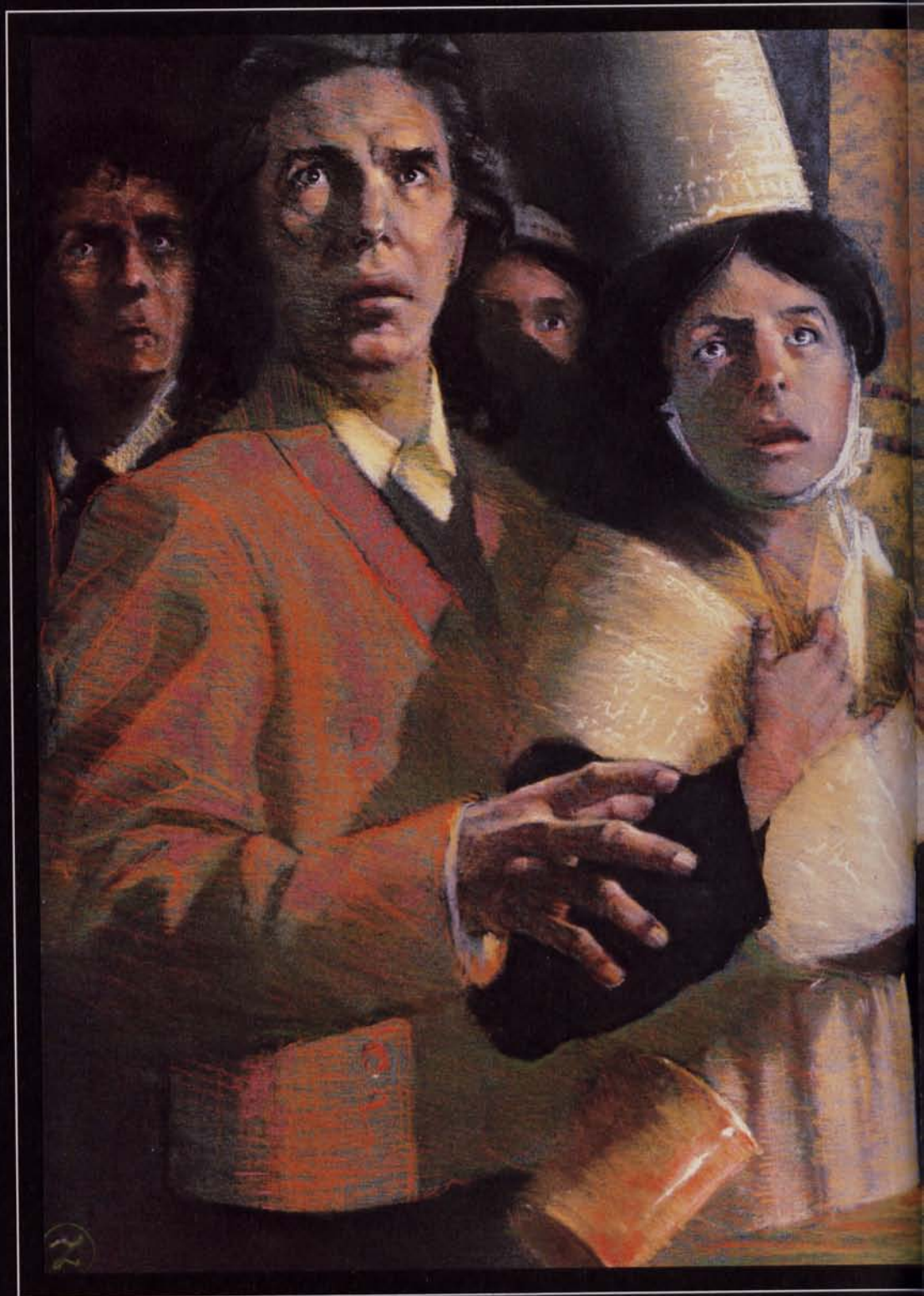
При свете луны Филипп достиг подножия холма, на котором возвышался крест, скрипящий под тяжестью своей ноши. Ступив на склон, он услышал, как кто-то окликнул его по имени, и увидел рыцаря в белых доспехах, который ехал верхом. Филипп ждал, озадаченный, поскольку не знал никого достаточно знатного происхождения, кто бы носил такое облачение или владел такой лошастью. В жизни он никогда прежде не видел рыцаря в доспехах, за исключением разве что церковного кладбища, где похожий рыцарь был вырезан на высоком каменном распятии. Всадник приветствовал его. Поклонившись с подобающей учтивостью, Филипп извинился за то, что не узнал того, кто, казалось, был с ним знаком. Рыцарь рассмеялся, но не поднял своего забрала, ответив, что знает Филиппа и знает, куда тот направляется в этот опасный час. Он предложил Филиппу подвезти его к кресту.

Пораженный, Филипп забрался на спину лошади позади рыцаря. Он чувствовал, что рыцарь был почему-то на его стороне. В эту грозную ночь Филипп принял бы без единого вопроса любую предложенную помощь. Когда лошадь устремилась вверх по склону, он ухватился за рыцаря, чтобы удержаться, — белые доспехи оказались теплыми на ощупь.

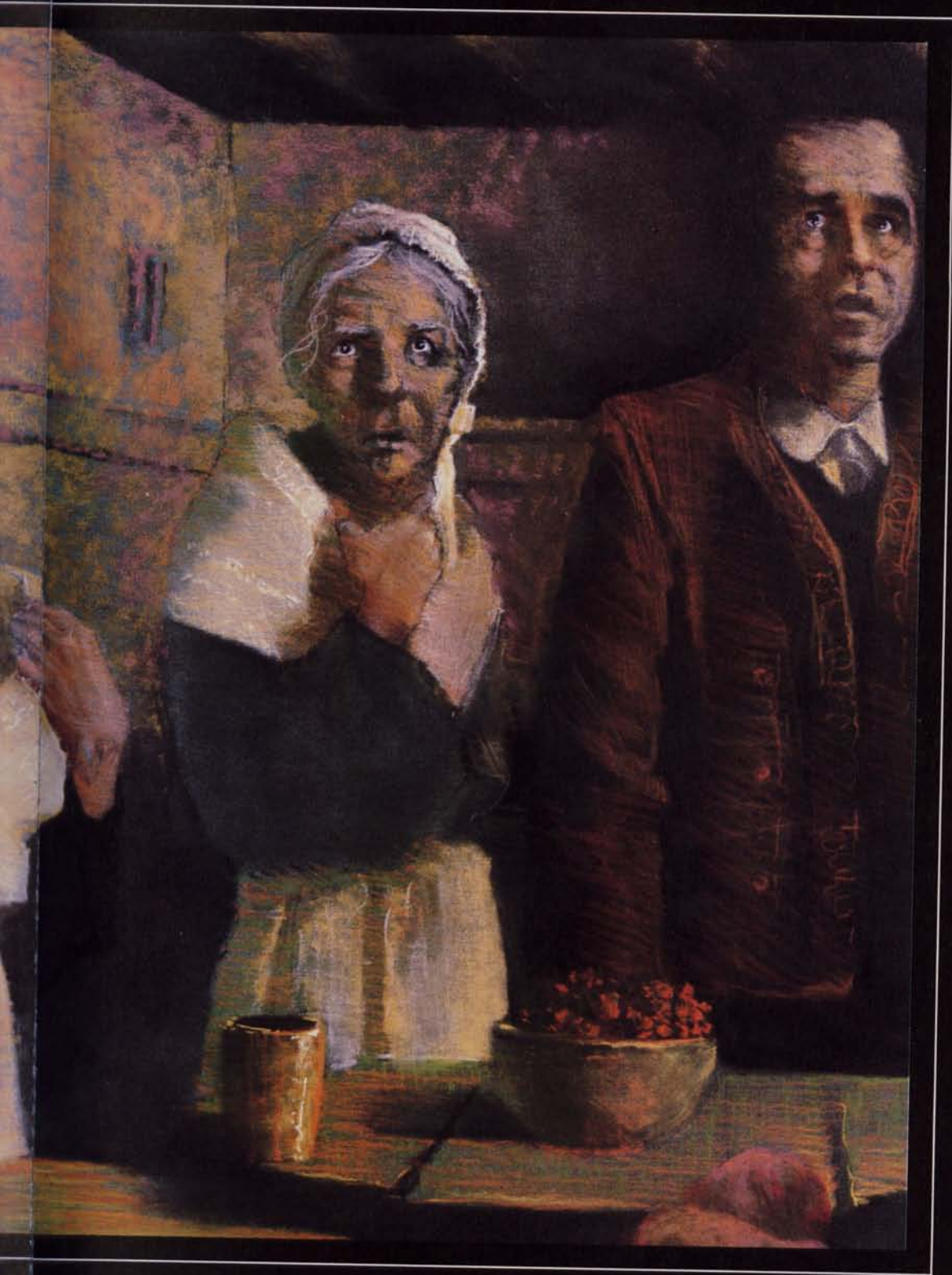
Они остановились недалеко от креста, который четко вырисовывался на фоне неба. Останки самоубийцы тихо раскачивались. Когда Филипп спешил, рыцарь велел ему без колебаний при-

близиться к скелету, сжать правой рукой его правую ступню, вернее, то, что от нее осталось, и объявить, что он пришел узнать, что нужно от него Кадо. Филипп исполнил все так, как было сказано. Заставив себя ухватиться за ступню мертвеца, он ощутил оголенные кости и остатки плоти, исклеванные воронами. Он спросил Кадо, что тот хочет от него? Скелет ожесточенно лягался, едва не сбивая Филиппа с ног, кости ходили ходуном, словно их трепала буря. Потом донесся стон, но не от останков, болтающихся на кресте, а из-под земли. Это был голос Кадо, сильно искаженный, извергающий ругань и проклятия, — Филипп никогда не слышал от друга таких слов при жизни. Он рычал, понося и ругая таинственного рыцаря, чье вмешательство лишило его законной добычи. Не будь рыцаря, кости жениха, а не кости Кадо качались бы сейчас на кресте, а прекрасная Маргарет обнаружила бы в своей постели совсем дру-





Распространяя отвратительное зловоние, незваный гость с опозданием прибыл на свадьбу. Приблизившись к новобрачной, он потребовал один, последний, поцелуй от женщины, которая его отвергла.



гого мужа. Филипп бегом вернулся назад к рыцарю, который, казалось, был совершенно безразличен к потоку проклятий, обрушившемуся на него. Это все, на что Кадо теперь способен, сказал рыцарь, он не может причинить зла Филиппу, а уж тем более ему. Он помог Филиппу взобраться на лошадь позади себя, и они поскакали вниз, к подножию холма. Спешившись, Филипп стал горячо благодарить незнакомца. Рыцарь поднял руку, призывая к молчанию. Оказанная помощь — это всего лишь плата за добрый поступок, сказал он и напомнил Филиппу об умирающем ребенке, которого он принес к крестильной купели. Благодаря этому проявлению доброты, душа ребенка была спасена и вознеслась на небеса к ангелам. Тут он поднял свое забрало, чтобы явить облик, сияющий неземным светом, затем прищипорил коня и исчез.

Но мертвые не всегда требовали возмещения убытков, как в истории о двух бывших друзьях.

Бывало, что привидения нуждались в помощи и полагались на милость тех, кто еще ходит среди живых.

Такой случай произошел на севере скалистого бретонского побережья декабрьской ночью в одну из самых суровых зим, какие только знавали в этих местах. В истории говорится об одной старой женщине по имени Мари-Работяга, которая хотя и зарабатывала себе на пропитание извозом, слыла также ведьмой. Ходили слухи, что она владеет тайнами магии, может отвратить опасность и насылет проклятия так же искусно, как ее соседи прядут шерсть. Такую женщину не пугали ночные ужасы. Когда простой люд теснился у огня или бес-

покойно ворочался в своих постелях, терзаемый дурными сновидениями, Мари-Работяга не сидела дома, а ехала в гроыхающей повозке, запряженной старой лошастью Могис, по мощеной дамбе, которая соединяла ее остров с материком. Это побережье было излюбленным местом мароде-ров, его часто посещали грабители разбитых кораблей и контрабандисты, которые, не задумываясь, могли убить всякого, кто попадался им на пути. Но эти злодеи сами боялись Мари-Работягу куда больше, чем она их. Говорили, что ее старая повозка, груженная товарами с рынка Ланиона, очень походит на повозку Анку — та с таким же грохотом выкатывает из вечернего тумана, наполненная свежесобраным урожаем душ.

Хотя Мари-Работяга внушала многим страх, она была справедлива ко всем и щедра к друзьям.

Не будь она такой, события той давней зимней ночи могли и не произойти.

У нее было в обычае каждый четверг отправляться на большую землю за припасами для женщины, державшей в деревне лавку. Но в ту декабрьскую неделю погода стояла такая ужасная, что Мари решила отказаться от своей поездки. Стужа обрушилась даже на мертвых: надгробные плиты на кладбище трескались от холода, а земля промерзла так, что невозможно было выкопать могилы для умерших. Мари-Работяга заявила, что если сама она и вынесет такую поездку, ее бедной Могис это не по силам.

Когда об этом услышала хозяйка лавочки, она в панике пришла к Мари-Работяге. Пятница была днем, когда местные каменотесы получали плату за свою работу. К полудню две сотни их явятся брать приступом ее магазин,

Под угрозой расправы жених подчинился приказанию встретиться с трупом на месте смерти Кадо. С помощью таинственного рыцаря оставшийся в живых парень сумел избежать смерти.



требуя свежей провизии и крепкого сидра, чтобы пропить свое серебро и залить тяготы нелегкой жизни. Хозяйка лавчонки рассчитывала, что Мари-Работяга подвезет свежий провиант в четверг с ярмарки. Иметь дело с каменотесами было так же тяжело, как рубить скалы, и если она не продаст им того, чего они требуют, они наверняка не придумают ничего лучшего, как пустить в ход свои кулаки, огромные, как окорока, и ботинки, тяжелые, как валуны, дабы излить постигшее их разочарование. Мари-Работяга велела ей вытереть слезы. Накинув шаль и натянув рукавицы, она отправилась в конюшню запрягать Могис, приговаривая лишь, что она знает, что поступает глупо, соглашаясь на эту поездку.

Путешествие на материк было холоднее, чем какое-либо из помнившихся Мари-Работяге, но без всяких происшествий. Она поставила Могис во дворе таверны, заплатила за нее и возвратилась в гостиницу к заходу солнца, чтобы, как обычно, поужинать похлебкой с хлебом перед тем, как покинуть это место. Хозяйка таверны была в ужасе от того, что кому-то нужно путешествовать в такую погоду. Она уговаривала Мари-Работягу остаться на ночь и даже предложила ей бесплатный ночлег.

Но Мари-Работяга отказалась. Она привыкла возвращаться назад с рынка ночью. Хозяйка же уговаривала ее подумать о лошади, а не только о себе. Она рассказывала истории о зверях, чьи уши трескались на морозе и чьи копыта замерзали так, что становились похожими на булыжники.

Мари-Работяга не изменила своего решения. Она попросила чашку горячего кофе с ложечкой бренди, чтобы согреться, затем запрягла Могис. Но прежде чем она покинула двор таверны, она призналась хозяйке, что тихий

голос в ее левом ухе предупредил ее об опасности при возвращении домой. Чем быстрее это произойдет, тем лучше, сказала Мари-Работяга.

Могис знала дорогу домой так же хорошо, как и ее хозяйка, и, не нуждаясь в подстегивании, пустилась рысью так быстро, насколько позволяла повозка. Мари-Работяга пыталась не заснуть, считая холодные точки звезд, усыпавшие небо. Но вскоре ее мысли оцепенели так же, как и тело. Внезапно она проснулась от толчка и чуть не выпала из повозки. Могис фыркнула и встала намертво.

Дорога впереди была пуста. Мари-Работяга щелкнула кнутом по костлявому боку Могис, но лошадь не двинулась с места, прижав уши к голове. Мари-Работяга слезла с повозки, чтобы посмотреть, что стало причиной задержки. Вглядевшись в темноту, она, однако, ничего не увидела. Барьер, преграждающий путь, не был частью видимого мира.

Мари-Работяга прочертила кнутом в воздухе знак креста, и в ее глазах вспыхнул колдовской свет. Она произнесла слова силы, приказывая невидимой сущности назвать себя. Из придорожной канавы раздался тоненький голосок. Мари-Работяга увидела маленького сморщенного человечка, притаившегося там. Она помогла ему вскарабкаться наверх, и он стал дрожать всем телом, глядя на дорогу. Мари-Работяга потребовала объяснить, что он такого сделал, чтобы так напугать лошадь. Он сказал, что ничего не делал, чтобы напугать, но везет с собой нечто, что могло встревожить животное. Его ноша, объяснил он, не может быть увидена невооруженным взглядом, но ее лошадь узнала, что это было, и не двинулась бы с места,

пока это находилось бы где-нибудь на дороге — впереди или позади.

Мари-Работяга подумала, затем сказала, что не намерена оставаться здесь целую ночь, поэтому старику лучше вскарабкаться на ее повозку вместе со своим невидимым багажом. Это, по крайней мере, позволило бы Могис продолжать путь. Незнакомец живо, с готовностью принял предложение, сказав только, что ему дозволено принимать помощь, но запрещено просить о ней.

Все это отняло у Мари-Работяги все силы, она не была какая-нибудь служанка, чтобы подсаживать его в тележку. Когда он устроился около нее, она ощутила, как прогнулась ось повозки. Доски заскрипели и застонали так, словно в повозку положили огромный груз.

Однако ее новый спутник был размером с десятилетнего ребенка и таким хрупким, что, казалось, хороший порыв ветра унес бы его. Она взмахнула кнутом, и Могис двинулась дальше.

Мари-Работяга спросила старика, не на остров ли он держит путь. Это был праздный вопрос, она задала его, просто чтобы не молчать, поскольку дорога эта никуда дальше не вела. «Я еду туда, куда и ты», — последовал ответ.

Когда они проезжали по дамбе, ведущей на остров, она вдруг увидела, что Могис вся мокрая от пота. Когда они доехали до места, где дорога разветвлялась, Мари-Работяга спросила своего попутчика, в какую ему сторону. К кладбищу, последовал ответ.

Только сумасшедший посещает такое место в этот час, запротестовала Мари, кроме того, ворота там на ночь запираются. Однако ее лошадь по собственной воле пустилась по дороге, ведущей к кладбищу, и ворота его были открыты.

«Вот видишь, нас ждут», — сказал старик. И, как будто его невидимый груз был уже сброшен, он легко спрыгнул на землю. Мари-Работяга подобрала поводья и отдала поспешную команду трогать.

«Стой», — произнес незнакомец, и Могис отказывалась трогаться с места, сколько хозяйка ни уговаривала ее. Мари-Работяга пробормотала все заклинания, какие только могла вспомнить, делала магические пасы ручкой кнута, но ничего не помогало. Старик объяснил, что, поскольку она сама, по собственной воле, предложила помощь, теперь они вместе должны продолжать это дело. Если же она попытается покинуть его до времени, груз, который несет он, ляжет на ее плечи. Но, подбодрил он ее, их работа почти закончена.

Он назвал семью Пасквие, проживающую на острове, и попросил провести его к месту на кладбище, где были похоронены члены этого семейства. Это было не трудно сделать, поскольку всего шесть недель назад Мари-Работяга присутствовала на похоронах последнего из тех, кто носил это имя. Она шла впереди, показывая дорогу, а маленький человечек следовал за ней, время от времени постанывая под тяжестью своей ноши. Она остановилась у нужной могилы.

Человечек пал ниц.

Затем при свете луны Мари увидела нечто такое, что заставило ее подумать, что она спит и ей снится сон. Каменная плита, которая покрывала могилу, отвалилась в сторону, и могила открылась, подобно ящику. Женщина отпрянула назад от смрада разложения и услышала, как что-то тяжелое с глухим стуком свалилось в яму. Дрожа, она поспешно перекре-



Зимней морозной ночью хозяйка повозки Мари-Работяга предложила утомленному путнику подвезти его. Он оказался необычным пассажиром, весь долгий путь лицо его оставалось закрытым.



стилась и выдохнула: «Да благословит Господь души умерших!»

«Именно душам умерших мы и помогаем», — прошептал старик ей на ухо. Мари обернулась и увидела, что он стоит выпрямившись. Вначале лицо его было видно довольно отчетливо, но вместо глаз виднелись темные впадины, а на месте носа — продолговатая щель.

Старик позвал Мари-Работягу по имени, хотя она не говорила ему его, он попросил ее не бояться и рассказал историю, которая все прояснила. Упомянув одну из стародавних битв великой войны, сотрясавшей Францию во времена жизни деда Мари, он поведал историю о двух молодых солдатах, неразлучных друзьях.

Один из них, Патрик Пасквио, был смертельно ранен. Умирая, он отдал все свои деньги товарищу и попросил его поклясться выполнить его просьбу. Он хотел, чтобы его друг купил ему место на кладбище и приготовил могилу, которую легко можно было бы найти. По окончании войны товарищ должен был вернуться на это место, достать останки Патрика и перезахоронить их на Бретонском острове, где лежали его предки. Друг Патрика должным образом поклялся, но клятвы своей не сдержал. Мертвый солдат был похоронен с двадцатью товарищами в общей могиле. После окончания войны его друг начал новую жизнь. Он купил ферму и завел семью. Он преуспевал, дожил до глубокой старости и в конце концов умер в своей постели. Но едва он оказался в могиле, как какая-то неведомая сила вытолкнула его оттуда. Ему не суждено будет успокоиться до тех пор, понял он, пока он не выполнит давно позабытое обязательство. Он

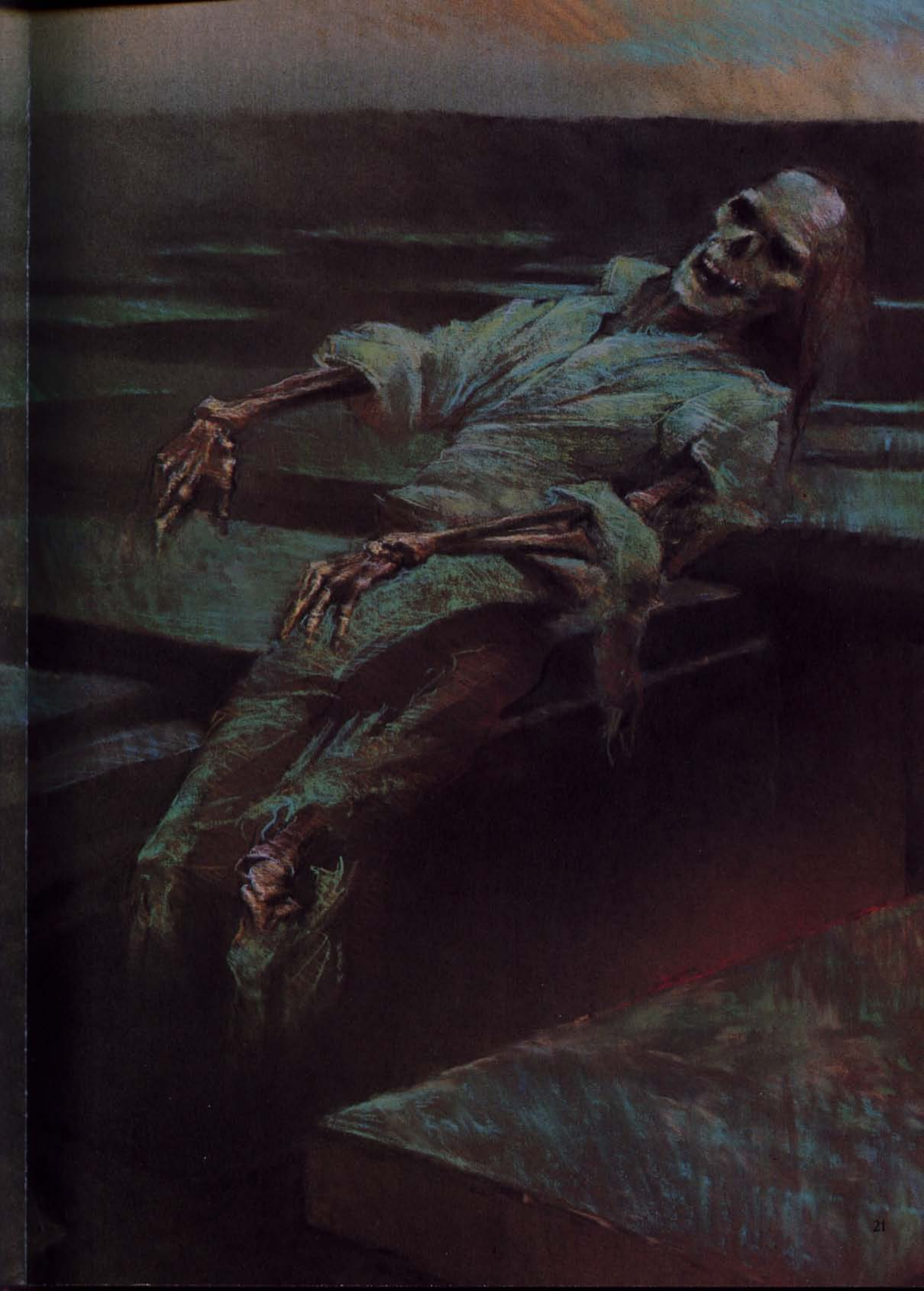
должен извлечь тело Патрика из безымянной общей могилы и перенести его, окутанное невидимым покровом, на подобающее место упокоения.

В наказание за нарушенное слово паломничество было особенно тяжелым. Передвигаться он мог только между полночью и рассветом, а каждую вторую ночь ему следовало идти назад, теряя таким образом три четверти пройденного расстояния. К этому моменту путешествие заняло около двадцати лет и могло бы продолжаться еще лет пять, если бы Мари-Работяга не оказала ему любезность и не взяла на свою повозку. Поэтому в знак признательности он сказал, что откроет ей один секрет. Пришло для нее время завершать свои дела на Земле. «Скоро мы встретимся снова», — произнес он и исчез в открытой могиле.

Мари-Работяга стояла ни жива ни мертва, зачоченев то ли от ужаса, то ли от мороза, пробиравшего до самых костей. Вернувшись назад к лошади, она увидела, что пот на ее ногах замерз, превратившись в хрупкую ледяную глазурь. Слишком ослабев для того, чтобы забраться обратно в повозку, она ухватилась за поводья и медленно повела старую Могис домой.

На следующее утро лавочница пришла в дом к Мари, чтобы забрать припасы, которые она заказывала купить. Она нашла свою подругу в постели. Лицо Мари-Работяги горело, она с трудом дышала и, задыхаясь, поведала свою историю, попросив послать за священником и стряпчим. Удостоверившись, что материальные и духовные дела улажены, она умерла, присоединившись к своему пассажиру. Но она не одна отправилась в загробный мир — в тот же самый день ее соседи нашли ее старую лошадь в стойле мертвой.

Рассказав свою ужасную историю, незнакомец опустился в могилу, которая раскрылась перед ним.



Неумолимая и безжалостная армия

Когда случался неурожай в средневековой Германии, призрак голода шествовал по земле, костлявой рукой подбирая детей, стариков и немощных. Животные тоже голодали, и огромные полчища крыс выходили из пустых амбаров, рыская по селениям в поисках пищи.

В обычно богатых поместьях Рейнской долины одна зима превзошла все другие ужасами, которые она породила. Лето было жарким, и к концу июля стебли пшеницы клонились под тяжестью зреющих колосьев. Но меньше чем за месяц до сбора урожая над золотыми долинами пронеслись грозы, которые погубили урожай, оставив пшеницу смятой и гниющей на сырой земле.

Голод был самым жестоким в древнем городке Бингене, что стоит на берегу реки Рейн. В отчаянии его жители все свои помыслы устремили к их единственной надежде на спасение: к заполненным амбарам их повелителя — богатого и скупого епископа Хатто Майнского. Несомненно, рассуждали они, он поможет: разве можно продолжать копить зерно, когда людям угрожает голод?

Неделю или больше епископ не давал ответа на все их обращения и мольбы о помощи, но однажды утром появился герольд с сообщением от него. Пусть те, кто голоден и не имеет средств заплатить за зерно, провозгласил он, соберутся в огромном амбаре. Там каждый получит заслуженное. Когда наступило назначенное время, у амбара собралась толпа истощенных людей.

Слуги с каменным выражением лиц стояли в ожидании и по сигналу распахнули тяжелые дубовые двери.

Толпа немедленно ринулась внутрь. Но люди не нашли там пшеницы. Там не было ничего, кроме мякины, взметаемой ветром, который проникал сквозь щели в стене. Вопль разочарования прокатился по амбару. Люди повернули назад. Но огромные двери захлопнулись перед ними.

И гнев сменился страхом. Те, кто оказался ближе к двери, попытался открыть ее силой. Но двери оказались накрепко заперты. В темноте заплакал чей-то ребенок. А потом пленники услышали другие звуки — сухое потрескивание пламени, охватившего солому.

Когда голод охватил земли Рейна, жестокий епископ заставил умолкнуть голодную чернь. Он заманил людей в амбар, запер двери и поджег его.



Едкий дым начал заполнять амбар. Первые панические крики о помощи сменились пронзительными воплями, когда огонь начал распространяться дальше. Пальцы слепо царапали стены, не находя выхода наружу.

Из окна своего дворца епископ наблюдал за происходящим. Он казался задумчивым, но невозмутимым. Все смотрел и смотрел, как огонь делает свою работу, до тех пор пока последние языки пламени не угасли на сводчатой крыше. После чего, повернувшись к одному из своих фаворитов, он сказал: «Они бы сожрали это зерно, как крысы, как крысы они и подошли».

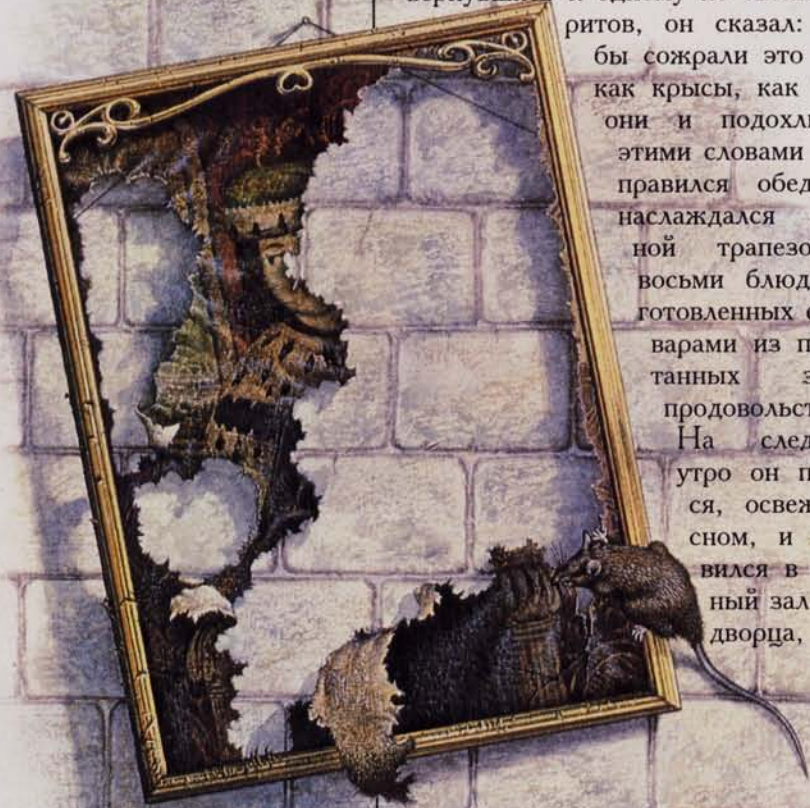
С этими словами он отправился обедать и наслаждался обильной трапезой из восьми блюд, приготовленных его поварями из припрятанных запасов продовольствия.

На следующее утро он поднялся, освеженный сном, и направился в огромный зал своего дворца, чтобы

просмотреть счета и определить налоги и десятину, причитающуюся ему. Когда он вошел, что-то мелькнуло у него перед глазами, заставив остановиться на полпути. Он повернулся, чтобы посмотреть на ряд картин, висевших на стене. Это была серия портретов всех архиепископов Майнских, из которых его собственный был самым последним и, как он полагал, самым лучшим. Все портреты были там, где обычно, кроме его портрета, который исчез. Лишь клочок холста трепетал на прохладном утреннем ветерке. Хатто просто задохнулся от гнева. И словно в ответ на его сердитое сопение трио крыс прыгнуло с картинной рамы и выбежало сквозь открытую дверь.

Епископ все еще взидал на пустую раму, когда торопливо вошел слуга. Он принес плохие вести.

Этой ночью амбары заполнили грызуны, и едва ли зернышко пшеницы осталось после них. Не успел он закончить, как явился другой посланец с еще более тревожной новостью: на подходе были новые полчища крыс. Гонимые голодом, они двигались вперед, опустошая поля и селения. И сейчас эти полчища стекались со всех сторон, приближаясь к городу. Хатто припал к ближайшему окну. Сказанное было правдой. Поля, окружавшие город — земля, на которой работали его крестьяне, — были черны от этих тварей. Полчища грызунов вздымались подобно волне вверх по холму ко дворцу, перетекали через стены и живую изгородь, не разбирая дороги. Они находились уже достаточно близко, так что Хатто мог различать отдельных крыс впереди колонны — вертящихся и скачущих тварей, упорно стремящихся к своей цели, —



Пока епископ наслаждался трапезой, полчища крыс тайком проникли во дворец и выгрызли его портрет из рамы.

они издавали такой пронзительный писк, что слышать его было невыносимо.

Какое-то время Хатто стоял как загипнотизированный, но вскоре инстинкт самосохранения побудил его к действию. Лицо у него посерело, и он бросился бежать по темным коридорам, по узким лестницам, прочь из дворца к подземному ходу, что пролегал под крепостными стенами.

Отсюда епископ по тропе спустился к Рейну. У края воды он громко отдал команду испуганному лодчнику, и вскоре оба они уже плыли по реке, держа курс на островок в середине русла.

Прежде чем лодка коснулась берега, епископ выпрыгнул из нее и начал карабкаться по камням к старой каменной башне, которая в более счастливые времена использовалась для летнего отдыха.

Ворвавшись в убежище, он приостановился лишь для того, чтобы покрепче запереть на засов дверь за собой, затем, перепрыгивая через две ступени, побежал вверх по винтовой лестнице. Когда, наконец, он достиг комнаты на самом верху, на высоте орлиного гнезда, то упал в изнеможении на кровать, чтобы отдышаться и привести в порядок свои мысли.

Но ему не пришлось долго отдыхать. Ужасный визг и сопение полчищ грызунов все еще преследовали его. Потом он вдруг осознал, что шум этот становится все громче и громче. Он заставил себя подойти к окну и увидел море крыс, которые теперь хлынули от стен дворца вниз с холма.

Подпрыгивая на волнах и следуя к своей цели, они рассекали воды Рейна и скапливались пульсирующей массой у подножия башни на острове. Он видел, как первые крысы начали проворно карабкаться вверх по отвесным каменным стенам. Остальные последовали за ними, и вскоре поднимающаяся меховая мантия окутала башню.

Отойдя от окна, епископ пал на колени. Страх помешал бы ему бежать, даже если бы и было куда спрятаться. Помимо воли руки его неосознанно стали перебирать четки, губы зашептали позабытые обрывки молитв.

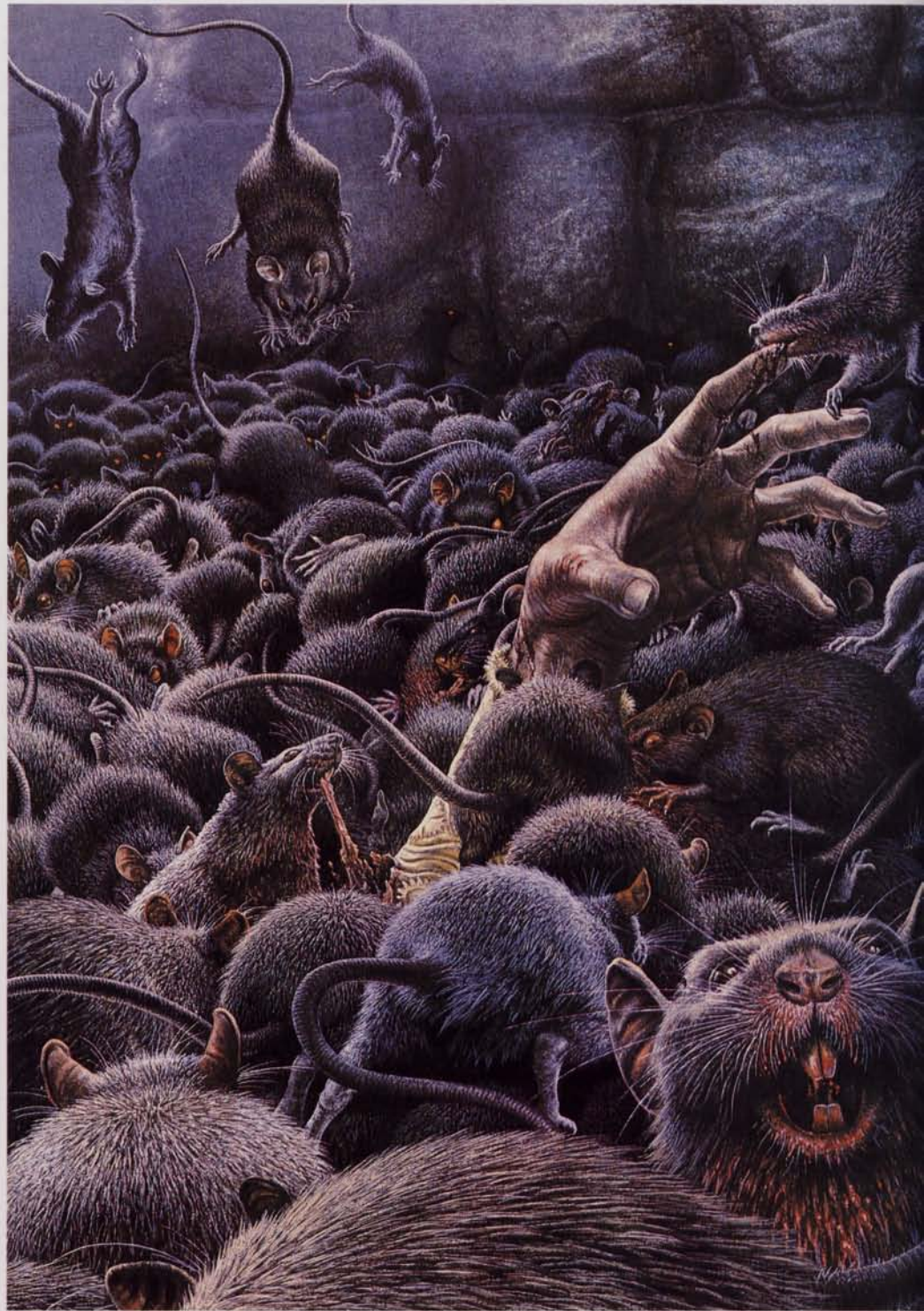
Через считанные секунды крысы оказались в комнате. С писком скачиваясь по стене, они окружили кровать, на которой лежал епископ.

Розовые мордочки подергивались, голодные глаза горели жаждой мщения. Все пространство было заполнено непрерывным писком и царапаньем их неугомонных лап по доскам пола.

От ужаса Хатто не мог шевельнуться, лишь закрыл глаза. Крысы были вокруг, приблизившись настолько, что щетина касалась его тела. Они обнюхивали его, как какую-нибудь падаль. Задрав морды, они показывали свои длинные желтые резцы, и зловоние смерти было в их дыхании. Одна прыгнула на лицо Хатто. Он инстинктивно отбросил зверя. Но тут вверх по кровати, накрывая ее и ее хозяина кишащим одеялом, двинулась целая стая крыс.

Когда слуги позже в тот же день нашли епископа, его плоть была обглодана до костей. Но нигде не было и признаков крыс. Они исчезли так же внезапно и таинственно, как и появились. Их желудки были наконец полны.





Изо всех пустых амбаров вышли в поход тысячи грызунов. Они добрались до убежища епископа, напали разом и насытились его хорошо упитанным телом.





В теле зверя

Сказители из Восточной Европы рассказывали об одном тяжелом периоде в истории Польши — о том времени, когда чужеземная армия расчленила страну и банды головорезов убивали всех на своем пути, проходя через беднейшие селения, а холера истребляла уцелевших. По жестокому совпадению обстоятельств погода тогда стояла на редкость скверная. За бессолнечным летом следовали разрушительные осенние бури, а зимы были такими холодными, что легче было умереть, чем выжить.

В сагах говорилось, что, казалось, сам сатана распростер над землею пару железных крыльев, преграждая путь свету с небес. Временами он подбирался еще ближе, бродя по миру и сея грех и ужас. Но в одной истории рассказывается о невинном юноше редких способностей, который бросил вызов самому Сатане. Имя его было Израэль, он был сиротой, и, чтобы выжить, ему приходилось надеяться только на свой ум и милосердие других. Будучи почти ребенком, он зарабатывал себе на пропитание тем, что водил детей из своей деревни в школу рядом с синагогой и обратно.

В те дни еврейским детям редко позволяли ходить свободно. Родители боялись за жизнь своих чад. Когда же они покидали тепло кухонь своих матерей, то делали это украшенные амулетами и осененные крестным знаменем, чтобы отвести болезни, бедствия или дурной глаз.

Скоро стало известно, что юный Израэль не только водит своих питомцев в школу и обратно, а делает и еще что-то. Когда заканчивались уроки, он вел свою маленькую группу школяров на ежедневные прогулки в лес, чтобы показать птичье гнездо, полное яиц, полюбоваться какой-нибудь бабочкой, пособирать грибы и попробовать лесные ягоды.

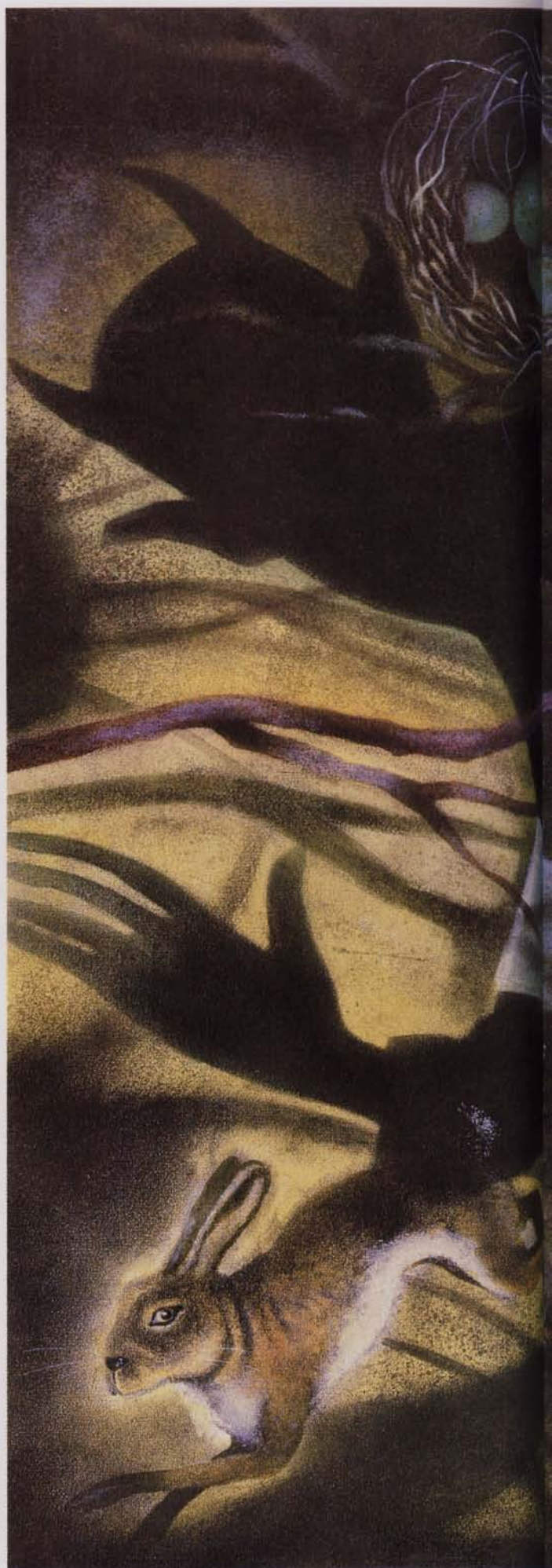


Он пытался внушить детям, что деревья, растения и дикие цветы так же святы, как и священные письмена. Пока они бродили среди деревьев, Израэль развлекал их загадками и историями, учил их песням, которые знал лишь он один. Это были хвалебные гимны, их мелодии были просты, а слова легко запоминались.

Но родители детей пришли в ужас, когда узнали о походах Израэля в лес. Это были люди, большую часть своей жизни проводившие в душных комнатах за закрытыми дверями дома, синагоги или мастерской. Когда Израэль приводил каждого ребенка домой, одна за другой сердитые матери подступали к нему, требуя объяснений. Однако так велико было очарование его прирожденной мудрости, что он был способен успокоить их и заверить, что их отпрыски находятся с ним в полной безопасности. Они хотели верить этому, ибо видели цветущие щеки своих детей и надеялись, что прогулки, возможно, им на пользу. Родители были бы менее уступчивы, если бы знали, что в глубине леса находится нечто опасное. В самой чаще жил старый дровосек со странным недугом. Каждую ночь в его тело вселялись демоны и свободно распоряжались им. Понуждаемый ими, он становился на четвереньки, завывал, как волк, и преследовал маленьких лесных зверьков, чтобы, догнав, вцепиться им в горло.

Днем он был человеком простым и бесхитростным, ни к кому не питал злобы. Подавленный своими припадками, которые случались с ним, он прятался от людей. Голоса Израэля и детей действовали успокаивающе на него, но демоны, что поработили его, были недовольны, поскольку боялись распеваемых тонкими детскими голосами гимнов, которые могли их одолеть. Эти меньшие демоны донесли о вторжении в их владения самому Сатане. Почувствовав угрозу, король Зла решил, что ему самому, а не его приспешникам, следует вступить в схватку со святым отроком.

Однажды в полночь, когда дровосек, терзаемый ночными кошмарами, стонал и что-то бормотал, Сатана, обернувшись человеком-волком, похитил его беспокойное сердце, вложив вместо него свое.









На этот раз, когда первые лучи солнца известили о приходе утра, монстр остался монстром.

Как только Израэль и его юная компания вошли в лес, намереваясь подкрепиться завтраком из диких ягод, они почувствовали, что что-то изменилось. Не пели птицы, не было даже ветерка, обычно шевелившего листья и шуршащего иглами сосен. Израэль прислушивался, пока детский смех не нарушил стоящую тишину. Они нашли заросли кустов, усыпанных спелыми ягодами, и теперь набивали ими рты и карманы.

Внезапно из глубины чащи донесся шум, и оттуда, рыча и пуская слюни, выскочил человеко-волк. Дети разбежались кто куда, только Израэль остался стоять там, где стоял. Зверь приближался, вырастая в размерах, пока не заслонил собой все свинцовое небо. В дыхании монстра чувствовался запах крови, которая была пролита во всех предшествующих войнах человечества. В нем было зловоние голода и гнусность греха. В глазах зверя отражались сцены побоищ: вот налетели всадники, чтобы вырвать младенцев из рук матерей и наколоть на острия своих штыков... Израэль читал все молитвы, какие только знал. Но слова отскакивали от кожи зверя, подобно искрам, не причиняя ему вреда. Израэль начал тихо напевать одну из старинных песен, которым учил детей, а человеко-волк открыл свою пасть, широкую, как врата ада, чтобы проглотить его.

Последующие события со всеми подробностями были достоверно изложены летописцами со слов Израэля. Отрок вошел в утробу зверя. Но, защищенный своей набожностью, Израэль ощутил действие сил, которые далеко превышали круг его знаний. Он обнаружил себя в месте, где законы природы не имели значения. По чьей-то воле, божественной или дьявольской, изменились перспективы и пропорции. Он продвигался по телу зверя, словно по темному коридору, влекомый звуками отдаленного барабанного боя. Тяжелые удары постепенно становились все громче и настойчивее. Они привели его к какой-то огромной пещере с костяными стенами, омываемыми кровью.

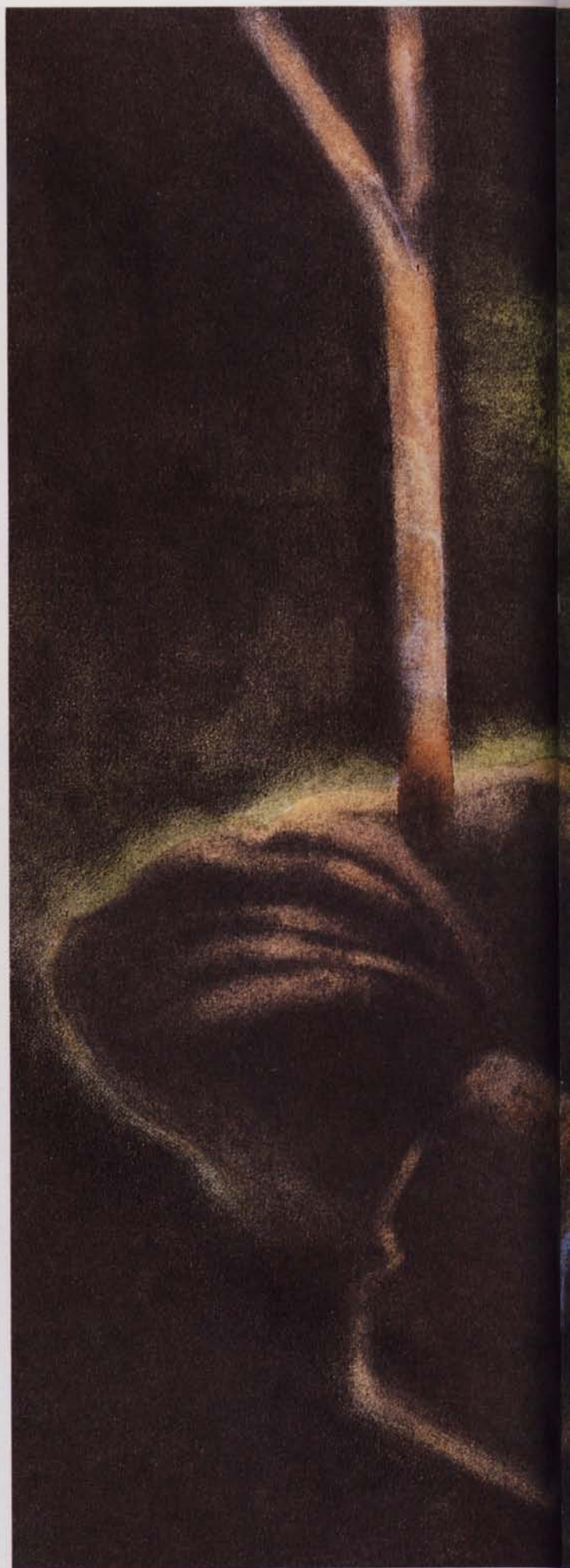
Там, подвешенное к ветвям дерева из плоти, свисало сердце этого существа — не сердце дровосека и не сердце волка, а сердце всего мирового зла, соблазнительно сверкающее, как зеркало, холодное и несокрушимо твердое на ощупь, как алмаз.

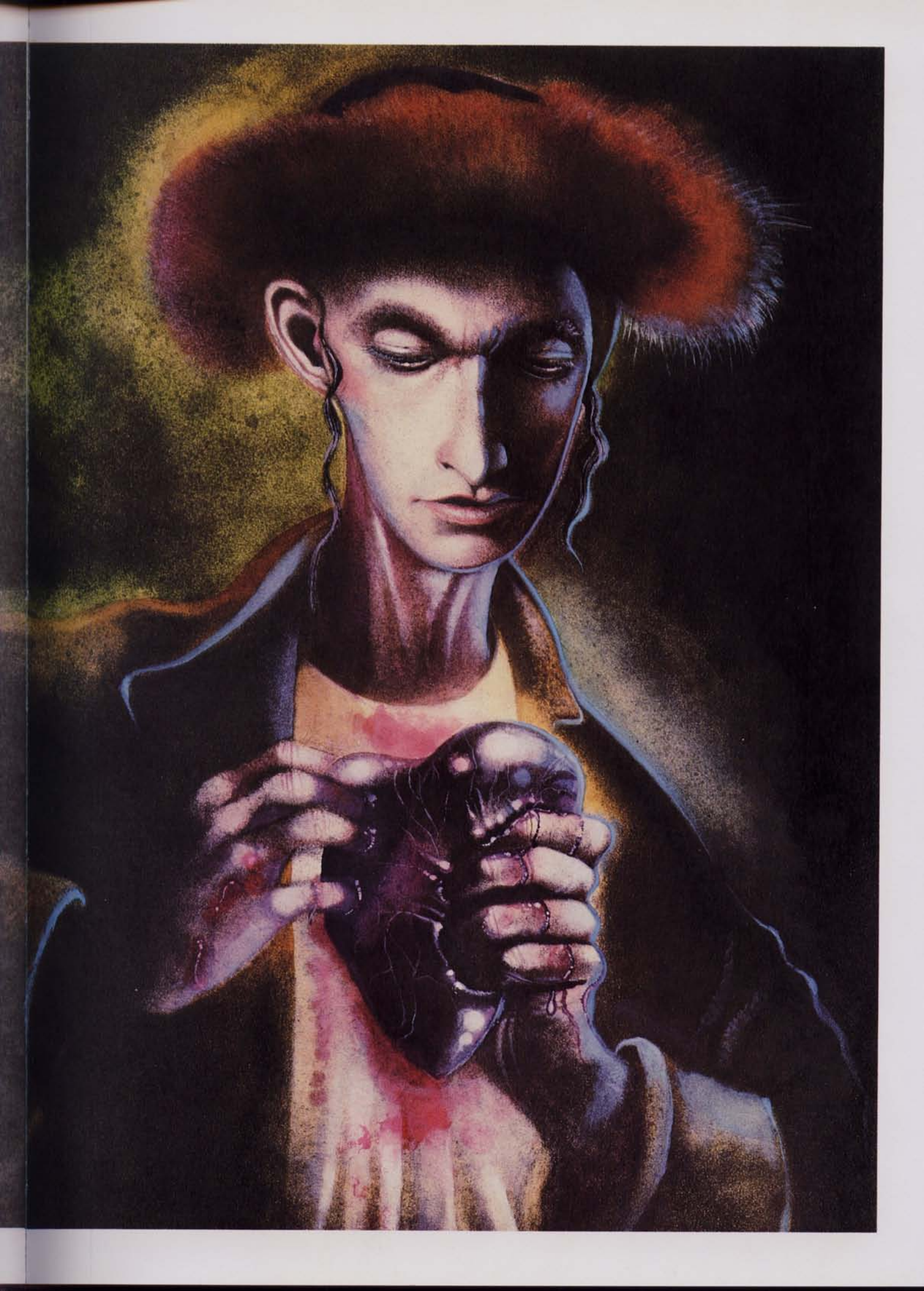
Человек меньшего мужества отпрянул бы в ужасе от него, как от свернувшейся кольцами гадюки, человек меньшей мудрости мог бы поспешно, необдуманно оторвать его. Но Израэль поднял руку, взял свободно свисающее сердце и поднес его к уху. И в глубине за ударами ненависти он расслышал тайный шепот печали, хныканье и всхлипы изнеможения. И тогда Израэль понял, что даже в глубинах дьявольской сущности так же способны жить страдание и боль. Никакой самый пагубный дух дьявола ли, демона не был неуязвим.

Нежно, словно бутон розы, он сорвал сердце и, держа в ладонях, направился снова к свету. Когда он вышел из тела зверя, земля задрожала под его ногами и гром расколол небо. Земля разверзлась перед ним, сердце выскользнуло из рук и скатилось в бездну. Поглотив его, земля сомкнулась вновь.

Израэль стоял перед трупом. То, что прежде было оборотнем, клыкастым, покрытым мехом, с когтями, сейчас оказалось всего лишь телом старого дровосека. Смерть преобразила его лицо. Он лежал улыбающийся и умиротворенный, с выражением святого спокойствия на лице.

Израэль вытащил свой сине-белый полосатый молитвенный платок из кармана, накинул его на плечи и начал нараспев читать священные слова Кадиша — древнееврейскую песнь скорби. Когда он закончил и оглянулся, то увидел деревенских детей, в молчании стоящих позади него. Он попытался было рассказать, что он узнал, побывав в теле зверя, в надежде, что его открытия придадут им мужества и утешат их, но они не стали слушать. И с того дня они больше не гуляли в лесу, редко пели и, подобно своим родителям, постарели до времени.





Торгуна, женщина с Гебридских островов, приехала жить на унылую, открытую всем ветрам исландскую ферму и привезла с собой сундук с прекрасным постельным бельем. Хозяйка дома, Турид, решила завладеть им, но Торгуна ничего не продавала ни за какую цену.

• 4 •

Урожай ужасов

Во времена, когда еще чтили старых богов, жители одной из уединенных исландских ферм стали свидетелями целого ряда ужасных событий. Все началось с появления путешественницы по имени Торгуна. Она прибыла с Гебридов, таинственных островов далеко на юге. Подобно многим людям того времени, она странствовала по свету, неустанно переезжая с места на место и устраивая свой дом там, где оказывалась в тот или иной момент жизни.

Она возила с собой два сундука с имуществом.

Старые сказители не объясняли, как она попала на ферму под названием Фрода, которая располагалась на полуострове. Возможно, какой-то отдаленный родственник фермера, обитающий на берегах Востерсэй или на торфяных пространствах Левиса, прислал ее туда с подарками и приветами. Она была любезно принята хозяином Фроды, но довольно прохладно его женой Турид. Однако хозяйка значительно потеплела, когда гостя распаковала свои сундуки. Все женщины большого дома собрались вокруг, привлеченные возможностью

увидеть что-то новое и красивое.

Это была разношерстная публика, собранная здесь судьбой. Некоторые из них были двоюродными сестрами, другие — рабами, третьи — женами мужчин, связанных обещанием драться на стороне хозяина Фроды в случае войны.

Турид взглянула на вещи, и сердце ее заняло от желания иметь эти простыни из английского полотна, драпировки из богатой парчи, покрывало из восточного шелка. Были даже тюфяк и подушки, каких раньше не приходилось видеть ни у кого из соседей. Турид была не из тех, кто бросается словами попусту. Она сразу попросила Торгуну назвать цену.



Падая на поля во время сенокоса, кровавый ливень промочил траву и покрыл пятнами одежду Торгуны, выбрав ее в качестве жертвы, которую требовали рассерженные боги. Она была приговорена.

Гостья рассмеялась и спросила, с какой стати она будет спать на постели из соломы, позволив Турид нежиться в роскоши. Стоявшие рядом старались скрыть свои улыбки, забавляясь тем, что их гордую хозяйку поставили на место.

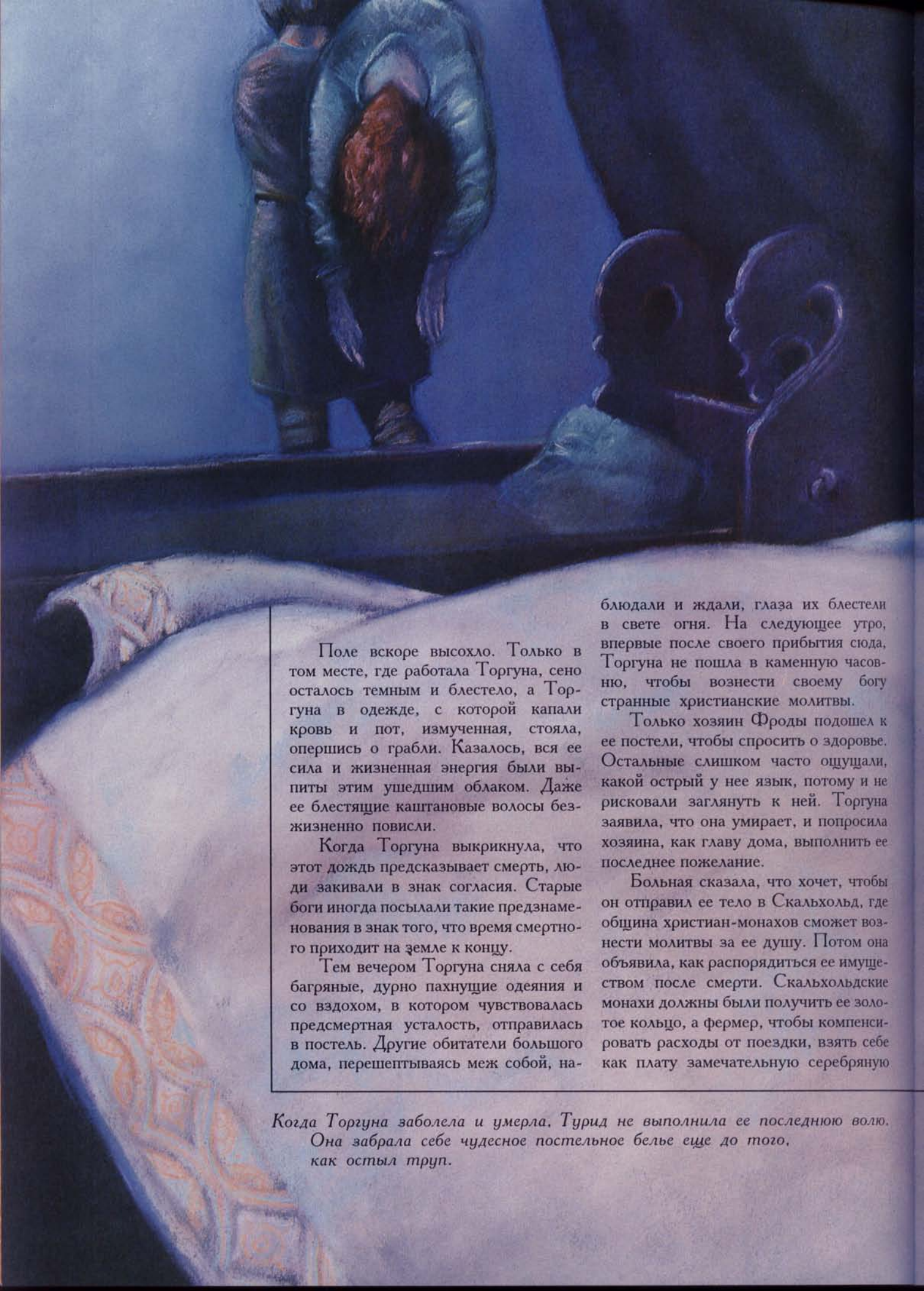
Хотя Торгуна имела достаточно золота, чтобы оплатить свое проживание, она предпочитала работать, помогая на ферме, — ткала, когда погода была сырая, ворошила сено, когда было сухо.

С ее острым языком и замкнутым характером она не приобрела друзей. Хуже того: у нее была иная, чужая вера, угрожавшая древней гегемонии Одина и Тора.

Кажое утро она отправлялась помолиться в заброшенную каменную часовню, построенную ирландскими монахами, которые жили на этой земле до того, как пришли викинги. Женское население Фроды роптало, говоря, что ничего хорошего из этого не выйдет. И действительно, во время сенокоса старые боги дали волю своему гневу.

В ослепительно ясный день, когда мужчины и женщины Фроды ворошили сено, чтобы оно побыстрее высохло, поднялась пришедшая неведомо откуда буря. Невзирая на ливень и град, Торгуна продолжала переворачивать и раскладывать сено. Но все, кто находились вокруг нее, в ужасе разбежались — дождь шел кровавый. Алые ручьи стекали с рук Торгуны, собираясь в лужи у ее ног, окрашивая сено, которое она разбрасывала, в красный цвет. Увидев, что тело ее покрыто запекшейся кровью, Торгуна пронзительно закричала. Люди пятились, отступали назад, шепотом переговаривались между собой. Облако растаяло так же быстро, как и появилось.





Поле вскоре высохло. Только в том месте, где работала Торгуна, сено осталось темным и блестящим, а Торгуна в одежде, с которой капали кровь и пот, измученная, стояла, опершись о грабли. Казалось, вся ее сила и жизненная энергия были выпиты этим ушедшим облаком. Даже ее блестящие каштановые волосы безжизненно повисли.

Когда Торгуна выкрикнула, что этот дождь предсказывает смерть, люди закивали в знак согласия. Старые боги иногда посылали такие предзнаменования в знак того, что время смертного приходит на земле к концу.

Тем вечером Торгуна сняла с себя багряные, дурно пахнущие одеяния и со вздохом, в котором чувствовалась предсмертная усталость, отправилась в постель. Другие обитатели большого дома, перешептываясь меж собой, на-

блюдали и ждали, глаза их блестели в свете огня. На следующее утро, впервые после своего прибытия сюда, Торгуна не пошла в каменную часовню, чтобы вознести своему богу странные христианские молитвы.

Только хозяин Фроды подошел к ее постели, чтобы спросить о здоровье. Остальные слишком часто ощущали, какой острый у нее язык, потому и не рисковали заглянуть к ней. Торгуна заявила, что она умирает, и попросила хозяина, как главу дома, выполнить ее последнее пожелание.

Больная сказала, что хочет, чтобы он отправил ее тело в Скальхольд, где община христиан-монахов сможет вознести молитвы за ее душу. Потом она объявила, как распорядиться ее имуществом после смерти. Скальхольдские монахи должны были получить ее золотое кольцо, а фермер, чтобы компенсировать расходы от поездки, взять себе как плату замечательную серебряную

Когда Торгуна заболела и умерла, Турид не выполнила ее последнюю волю. Она забрала себе чудесное постельное белье еще до того, как остыл труп.



брошь. Турид должна достаться красная накидка с капюшоном, а все остальное следовало сжечь.

Пойдут в огонь и отличные английские простыни, и тяжелые подушки, и шелковое покрывало, и толстые занавеси, и даже тюфяк. Если хоть одна кисточка или обрывок тесьмы или цветной нити останутся, сказала Торгуна, бедствия вновь обрушатся на ферму Фроды и всех, кто там живет. Испуганный фермер дал торжественную клятву исполнить все, о чем она просила.

После недели приступов и лихорадки Торгуна умерла. Как того требовал обычай, Турид быстро закрыла глаза, рот и ноздри умершей, чтобы ее дух не выскользнул и не навредил живым. Когда труп был вынесен, Турид, улыбаясь, разобрала постель.

Ее муж велел собрать все постельные принадлежности, чтобы он смог унести их и сжечь. Необычайно ласково Турид обхаживала и утешала мужа. В самом деле, уговаривала она его, ужасные угрозы Торгуны были проявлением ее злобного характера, а не пророчеством. Медовые слова Турид затмили предостережение мертвой женщины, фермер уступил своей жене. Он сказал, что она может взять кое-что, но не все. Отдав ей простыни и драпировки, он не взял серебряной броши, которую следовало взять как уплату за перевоз тела, он надеялся таким образом сдержать, пусть не буквально, свое обещание. Подушки и тюфяки, как бы там ни было, будут сожжены, дабы умиротворить дух умершей. Этот компромисс дался ему нелегко, клятвы мертвым нельзя так легко нарушать.



Перевозка тела Торгуны через страну — дело нелегкое. До тех пор пока труп не будет похоронен, существует вероятность, что он может подняться в своем саване, чтобы бродить по свету.

С тяжелым тюком, привязанным к спине одного из волов, маленькая группа мужчин и женщин пустилась в путь через пустынные пространства к монастырю. Чудесная летняя погода внезапно закончилась кровавым ливнем, холодный промозглый ветер задул из Арктики, возвестив о начале долгой зимы. Когда похоронная процессия отправилась в трудный путь, тело начало подавать признаки собственной воли. Оно сползало с одного бока вола на другой, если его крепко не привязывали веревками. С каждым шагом оно становилось все тяжелее, и вол шел все медленнее, пока в конце концов не остановился, не реагируя больше на удары хозяйского кнута. Упала ночь, но впереди замаячили огни какой-то фермы. Как перевозчики мертвого к месту погребения, люди имели право на гостеприимство — на горячую еду, сухую одежду и самое теплое место у очага. Но хозяин фермы оказался скрягой и предложил им самое скромное укрытие, отказав в остальном. Не в силах идти дальше, люди расположились на ночь, далеко от огня, с урчащими от голода животами, в промокшей одежде.

Прежде чем они уснули, послышался шум из кухни. Когда хозяин дома отправился посмотреть на грабителя, он увидел, как обернутый саваном труп Торгуны двигался туда-сюда, готовя ужин для своих носильщиков. Взмахивая могильными одеждами, она брала провизию из обильных припасов в шкафу и ставила на стол отличную еду. Обеспокоенный

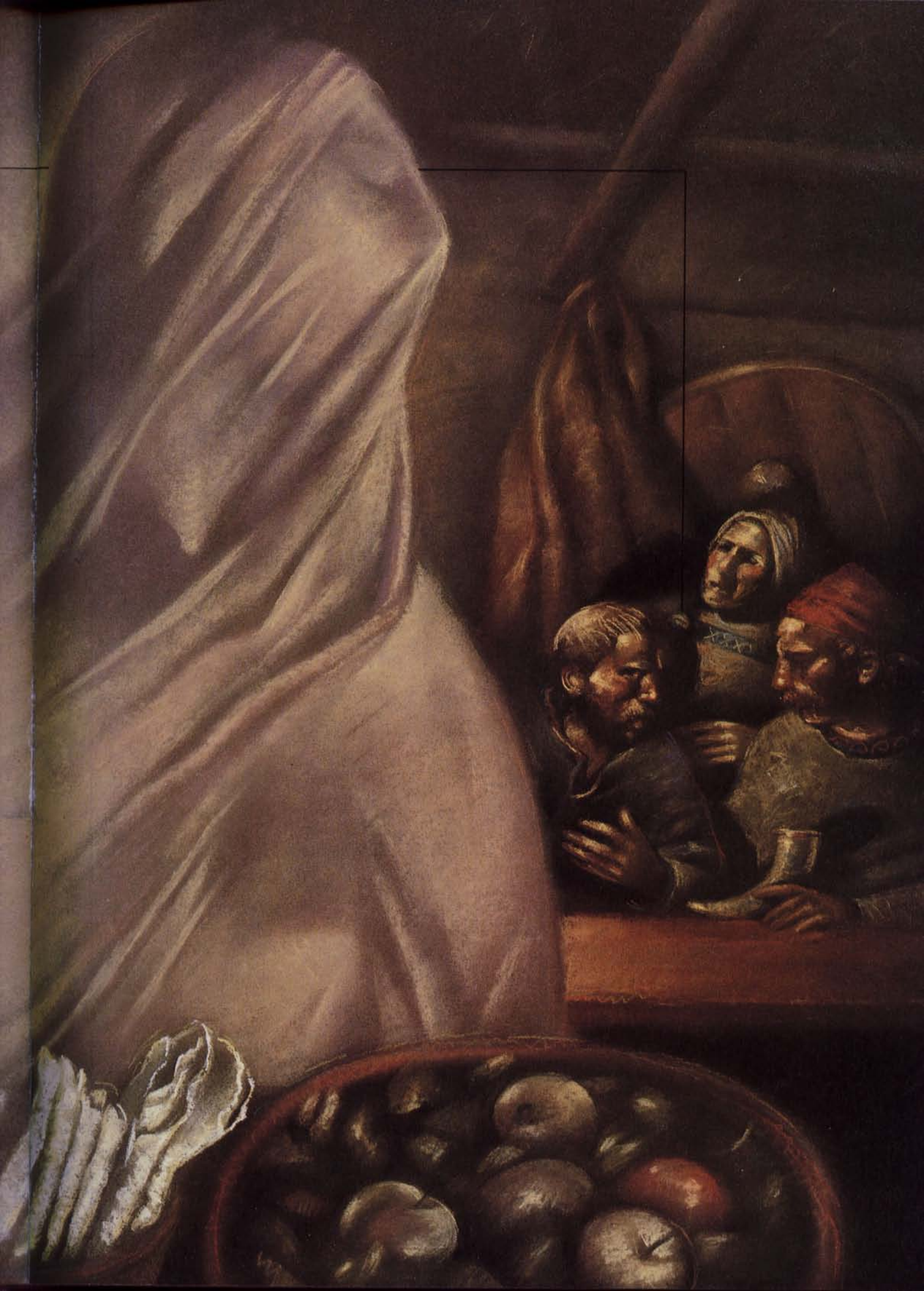
тем, чтобы исполнить желание духа и таким образом отвратить проклятие от своего урожая и поголовья скота, фермер пригласил путешественников поест и расположиться поудобнее.


Компания приблизилась к столу, с подозрением глядя на еду, приготовленную умершей. Опасаясь мщения, фермер пробормотал заклинание над блюдами, затем попросил мужчин и женщин Фроды сесть к столу. Их хозяин первым поднес кусок ко рту. Некоторое время другие наблюдали, как он ест. Видя, что угощение не приносит вреда, люди сначала осторожно, а затем жадно набросились на еду. Умиротворенная Торгуна вернулась на свое место.

Новость о том, что произошло, быстро распространилась по округе, и в продолжении всей дальнейшей поездки носильщики Торгуны везде встречали отменное гостеприимство, какое только могла предложить эта неприветливая земля. Каждый боялся мертвой женщины, но, наверное, от того, что все ее пожелания выполнялись, она, удовлетворенная, лежала тихо.

В монастыре монахи приняли золотое кольцо и взяли ее душу под свое покровительство. Они предали земле ее бренные останки, чтобы она могла ожидать там Судного Дня. Свободные от обязательств, люди с Фроды тем же путем возвращались на свою ферму. В первый же вечер по возвращении все домохозяды уселись у огня в большой комнате. Сплетни, собранные во время путешествия в монастырь, передавались людям, которые оставались дома. Всякая новость из внешнего мира была интересной людям с фермы, живущим замкнутым кругом. Внутри границ из толстых дерновых стен тридцать мужчин, женщин и детей жили уединенно, вороша старые скандалы

Сопровождая мертвую женщину на кладбище, траурная процессия остановилась на отдых на ферме. Здесь дух Торгуны возник из теней, чтобы прислуживать на ужине.





и вынашивая планы отплатить обидчикам той же монетой.

Они дрались и перебранивались, плели интриги и сплетничали, это было их привычной жизнью в долгую зимнюю ночь. Постепенно воздух в комнате становился все более зловонным от запаха горящего торфа, паров кипящих горшков и кисловатого запаха потных тел. Отрывочный бессвязный разговор вокруг огня вдруг оборвался. Луч света из неизвестного источника поплыл по стенам, бродя из угла в угол. Он медленно описывал круги справа налево. Одна сгорбленная старуха выкрикнула, что это Луна Урд, богиня судьбы, предвестница гибели, и хуже всего было то, что она двигалась против солнца, это был верный знак того, что этот луч от темных сил, правящих ночью. Другая женщина, тоже искушенная в черной магии, задрожала и сказала, что чувствует присутствие смерти в доме, это предостережение всем его обитателям. Видимо, Торгуна не могла успокоиться в своей могиле. Целую неделю полумесяц являлся каждую ночь и его свет лился на стены комнаты. На восьмую ночь, когда все домочадцы сидели в большой комнате, глядя на стены в ожидании появления таинственного полукруга, неожиданно входная дверь распахнулась и из темноты ночи в дом ввалился пастух, который пас стадо Фроды. Глаза его блуждали в диком страхе, он судорожно дергался. Избегая людских взглядов, он изрыгал проклятия на каждого, кто к нему приближался. Его оставили в покое, поскольку этот большой мужчина имел свирепый нрав. Он нечленораздельно начал рассказывать о какой-то опасности снаружи, в темноте, потом побежал, что-то выкрикивая, назад в овчарню.

Каждую ночь в течение двух недель пастух врывался в дом с новым сообщением о каких-то страхах, никогда не говоря, что же угрожает ему на пустошах. А однажды утром группа мужчин нашла его мертвым в его хижине, хотя на теле не было никаких следов насилия. Его похоронили в тот же день в пустой часовне, набросав грудой камней сверху, чтобы удержать в могиле.

Той же ночью кто-то стучал по стенам дома и швырял комья грязи в дверь. Одна из женщин открыла ее и тут же с треском захлопнула — это неистовствовал труп пастуха. После этого в течение многих ночей он сидел верхом на крыше дома, колотил ногами по балкам и выл на луну. Он скреб ногтями стены и царапался в дверь, словно в поисках других, готовых присоединиться к нему в могиле людей. Никто не рисковал выходить наружу после захода солнца, поскольку темнота теперь принадлежала ему. Люди бормотали заклинание против пастуха и трясущимися руками сжимали амулеты.

В одну из ночей серия ужасных глухих ударов разнеслась по дому. Призрак, не подвластный силе заклинаний и амулетов, напал на одного из мужчин, возвращавшегося с полей. Задышавшись, он произнес заклинание, чтобы отогнать ходячего мертвеца, раненый приполз к двери, ребра у него были поломаны, а голова разбита до крови. Хотя его жена была известна как опытная колдунья, она оказалась бессильна спасти его. Когда он умер, тело его положили рядом с могилой пастуха, в давно заброшенной церкви.

С этого времени два мертвеца начали буйствовать вместе. Каждую ночь в сгущающейся тьме они ждали на краю луга новую жертву, угрожая людям из деревни.

Внутри дома происходили другие неприятности. Необъяснимые шорохи, царапанье, треск слышались из ларя, где хранились запасы сушеной рыбы на зиму. Когда кто-нибудь заглядывал туда, он ничего не видел, кроме груды высушенной соленой трески. Дом находился в осаде ходячих мертвецов. С запавшими от недосыпания глазами, его обитатели быстро впадали в гнев. Ссора унесла одну жизнь, холода и лихорадка другую. Вскоре целая группа пришельцев с того света собиралась у стен дома, бормоча угрозы и проклятия.

За исключением нескольких часов в середине дня, тьма и ее порождения правили фермой. Ревели в своих загонках быки, лягая деревянные загородки, когда мертвецы взбирались на них и ездили верхом. Невидимые руки выдаивали у коров молоко по ночам. С каждым днем животные тощали, было видно в водянистом свете зимнего утра, как закатывались от страха их глаза.

Турид стала очень тихой. Как будто разделяя какую-то тайную вину, она и ее муж избегали смотреть друг на друга. Они осторожно передвигались по дому, следя за тем, чтобы не соприкоснуться в тесных пределах узкой комнаты. Турид сидела на своем стуле, поглаживая чудесные постельные вещи Торгуны, в то время как ее муж, наблюдая за этим, крепко сжимал челюсти. Натруженные руки водили по запутанным узорам вышивки, ласкали белье, как будто она считала стежки.

Звуки, доносящиеся из глубин ларя с рыбой, становились громче день ото дня. Все начали беспокоиться о зимних припасах. Даже если рыбу никто не съест, она может быть испорчена невидимым незванным гостем. Хозяин фермы решил отправиться в ближайший рыбный порт, чтобы прикупить еще трески. Собрав пятерых самых сильных мужчин, он отправился туда на быстроходном десятивесельном судне. Путешествие это обещало быть опасным, поскольку приближалось время зимнего солнцестояния, море было беспокойным, небо темным и злые духи в самой силе. В тот вечер в доме, после того, как был разожжен огонь и начали собираться люди, одна служанка неожиданно пронзительно закричала и уронила миску с кашей. Она показывала на что-то темное, поднимающееся с поверхности пола. Это была голова серого тюленя. Несмотря на то что он оказался способен пройти сквозь твердую, крепко утрамбованную землю и тростниковую циновку, он не был привидением.

Схватив дубинку, девушка начала колотить незваного пришельца. Но скользкое тело твари продолжало проталкиваться сквозь пол. Тюлень устремил свои сердитые глазки на кровать Турид, пристально глядя с почти человеческим выражением на украденные вещи Торгуны, ее простыни и покрывала. С каждым ударом дубинки чудовище поднималось все выше и выше, до тех пор, пока с его ласт не натекли темные лужи на полу. Служанка упала в обморок, остальные домочадцы застыли, парализованные ужасом,



...иный кулик неизвестного происхождения вырвался из-под
...и пола фермы. Взяв в руку молоток, сын Турид начал
...и сущего, пока оно не утонуло в земле снова.

казалось, никто не был способен остановить дьявольского зверя.

Кьяртан, сын Турид, протиснулся сквозь толпу с каменным молотком в руке. Высоко подняв его, он ударил по черепу твари. Тюлень встряхнул серой головой, пошевелил усами и пристально оглядел комнату. Кьяртан продолжал свирепо колотить его, нанося удар за ударом. Дыхание его стало тяжелым, прерывистым, тело заблестело от пота — он вкладывал в удары всю свою юношескую силу.

Наконец, тюлень попятился назад и исчез во тьме. Однако Кьяртан продолжал бить до тех пор, пока пол вновь не стал плоским и гладким. Люди повернули прочь от места вторжения, бормоча, что даже дом перестал быть защитой от вторжения нечистой силы.

Неприятности нарастали как снежный ком. На другой день какой-то рыбак принес известие, что хозяин Фроды и его товарищи погибли в штормящем море. Их лодка была найдена перевернутой, но не поврежденной, ящики с купленной рыбой прибило к берегу морским приливом. Кьяртан и Турид решили, что погибшие в море должны быть достойно помянуты. Несмотря на царящий в доме страх и хаос, они пригласили соседей почтить память мертвых. Вынесли эль, припрятанный ко дню зимнего солнцестояния, приготовили еды для гостей на целую неделю.

В первую ночь пиршества, когда гости уселись вокруг длинного стола с чашками эля в руках, дверь неожиданно распахнулась, и холодный сырой ветер ворвался в дом.

Все мертвецы фермы Фрода, жертвы насилия и болезней, выходили в зимние ночи, чтобы разделить пищу и огонь с живыми.

Утонувшие мужчины гуськом вошли в дом. Они явились на собственные похороны. Кожа их морщижилась и была раздутой от долгого пребывания в холодной морской воде. Вода капала с их одежды и волос, в сапогах хлюпало. С несчастным, жалким видом они потирали холодные, бледные руки, продвигаясь к огню.

Остановившись у очага, они грелись, от мокрой одежды поднимался пар. Живые жались в стороне, держась в тени. Они знали, что потерпевшим кораблекрушение морякам, находящимся под покровительством богини морей Ран, позволено иногда нанести последний визит домой, прежде чем их волосы превратятся в морские водоросли, а кожа в студень. Затем так же беззвучно, как и появились, мертвые ушли.

На следующий вечер они явились вновь, как только был розожжен огонь. Остаток недели, пока продолжались траурные трапезы, приходили и они. Некоторые из гостей утверждали, что как только похороны закончатся, мертвые останутся в морских водах. Но в первую же ночь, после того как гости отправились по домам, утонувшие появились вновь.

На этот раз они были не одни. Как только трупы, с которых все капала и капала вода, уселись возле горящего огня, к ним присоединились мертвецы с кладбища, роняя на пол комья мерзлой земли, прилипшей к их саванам. Пока горел огонь, мертвые занимали комнату, в то время как живые дрожали от холода в необогреваемой передней. После этой ночи Кьяртан приказал, чтобы огонь разводили и в другой комнате тоже. Те-

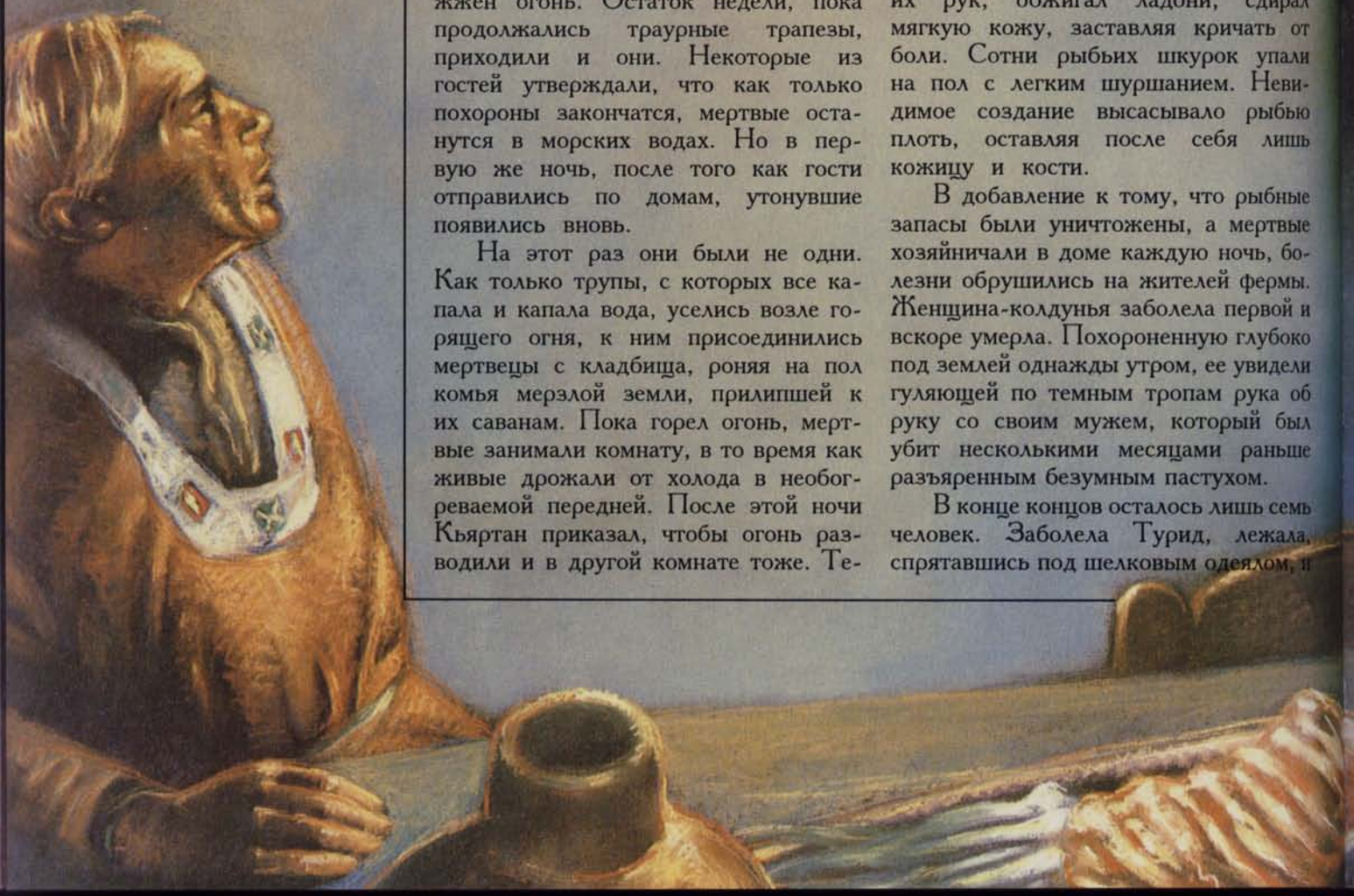
перь каждую ночь, когда мертвые заполняли главную комнату, живые жались друг к другу у меньшего огня. Так закончился старый год и прошла неделя после него.

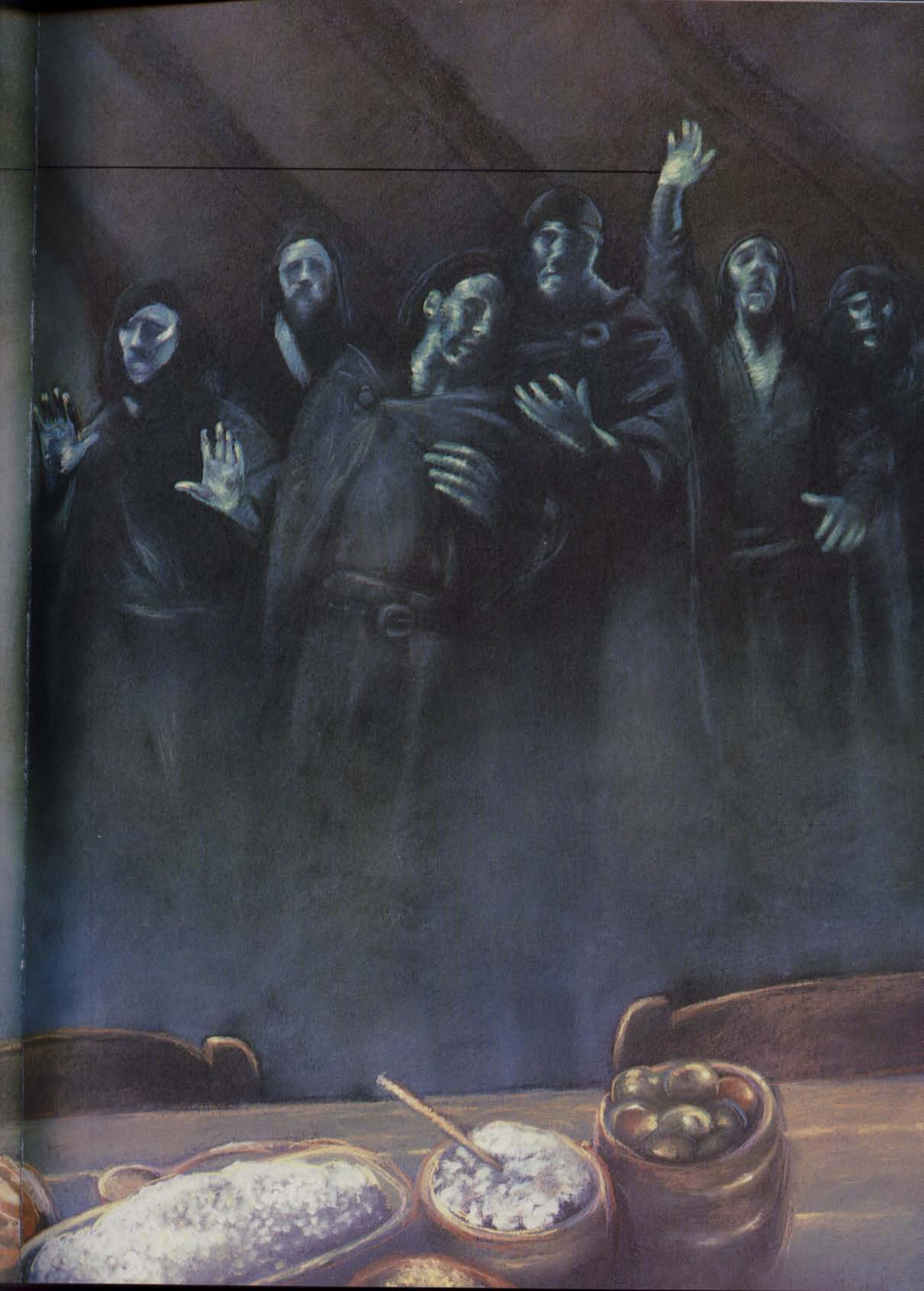
За эти месяцы нашествия привидений шум, идущий из рыбного ларя, становился все громче. Однажды вечером, когда служанка отправилась к нему, чтобы взять немного рыбы из запасов, она увидела длинный тонкий хвост, покрытый короткими волосами, он лежал поверх соленой трески. Хвост пачкал черным и был обжигающим на ощупь, оканчивался кисточкой волос. Она ухватила за него, призывая на помощь других. Служанка подумала, что хвост принадлежит той самой твари, которая шумела в сушеной рыбе.

Каждый подбегавший хватался за хвост. И хотя все они напрягались изо всех сил, вытянуть из-под рыбы хозяина хвоста не могли. Хвост моментально выскакивал из их рук, обжигал ладони, сдирая мягкую кожу, заставляя кричать от боли. Сотни рыбьих шкурок упали на пол с легким шуршанием. Невидимое создание высасывало рыбью плоть, оставляя после себя лишь кожицу и кости.

В добавление к тому, что рыбные запасы были уничтожены, а мертвые хозяйничали в доме каждую ночь, болезни обрушились на жителей фермы. Женщина-колдунья заболела первой и вскоре умерла. Похороненную глубоко под землей однажды утром, ее увидели гуляющей по темным тропам рука об руку со своим мужем, который был убит несколькими месяцами раньше разъяренным безумным пастухом.

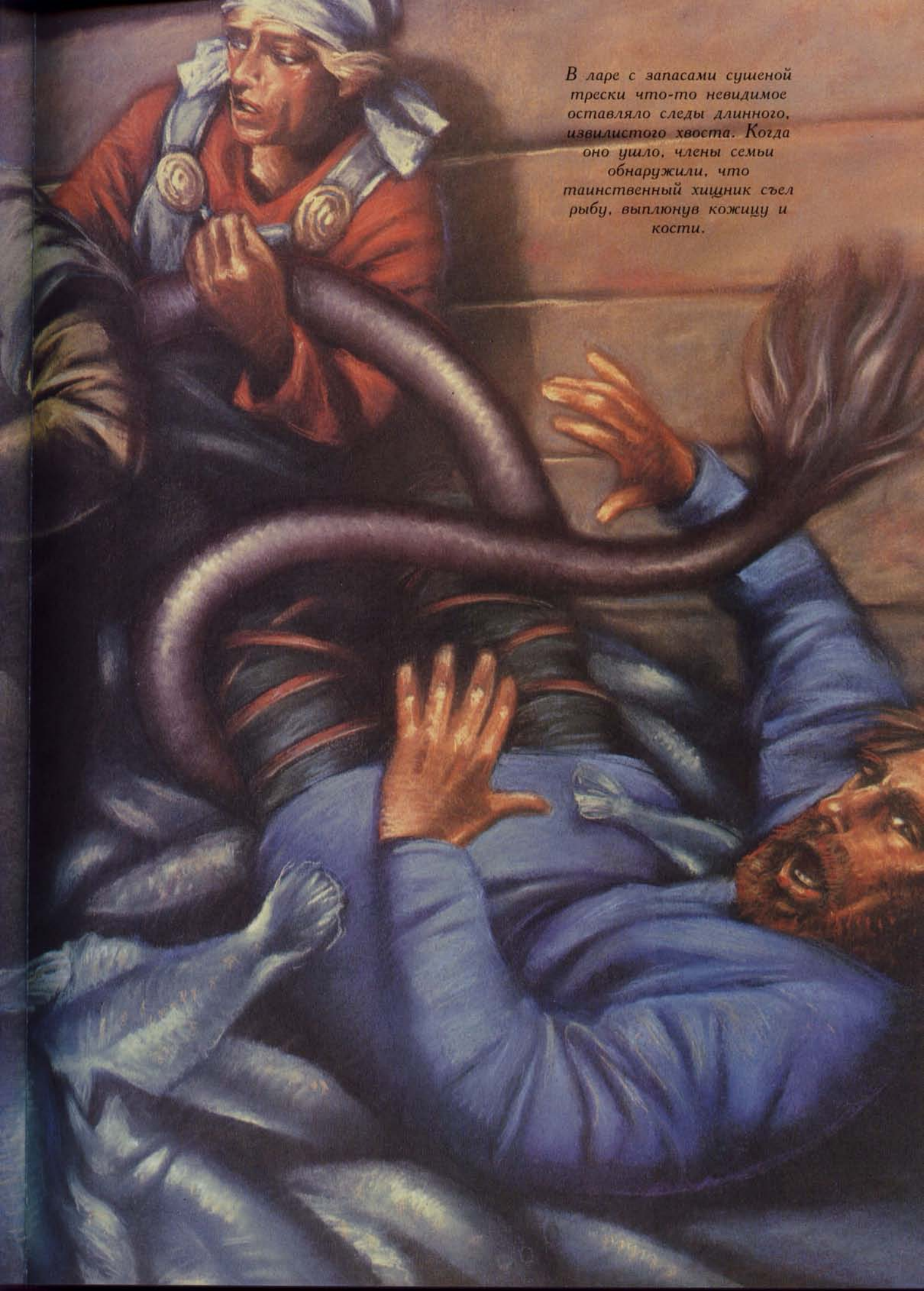
В конце концов осталось лишь семь человек. Заболела Турид, лежала, спрятавшись под шелковым одеялом, и

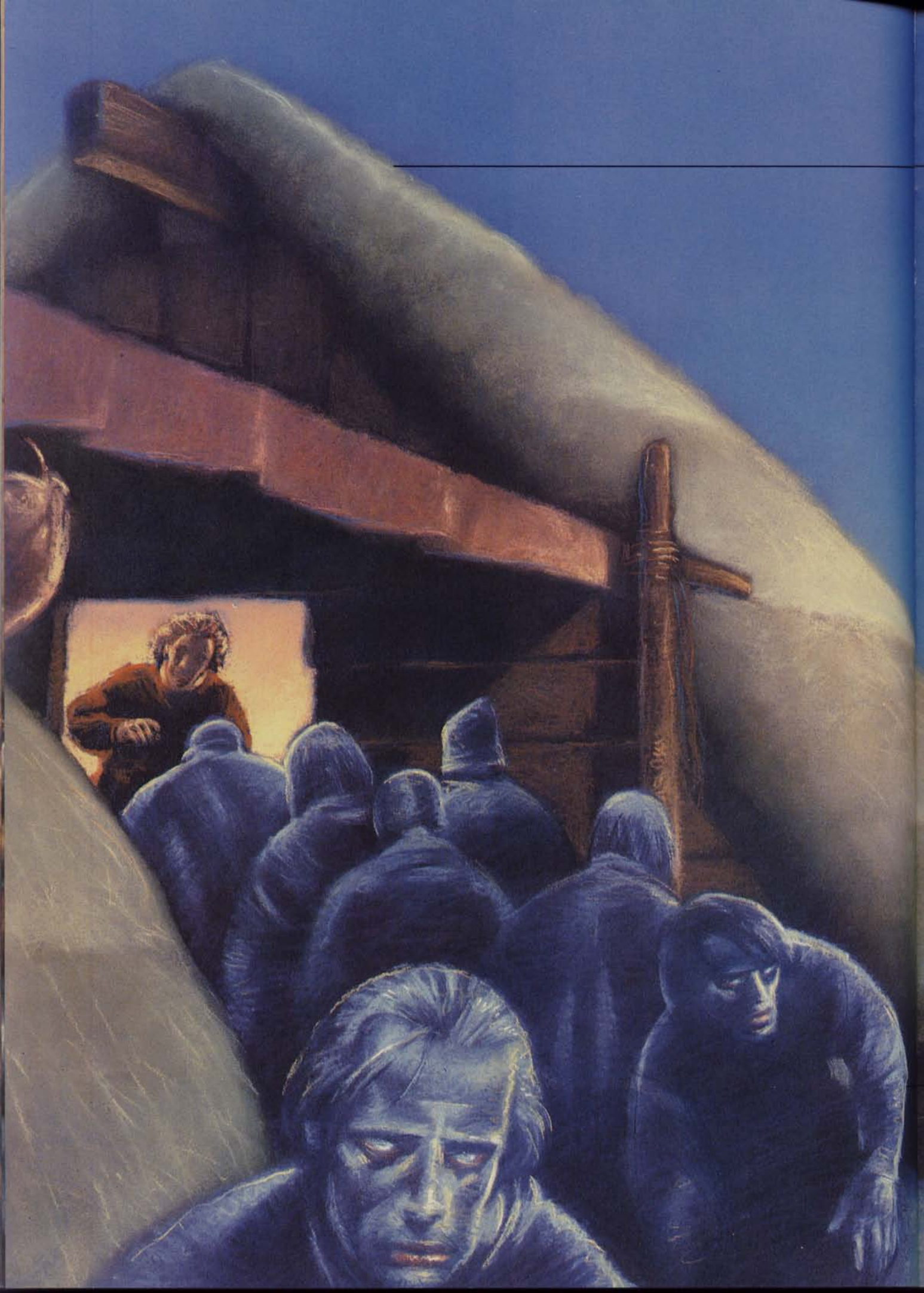






В ларе с запасами сушеной трески что-то невидимое оставляло следы длинного, извилистого хвоста. Когда оно ушло, члены семьи обнаружили, что таинственный хищник съел рыбу, выплюнув кожицу и кости.





Призванные новым хозяином фермы для проверки их злодеяний, тени мертвых были собраны для осуждения и наказания.

парчовые занавеси были плотно задернуты у ее кровати.

Как только дни стали удлиняться, когда миновала середина зимы, Кьяртан отправился к брату матери за советом. Снори был главой клана и пользовался большим уважением за свою справедливость и знание законов, так же как за свою хитрость и умение взять верх над врагом.

Снори внимательно выслушал рассказ Кьяртана о зимнем нашествии призраков и подумал о том, что следует предпринять. Он сказал Кьяртану, что все неприятности проистекают от того, что клятва, данная отцом женщины, лежавшей на смертном одре, была нарушена. Если последнее желание умершей не будет исполнено, ее дух никогда не успокоится. Все те вещи, которые она велела сжечь, должны быть уничтожены. Как только это произойдет, Торгуна успокоится в своей могиле. Другие привидения, бродящие по ферме, могут быть изгнаны с помощью суда. Они должны быть обвинены в убийствах и вторжении на чужую территорию, признаны виновными, после чего препровождены в загробный мир. Снори сказал

Кьяртану, что он должен взять с собой на ферму христианского священника. Однажды священник наблюдал за изгнанием злых духов, он может окропить святой водой дом, для того чтобы очистить его от дьявольских сил.

Кьяртан, священник и еще несколько человек отправились на ферму

в тот же день. По возвращении Кьяртан обнаружил, что мать его все еще цеплялась за жизнь, но к этому времени так ослабела, что с губ ее не сорвалось ни слова протеста, когда Кьяртан снял с кровати, на которой она лежала, простыни и одеяла. Сорвав драпировки, он взял горящую головню из очага и вышел на улицу, чтобы сжечь проклятые вещи.

В начале загорелись непрочные шелка, окрасив языки пламени в сверкающие краски Востока. Толстые шерстяные ткани тлели и дымилась, прежде чем их охватывал огонь. Наконец запылали одеяла и покрывало, и воздух наполнился едким запахом горящих перьев. В сиянии пламени Кьяртану почудился промельк каштановых волос. Затем он приготовился судить мертвых за их преступления под ярко сияющей луной. Он созвал мертвецов с кладбища в фермерский дом. Когда они явились, Кьяртан заставил себя быть безжалостным ради стоящей перед ним цели.

Твердым голосом, но с бьющимся сердцем он призвал мертвых мужчин и женщин сесть на скамью подсудимых. Были вынесены обвинения за убийства, за вторжение на чужую территорию, за незаконный убой скота, после чего последовало решение о их виновности. Один за другим мертвые приговаривались к изгнанию. С удрученным выражением на лицах каждый выходил вперед, чтобы выслушать свой приговор. Возможно, они были напуганы присутствием чужого священника, поскольку никто не жаловался, а уходил, шаркая ногами, без единого слова к месту своего последнего отдохновения — в могилу. Нашествие призраков на ферму Фрода закончилось.

ГОСТЬ ГОБЛИНОВ

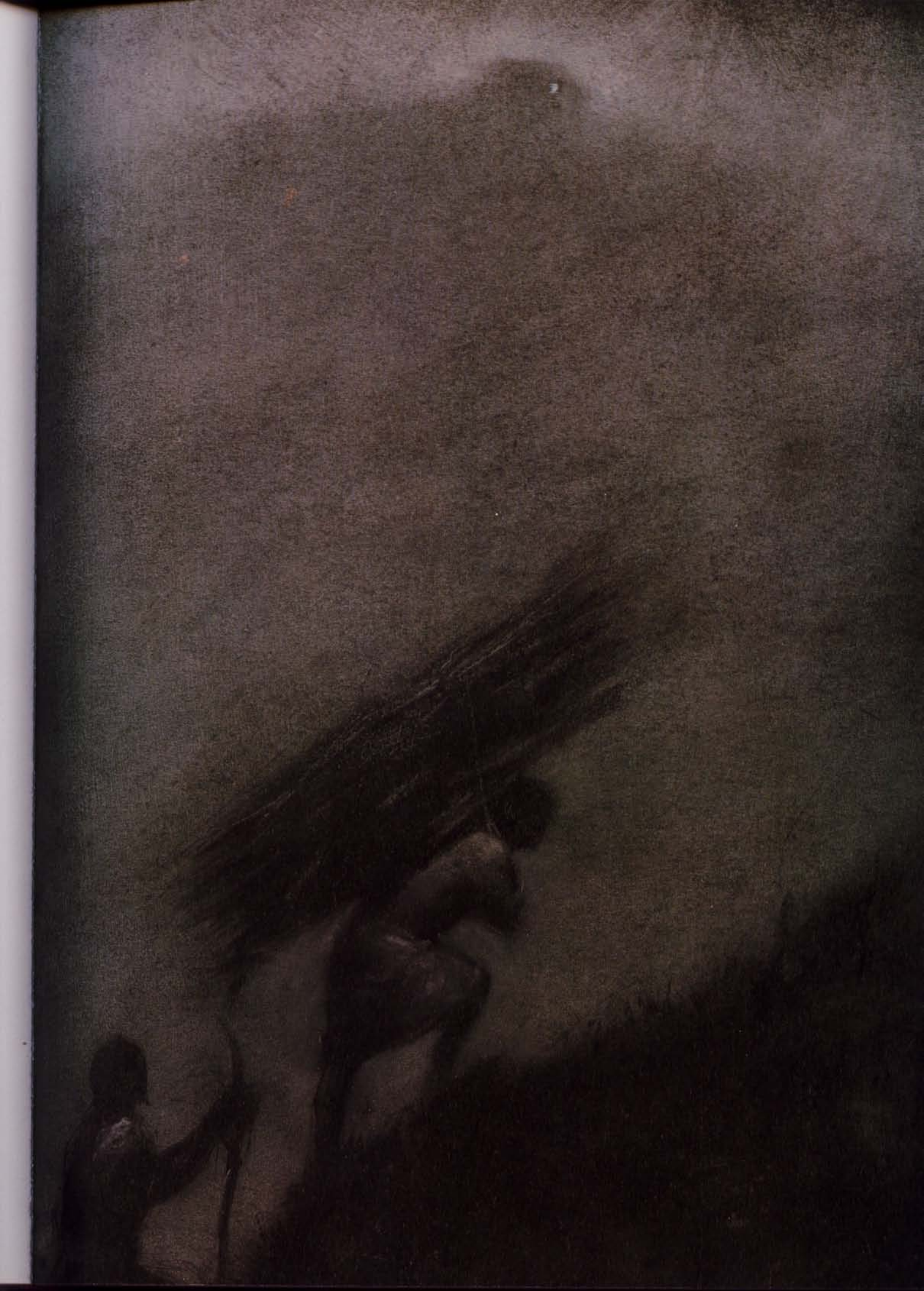
В стародавние времена, еще до того, как в Японии правили императоры, страну раздирали междоусобицы и она была излюбленным местом посещения для привидений. Днем соперничающие военачальники сражались за власть. Мечи их самураев свистели на поле боя, и кровь множества трупов окрашивала рисовые поля. А ночами являлись более тихие армии — батальоны меняющих облик демонов, призрачных лисиц, мстительных привидений, медленно просачивающихся из ада.

Каждый вечер те, кто имел дома, спешили укрыться за запертыми дверями до утренней зари. Но некоторые смертные по несчастью или бедности вынуждены были проводить ночи под открытым небом, подвергаясь всем опасностям, которые таились во мраке. У тех, кто уцелел после ночных приключений, имелось в запасе достаточно душераздирающих историй, им было что порассказать. Одна такая история рассказывала о монахе по имени Квэйр. В юности он был самураем и служил одному феодалу. Не было никого более умелого в искусстве боя и в знании ритуалов. Но изменчивое течение войны принесло разорение его доблестному хозяину. Службе другому земному хозяину Квэйр предпочел иную службу — он стал служителем небес, отправился нести святое слово людям.

Однажды, путешествуя по дикой гористой местности, он оказался на полпути между двумя удаленными деревушками, когда на землю упала тьма. В горах разбушевалась буря, а он был все еще далеко от безопасного убежища. Завернувшись в плащ, Квэйр искал место для отдыха под соснами, с ветвей которых капала вода. В своих поисках он столкнулся с дровосеком, несущим топор и вязанку хвороста. Учтиво поприветствовав Квэйра, деревенский житель спросил, что святой человек делает здесь в такую ночь, разве он не боится демонов, которые могут высосать душу человека через его уши? Разве он хочет стать бездушной оболочкой, блуждающей по полям и кричащей глупости вслед ветрам?

Дровосек пригласил Квэйра укрыться в его домике в лесу. Это всего лишь ничтожная лачуга, добавил он, но все-таки укрытие от дождя, а огонь в очаге будет сдерживать нечистую силу. Квэйр с благодарностью принял приглашение. Он последовал за дровосеком по лесным тропам, в обход крутых обрывов и глубоких ущелий. Хижина располагалась у подножия горы, ее окна приветливо сияли. Позади дома ниспадающий водопад, похожий на серую бороду, питал бамбуковый акведук, а неподалеку стояла кедровая роща.

Путешествуя по дикой гористой местности, японский священник встретился с дровосеком. Крестьянин вежливо предложил ему укрытие от опасностей на ночь.



Кланяясь, дровосек открыл перед гостем дверь. Внутри домика в центре комнаты у огня, где закипал чайник, сидели двое мужчин и две женщины. Все четверо поднялись и поприветствовали Квэйра словами и жестами, которые были более подобающими в каком-нибудь дворце, а не в лесной хижине.

После чая Квэйр спросил хозяина о его происхождении. Дровосек ответил, что когда-то он был военачальником, победителем многих сражений и служил могущественному властелину. Но он отступил от строгих моральных законов самураев, брал взятки и играл в азартные игры. Разврат сделал его неосмотрительным и неосторожным, и однажды ночью враги застали его врасплох. Его солдаты погибли, а хозяин был низвергнут. Терзаемый раскаянием, он сам сослал себя в эту отдаленную дикую местность. Он и его спутники проводили свои дни, помогая заблудившимся и нуждающимся.

Полный сострадания к собрату самураю, падшему столь низко, монах пообещал провести ночь, молясь за хозяина хижины. Дровосек отвел Квэйра в нишу, скрытую ширмой, и оставил молиться.

Прошли часы, от огня остались лишь тлеющие угли, в отсветах которых можно было различить слабые тени пяти шепчущих фигур. Но Квэйр по-прежнему сидел прямо, нараспев читая святые молитвы. Наконец, почувствовав, что сон одолевает его, он встал и открыл окно. Буря уже стихла. В горле от непрерывного пения было сухо, и вид и звук водопада заставили его ощутить жажду. Он решил тихонько выскользнуть, чтобы напиться из

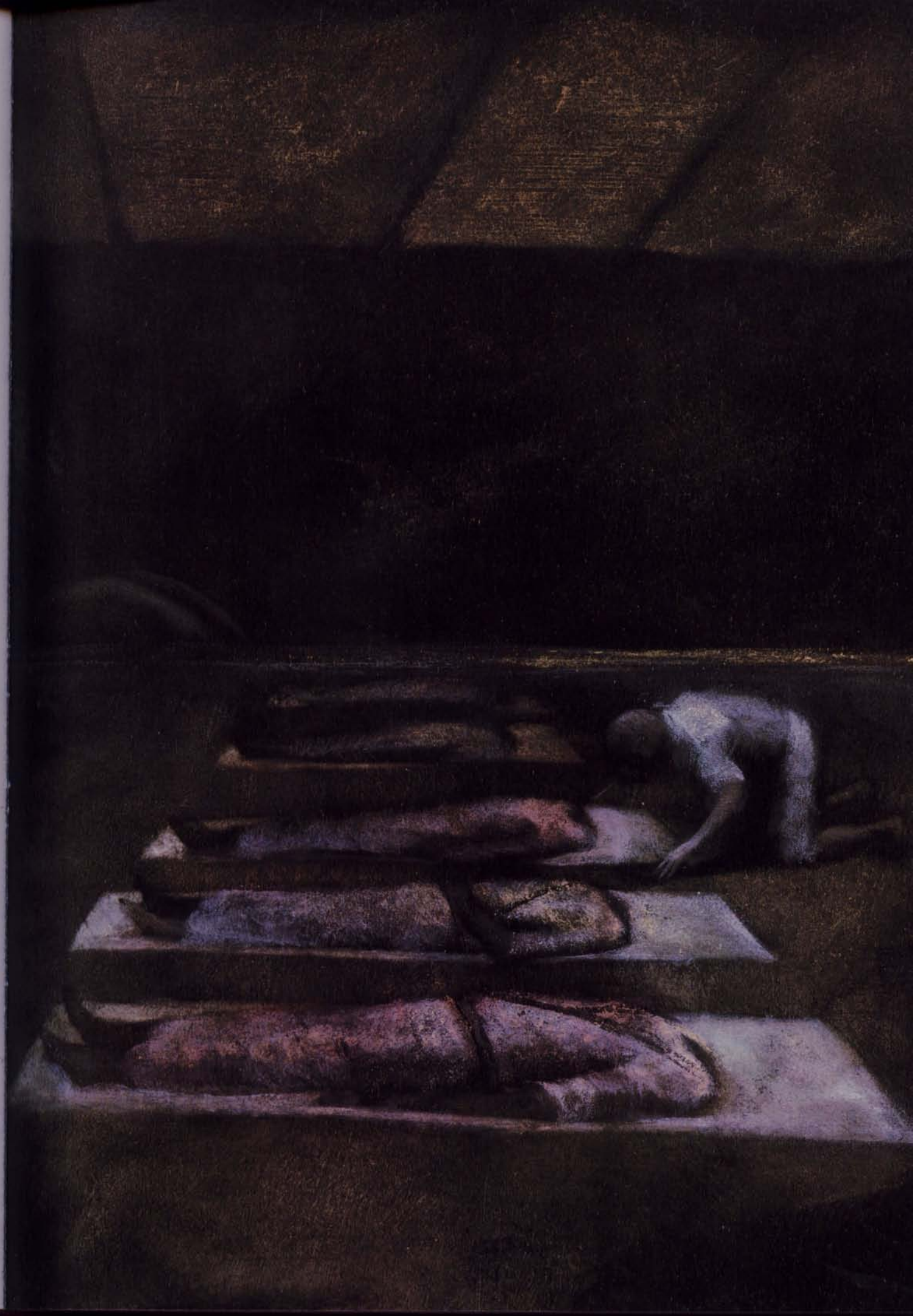
акведука. Прокравшись к двери дома, он тихо открыл ее и прямо на земле перед собой увидел пять лежащих тел. В этот момент из облаков вышла луна, осветив спящих. Мгновение он таращился в изумлении, не веря своим глазам.

Тела у ног Квэйра были безголовыми. У него мелькнула мысль о нападении бандитов, но на шеях не было ни следов насилия, ни крови. Никакое, даже самое острое лезвие в руках у самого искусного фехтовальщика не могло оставить такого гладкого среза. Не будь он приучен смотреть опасности в лицо, Квэйр повернул бы прочь отсюда, чтобы спастись бегством. Поскольку эти изувеченные тела были не чем иным, как рокуро-куби-гоблинами тьмы. Днем они принимали обличье обыкновенных людей. И не было никаких признаков того, что они были бескровны, лишь желчь и яд текли в их жилах. Но ночью, как уже было сказано, головы их отделялись от тел и отправлялись путешествовать.

Дрейфуя в темноте, ведомые демоническим светом, исходящим из глазниц, головы гоблинов отправлялись на охоту. Голодные, они странствовали по лесам и полям в поисках живой плоти. Говорили, что единственный способ уничтожить гоблина — это спрятать его тело, пока голова путешествует. Не имея возможности вернуться домой, голова будет пронзительно вопить, выплескивая всю ярость до тех пор, пока первые лучи солнца не заставят ее съежиться и умереть.

Решив использовать этот способ, Квэйр схватил тело дровосека и оттащил его в сторону, чтобы зарыть его в канаве, оставив под ворохом листвы и мягкой земли. Он услышал какой-то звук в кедровой роще неподалеку, шипящий, едва различимый среди песен

Не веря собственным глазам, священник встал на колени, чтобы получше рассмотреть тела хозяев дома. Все пятеро были обезглавлены.



цикад и нежного журчания воды в акведуке.

Он пошел на шум. И увидел голову дровосека, освещенную прерывистым светом луны, то и дело закрываемой облаками.

Пять голов подпрыгивали на прогалине, выискивая в траве маленьких ползающих тварей и ловя ночных насекомых. Они быстро ели, с шумом, фырканием и кряканьем, набивая рот землей вместе с личинками и червями. Зубы их были покрыты налетом плесени и останками жуков, которые пали жертвой их ненасытности. Голова дровосека, более крупная, чем другие, злобно шипела. Монах мог слышать, как головы громко переругивались между собой, хрустя при этом костями корчившихся у них в зубах мышей-полевков и белок. Они проклинали дровосека за то, что он привел святого человека в дом. Как же глуп он был, проникшись симпатией к дровосеку после рассказанной им истории о его падении! Не молись он за их души в тот момент, он стал бы легкой добычей гоблинов, куда более лакомой, чем их нынешняя пожива.

Одна из женских голов поднялась с земли и полетела, легко, как летучая мышь, к дому, посмотреть, не уснул ли гость за своими молитвами. Пока она отсутствовала, другие головы продолжали отыскивать пищу. Липкие слюны свисали с их челюстей, пока они спорили о том, кому принадлежит право первым заполучить самую аппетитную часть тела монаха.

На поляне, освещенной луной, лежало пять голов, пожиравших червей. Ртами, заполненными полусжеванными червями, они невнятно бормотали заклинания и требовали человеческого мяса.





Голова гоблина вцепилась зубами в рукав путешественника и никакими силами невозможно было разжать стиснутые челюсти. Когда путешественник попытался скинуть одежду, голова извернулась и вцепилась в мякоть его руки.

Но минутой позже голова вернулась в панике. Монаха, сказала она, нигде нет, но что еще хуже — исчезло тело дровосека. Гоблины заметались в смятении, кружа вокруг головы дровосека, которая начала дрожать и вращаться, щеки ее стали раздуваться, язык выполз из рта и болтался между обогранных кровью губ. Глаза засветились алым светом. Пряди волос встали дыбом и зашевелились, уподобившись массе угрей, копошащихся в неводе.

«Если я умру, — пронзительно закричал лишенный тела дровосек, — тогда и монах умрет вместе со мной!»

Квэйр стрелой метнулся в глубину чащи, но его белая одежда мелькнула светлым пятном в лучах лунного света, и огромные красные глаза повернулись в его сторону. Подобно своре гончих, взявших след раненого оленя, головы ринулись за Квэйром. Ища, чем защититься, он выдернул из земли маленькое молодое деревце вместе с корнями. Когда головы приблизились, он стал размахивать им, как дубинкой, нанося удары, которые отбрасывали их в темноту. Четыре головы бросились спасаться бегством, не способные вступить в схватку, но голова дровосека все еще танцевала перед ним, то отступая, то вновь бросаясь в атаку. Квэйр с силой ударял своей дубинкой, когда голова, подскакивая, приближалась.

Внезапно она проскользнула мимо дубинки и устремилась прямо к его горлу. Вспомнив один из старых приемов самураев, Квэйр резко качнулся в сторону, подняв руку для защиты. Зубы гоблина, не обнаружив намеченной цели, вместо шеи вцепились в рукав его одежды. Бестелесное существо повисло, терзая зубами ткань.

Квэйр поднимал и опускал руку, пытаясь сбросить голову, колотя ею о стволы деревьев и камни. Наконец голова прекратила борьбу, уставившись безжизненным тусклым взглядом на луну. Ручейки слюны медленно сочились из всех ее отверстий. Как ни пытался, Квэйр не мог вырвать из зубов твари грубую ткань своей одежды. Дважды пытался он сбросить одеяние, но всякий раз, когда начинал вытаскивать руку из рукава, голова начинала вертеться и кусать его за запястье. Он побежал к дому и увидел, что головы остальных гоблинов уже соединились с телами. Держась кучкой, они заливали раны друг друга. Когда Квэйр вошел, гоблины пронзительно завопили непристойности, затем нырнули в окно и исчезли. Квэйр изо всех сил старался найти дорогу в деревушку, где недавно побывал. Но куда бы ни поворачивал, он подходил к расселинам и глубоким ущельям, через которые не было мостиков, а лесные тропы водили его по кругу. Позади себя он слышал шипящие, посвистывающие звуки, которые могли быть просто ветерком, гуляющим в соснах. И на каждом шагу голова, вцепившаяся в рукав, стучала по телу, раскачиваясь из стороны в сторону.

В конце концов ее глаза потеряли угрожающий блеск и закрылись, словно пародируя мирную кончину. Квэйр сдернул халат и швырнул его в пропасть. Весь следующий день и ночь он шел голым по лесу, пока группа молодых самураев не наткнулась на него. Он был спасен. Слушая его историю, самураи смеялись и говорили, что лишения свели монаха с ума.



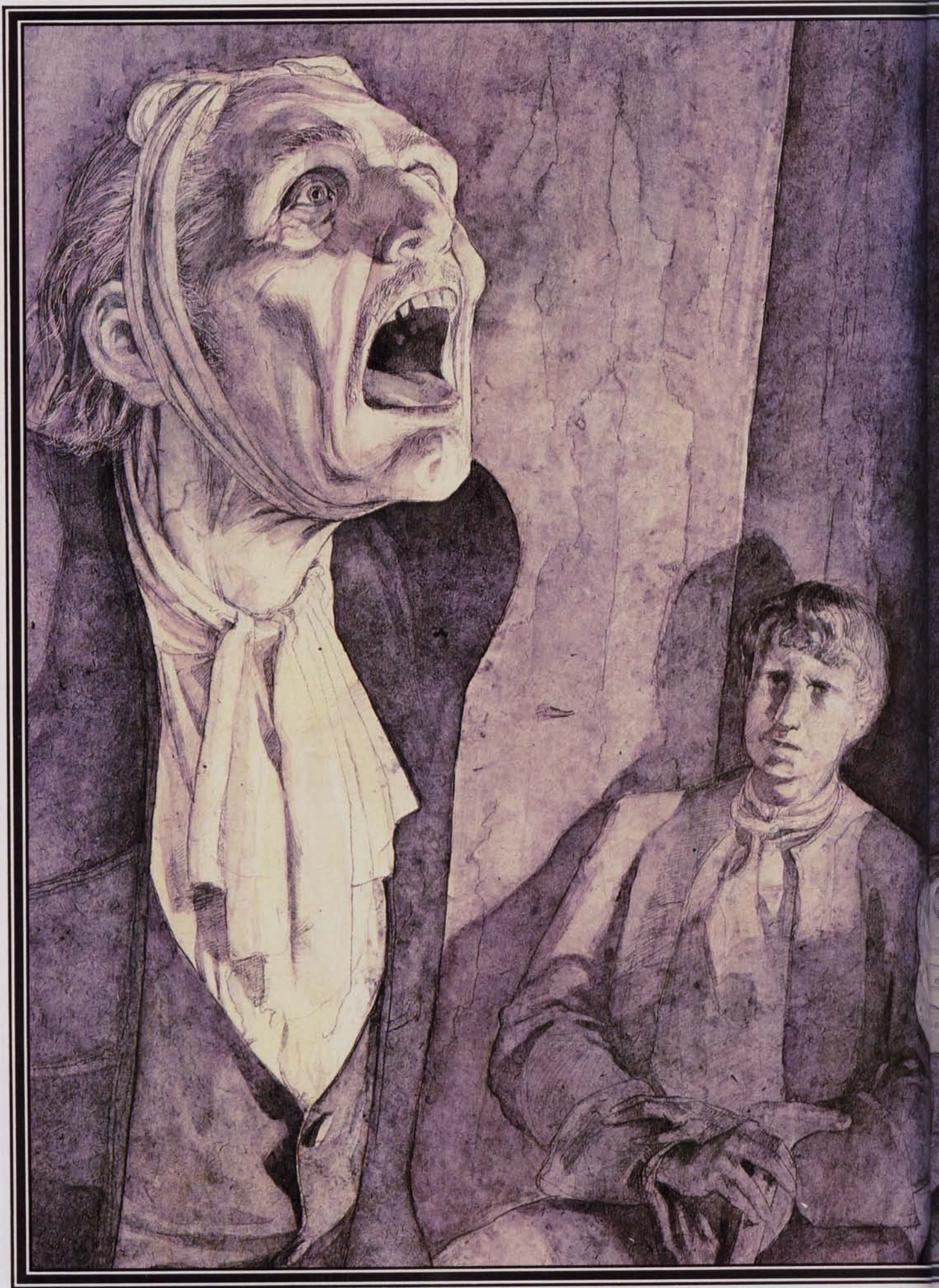


• 6 •

Тайна смерти

Закрывать крышку гроба над мертвым — это то же самое, что захлопнуть дверь между мирами мертвых и живых. Эти ворота открываются только в одну сторону, и никто из живых не знает, что лежит по другую, пока не приблизится последний день и последний час. Но всегда находились любопытные, которые, не останавливаясь перед древним запретом, жаждали знать, что же находится по ту сторону жизни. В Северной Италии существует легенда об одной крестьянской семье, жившей в отдаленной деревушке среди холмов. Они договорились помочь друг другу проникнуть в эту тайну. Сидя как-то вечером у огня, разговаривая о жизни и смерти, они торжественно поклялись, что тот, кто первым отправится в землю туманов, должен будет вернуться, чтобы рассказать другому, что ждет их за могилой.

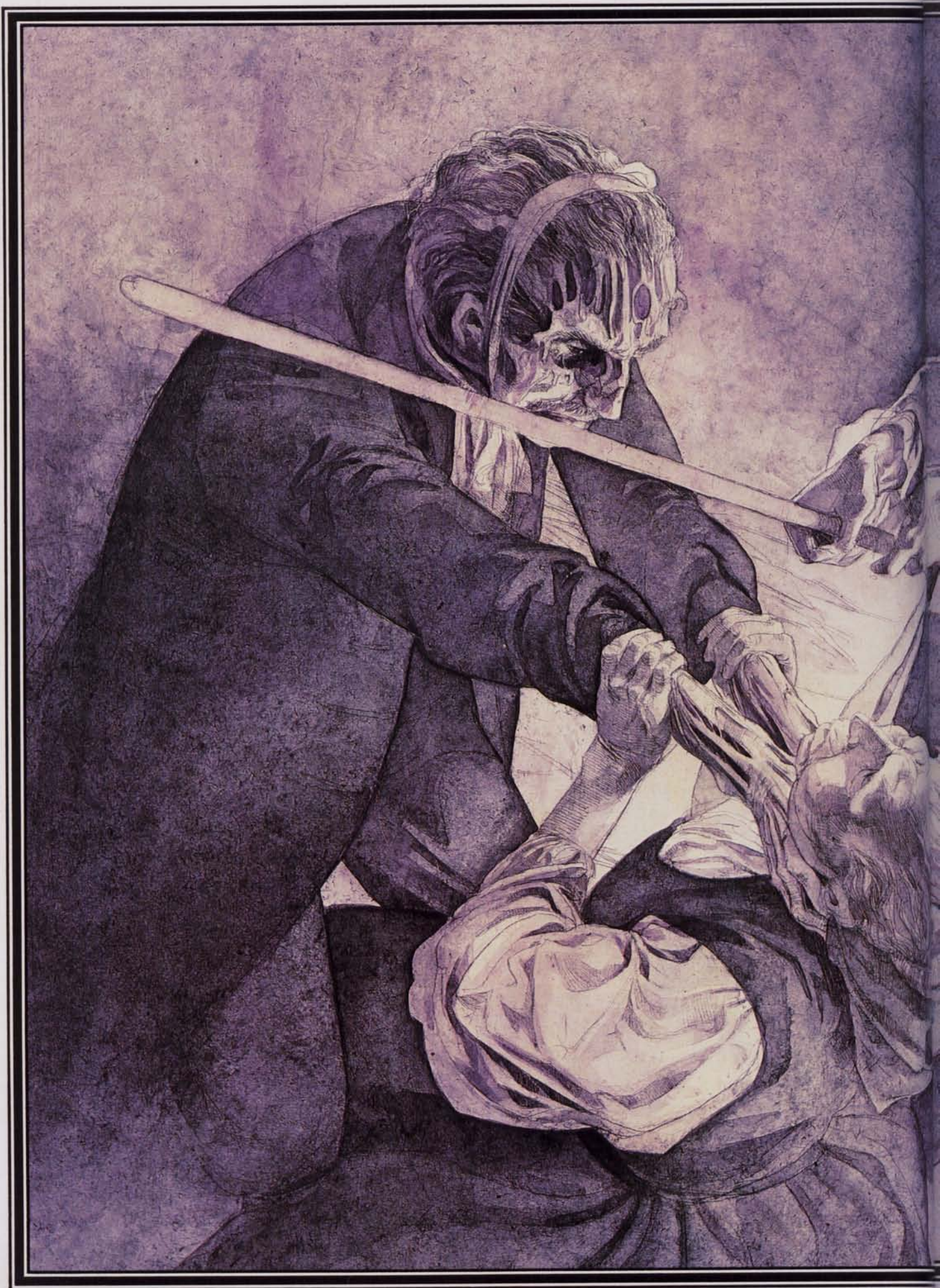
Несколько лет спустя в одно серое утро муж, собиравший каштаны, упал на землю с тихим стоном, сердце его перестало биться. Соседи помогли плачущей вдове обмыть тело, подвязать нижнюю челюсть и надеть на него воскресную куртку, панталоны и заботливо сложенную новую полотняную рубашку, которая хранилась на дне сундука специально для этого дня. Когда все было сделано как полагается, друзья и родственники собрались, чтобы отдать умершему последнюю дань уважения и поддержать потеряв-





шую мужа женщину. Вдова умолила плакальщиц отказаться от традиционных бдений у гроба, сказала, что проведет эту последнюю ночь одна со своим мужем. Она села на жесткий стул с прямой спинкой и стала изучать лицо, которое знала лучше, чем свое собственное. Смерть заострила нос и подбородок, рот был сжат более сурово, чем когда-либо при жизни. Где же, подумала она, бродит его дух? Как и когда он вернется? Негромкий стук в дверь заставил ее так подпрыгнуть от неожиданности и накатившей тревоги, что стул упал. В дверном проеме стоял высокий незнакомец, он пристально и пронизательно смотрел на нее светлыми глазами. Он попросил приюта на ночь. Женщина молча указала на тело, лежащее в тускло освещенной кухне. Однако незнакомец кивнул и вошел. Он поднял упавший стул и предложил его женщине, потом сел сам — с другой стороны тела. Положив руки на колени, он слегка наклонился вперед, пристально вглядываясь в лицо мертвеца. В руках он держал трость из полосатого орешника.

Вдруг, словно откуда-то издалека, пронзительный крик прорезал тишину. Когда он стал еще громче и пронзительнее, труп начал подниматься. Лицо его было искажено ужасным страданием, рот приоткрылся, растягивая губы в ужасной гримасе, обнажившей желтоватые зубы.



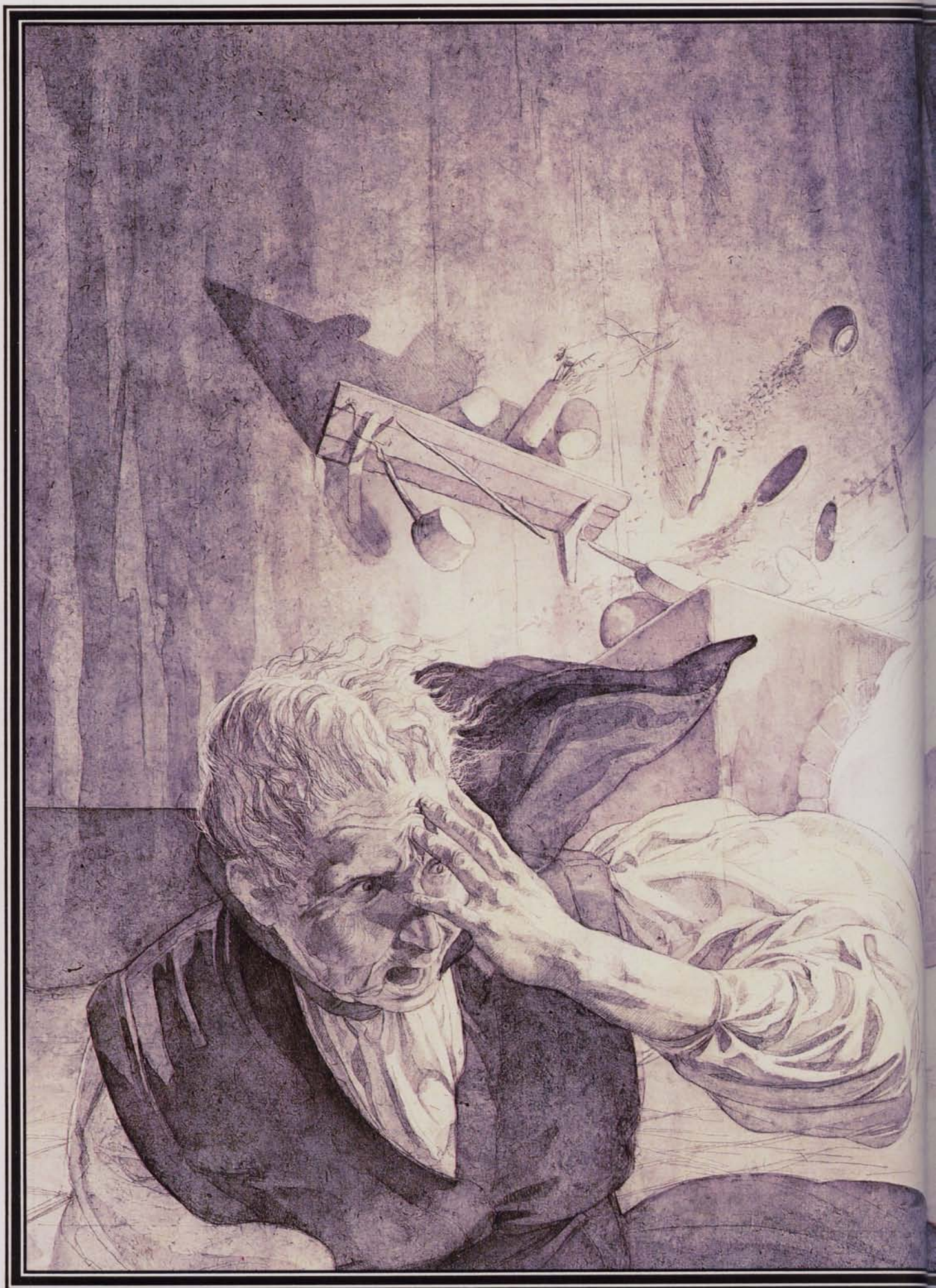


Незнакомец быстрым движением прикоснулся ко лбу старика своей тростью, разинутый рот закрылся и тело упало. Снова наступила тишина.

Незнакомец продолжал сидеть. Минута шла за минутой. Женщина, закрыв уши руками, пряталась в нише, оставаясь там, съежившись, не в силах оторвать взгляд от лица мужа. Но только она успокоилась и у нее перестали дрожать руки и ноги, заывание возобновилось, то усиливаясь, то ослабевая, оно переросло в крики страдания, которые разносились по всему дому. Но и во второй раз тело замерло от прикосновения трости незнакомца.

Женщина сжалась в ожидании следующего вопля, и даже отдаленный, хорошо знакомый бой часов заставил ее вздрогнуть. Едва последний звук колокола растаял в воздухе, труп спрыгнул со стола. Голова его судорожно дергалась из стороны в сторону. Налитые кровью глаза вылезли из орбит. Они так гипнотизировали напуганную вдову, что, подобно кролику, загнанному охотниками в угол, она не могла пошевелиться. Тело умершего подошло к ней, и жесткие безжалостные пальцы вцепились ей в шею. В то же самое время глухой, надтреснутый голос выкрикнул: «Я в аду! Это ты отправила меня туда! Я заставляю тебя заплатить за это!»

Незнакомец прыжком пересек комнату, размахивая своей палкой, от





прикосновения которой руки мертвеца ослабили свою хватку на шее женщины. Волна смертной муки пробежала по его лицу, а плоть стала таять, начиная со лба.

Подобно воску горящей свечи, капли стекали с бровей на щеки, со щек к подбородку. Вместе с телом таяло выражение муки в глазах, исчезал страдальчески сжатый рот. Медленно и неумолимо вместо некогда дорогого лица проступали голые белые кости безымянного черепа. Плоть стекала с каждого пальца, со ступней, подобно каплям осеннего дождя, падающим с листьев деревьев. Одежда болталась складками, став слишком просторной для скелета.

Затем в трубе послышался посвист зимнего ветра и из очага выплеснулось дьявольское создание из дыма и огня, с огромным черным плащом, ниспадающим с плеч. Вытянув скелетообразную руку, оно пролетело, окутав останки мужа своим плащом, и унеслось вместе с ними вверх по трубе.

Огонь в очаге погас, в комнате стало темно и холодно. Женщина стояла на коленях на каменном полу, слезно моля о милосердии. Тяжело вздохнув, странник поднял ее с колен. «Не дело живущих знать судьбу умерших», — произнес он. Потом открыл дверь и вышел. Вдова видела, как он направился прочь, бесшумно ступая по сухой листве, и исчез на склоне холма.

Фурии севера

Когда в Арктику пришла зима, солнце спряталось за горизонт, приговорив жителей этих мест к долгим месяцам холода и темноты. И по мере того, как голод и морозы брали свое, магия и волшебство в этих краях становились все сильнее. Невидимые враги ощущались везде, а люди становились добычей их странных и страстных желаний отведавать человеческого мяса. Только шаманы, мастера заклинаний и ритуалов, могли умиротворить духов в эту долгую ночь. Колдуны и сами вызывали благоговейный страх, в них нуждались, но никогда им не доверяли.

В Гренландии старейшины инуитов рассказывали легенду-предостережение о колдуне, который злоупотребил своей властью. Жил он отдельно от своего племени в хижине на краю ледника. Летом один из духов направлял его к высоким, спрятанным за скалами лугам, где паслись огромные стада оленей-карибу. Зимы он проводил у огня, который никогда не гас, прислушиваясь к голосам, которые приносили арктические ветры. А между двумя сезонами он всегда навещал своего брата-охотника, едва сводившего концы с концами. Согреваемый этими встречами, шаман не видел, как с каждым годом все ярче разгорается огонь зависти.

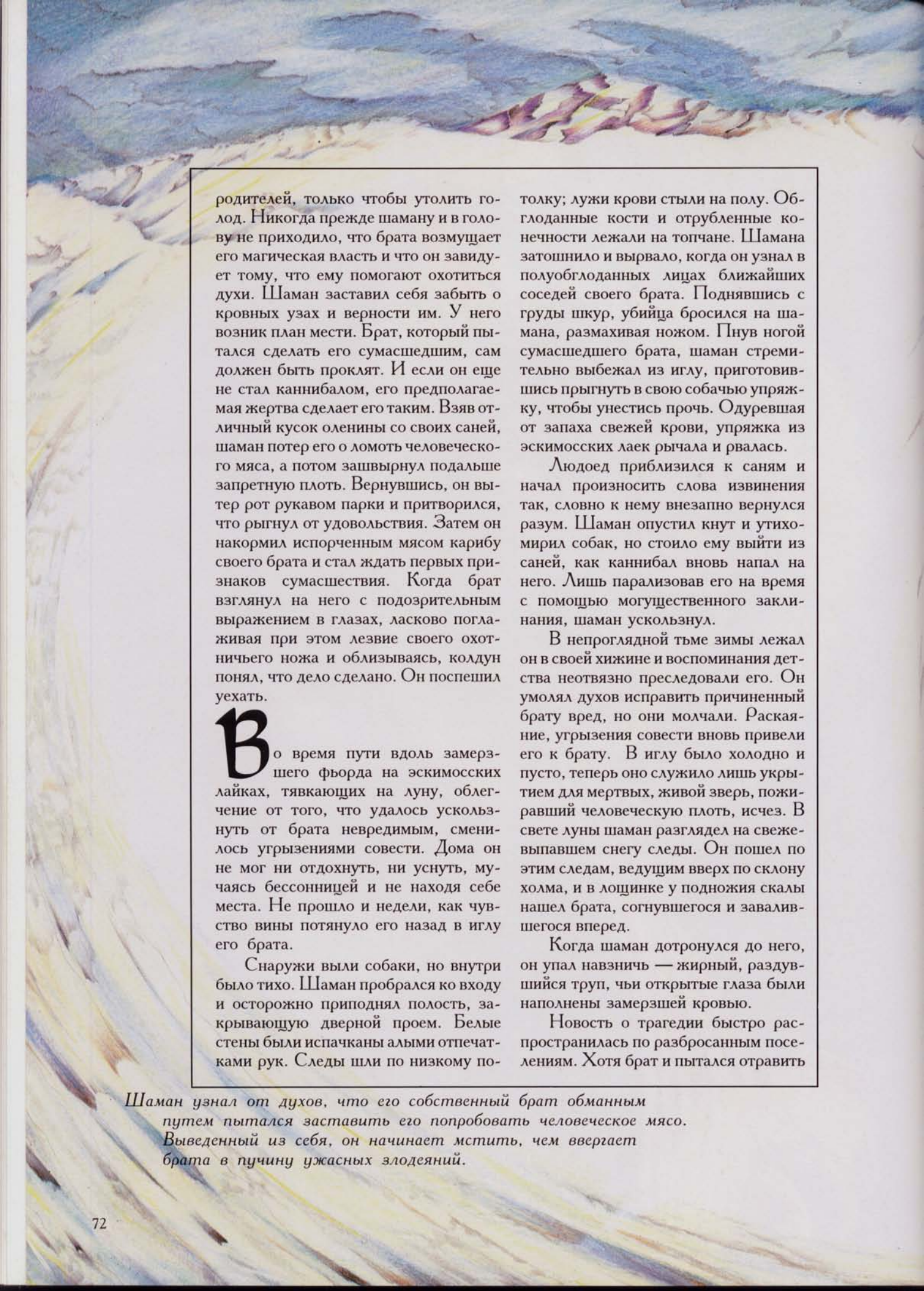
Однажды летом духи завели колдуна дальше, чем когда-либо раньше, в луга. Первый снегопад застал его все еще охотящимся на карибу. Поглощенный погоней, он отложил свой визит к брату до наступления полярной ночи. Когда же шаман прибыл, то нашел своего брата изможденным. В ответ на расспросы шамана он сказал, что потерял аппетит с того момента, как брат не явился в назначенное время. Но теперь пиршество можно начинать. С ярким блеском в глазах, истерически смеясь, он достал из каменного горшка большой кусок мяса тюленя и предложил брату поесть. Но прежде чем шаман успел откусить, он почувствовал, как кто-то быстро дернул его за рукав парки. Он оглянулся. Никого. Сказав своему брату, что он не настолько плохо воспитан, чтобы отведавать угощение, не предложив взамен попробовать своего, он вышел на улицу, все еще держа в руках кусок мяса тюленя. Поднялся ветер и швырнул ему в глаза пригоршню снега. Потом он услышал голоса духов и узнал, что это было не мясо тюленя, а человеческая плоть.

Шаман силился понять, откуда у брата столько злобы.

Хорошо известно, что, если съесть один-единственный кусочек человечины, возникает ненасытное желание съесть еще. Человек становится способным убить ребенка или кого-то из

Из всех форм сумасшествия, посылаемых на северные племена, не было ничего страшнее, чем ненасытное желание попробовать человечины.





родителей, только чтобы утолить голод. Никогда прежде шаману и в голову не приходило, что брата возмущает его магическая власть и что он завидует тому, что ему помогают охотиться духи. Шаман заставил себя забыть о кровных узах и верности им. У него возник план мести. Брат, который пытался сделать его сумасшедшим, сам должен быть проклят. И если он еще не стал каннибалом, его предполагаемая жертва сделает его таким. Взяв отличный кусок оленины со своих саней, шаман потерял его о ломоть человеческого мяса, а потом зашвырнул подальше запретную плоть. Вернувшись, он вытер рот рукавом парки и притворился, что рыгнул от удовольствия. Затем он накормил испорченным мясом карibu своего брата и стал ждать первых признаков сумасшествия. Когда брат взглянул на него с подозрительным выражением в глазах, ласково поглаживая при этом лезвие своего охотничьего ножа и облизываясь, колдун понял, что дело сделано. Он поспешил уехать.

Во время пути вдоль замерзшего фьорда на эскимосских лайках, твякающих на луну, облегчение от того, что удалось ускользнуть от брата невредимым, сменилось угрызениями совести. Дома он не мог ни отдохнуть, ни уснуть, мучаясь бессонницей и не находя себе места. Не прошло и недели, как чувство вины потянуло его назад в иглу его брата.

Снаружи выли собаки, но внутри было тихо. Шаман пробрался ко входу и осторожно приподнял полость, закрывающую дверной проем. Белые стены были испачканы алыми отпечатками рук. Следы шли по низкому по-

толку; лужи крови стили на полу. Обглоданные кости и отрубленные конечности лежали на топчане. Шамана затошнило и вырвало, когда он узнал в полуобглоданных лицах ближайших соседей своего брата. Поднявшись с груди шкур, убийца бросился на шамана, размахивая ножом. Пнув ногой сумасшедшего брата, шаман стремительно выбежал из иглу, приготовившись прыгнуть в свою собачью упряжку, чтобы унести прочь. Одуревшая от запаха свежей крови, упряжка из эскимосских лаек рычала и рвалась.

Людоед приблизился к саям и начал произносить слова извинения так, словно к нему внезапно вернулся разум. Шаман опустил кнут и утихомирил собак, но стоило ему выйти из саней, как каннибал вновь напал на него. Лишь парализовав его на время с помощью могущественного заклинания, шаман ускользнул.

В непроглядной тьме зимы лежал он в своей хижине и воспоминания детства неотвязно преследовали его. Он умолял духов исправить причиненный брату вред, но они молчали. Раскаяние, угрызения совести вновь привели его к брату. В иглу было холодно и пусто, теперь оно служило лишь укрытием для мертвых, живой зверь, пожиривший человеческую плоть, исчез. В свете луны шаман разглядел на свежеснеженном снегу следы. Он пошел по этим следам, ведущим вверх по склону холма, и в лощинке у подножия скалы нашел брата, согнувшегося и завалившегося вперед.

Когда шаман дотронулся до него, он упал навзничь — жирный, раздувшийся труп, чьи открытые глаза были наполнены замерзшей кровью.

Новость о трагедии быстро распространилась по разбросанным поселениям. Хотя брат и пытался отравить

Шаман узнал от духов, что его собственный брат обманным путем пытался заставить его попробовать человеческое мясо. Выведенный из себя, он начинает мстить, чем ввергает брата в пучину ужасных злодеяний.



его первым, шаман, как уцелевший, стал отверженным. Он стал парией. Его соплеменники предпочитали страдать от духов, но не соприкасаться с братоубийцей. В конце концов он сошел с ума. Каждый кусочек пищи, к которому он притрагивался, казался ему испорченным, отдавая зловонием гниющей человеческой плоти. Каждая капля воды имела вкус крови или желчи. Его не видели в поселениях многие месяцы, и когда люди, наконец, отправились на поиски, они нашли его мертвым на полу хижины среди куч гниющего мяса. Такова легенда-предостережение, напоминающая о том, что даже шаман может быть пойман в сети дьявола.

Но в Арктике есть множество других историй о колдунах, которым удалось одержать верх над силами тьмы. Сказители знали много историй о противостоянии человека и существа, которое не было ни призраком, ни человеком.

Все началось однажды днем в конце зимы, когда один полусумасшедший от ужаса человек пришел молить шамана о помощи. Его семья подверглась гонениям. Когда бы он или его братья ни вышли на своих каяках в море, спокойные воды залива тут же приходили в такое волнение, что льдины сталкивались и терлись друг о друга так, что каяки едва не опрокидывались. Лишь однажды ему мельком удалось увидеть врага, да и то издали — что-то маленькое, но сильное стрелой промчалось по льду с невиданной скоростью.

Шаман поразмышлял некоторое время, а потом спросил, не покинул ли кто-нибудь умирать новорожденного в снегах. Человек признался, что его незамужняя сестра родила зимой девочку. Семья была на грани

голодной смерти, они и себя-то не могли прокормить, а уж нежеланную маленькую пришлицу и подавно. Братья забрали младенца у матери, набили ему рот снегом и оставили младенца в пустынном месте.

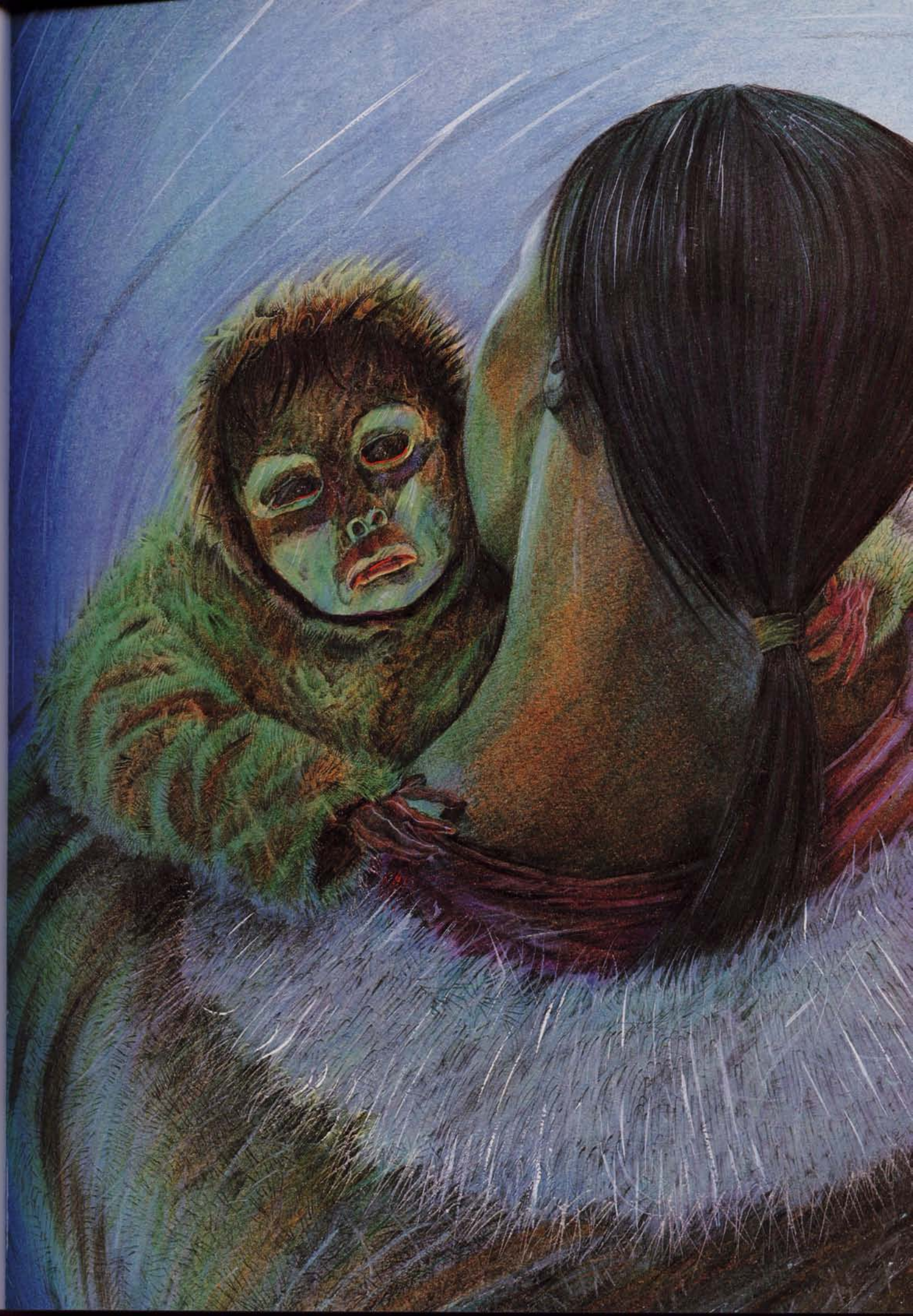
Колдун спросил, дали ли младенцу имя, перед тем как бросить его. Человек ответил, что да, и шаман зашипел, выражая свое неодобрение. Он объяснил, что, оставив умирать младенца, который уже имел имя, а таким образом и душу, они создали ангьяка, ребенка, который живет мертвым. Тело такого ребенка может разлагаться, но дух его будет продолжать жить, изыскивая способы мести.


Расспрашиваемый дальше, человек открыл, что иногда просыпался среди ночи и думал, что продолжает спать, поскольку видел ребенка, который не совсем походил на человеческого, этот ребенок прижимался к сестре, тычась носом в грудь. Этого и следовало ожидать, сказал колдун. Ангьяк нуждается в пище. Каждую ночь он возвращался к своей матери, чтобы высосать достаточно сил для своей мести.

Шаман запряг в сани своих собак и последовал за мужчиной вниз к побережью, в его родную деревню. Когда они проносились вдоль берега, то видели темные очертания айсбергов, отбрасывающих на воду тени. Все население деревни было на берегу и наблюдало за двумя каяками, которые пытались пробиться к берегу. К ним подбирался ангьяк, которому каяком служил перевернутый череп собаки, а веслом — собачья кость.

Жертвы детоубийства становятся живыми мертвецами.

Их рассерженные духи известны как ангьяки.





При приближении этого создания воды залива закружились, образуя огромный водоворот, в который засосало каяки и кричащих рыбаков. Визгливый, нечеловеческий смех был подхвачен эхом в прибрежных скалах, но ангьяка нигде не было видно.

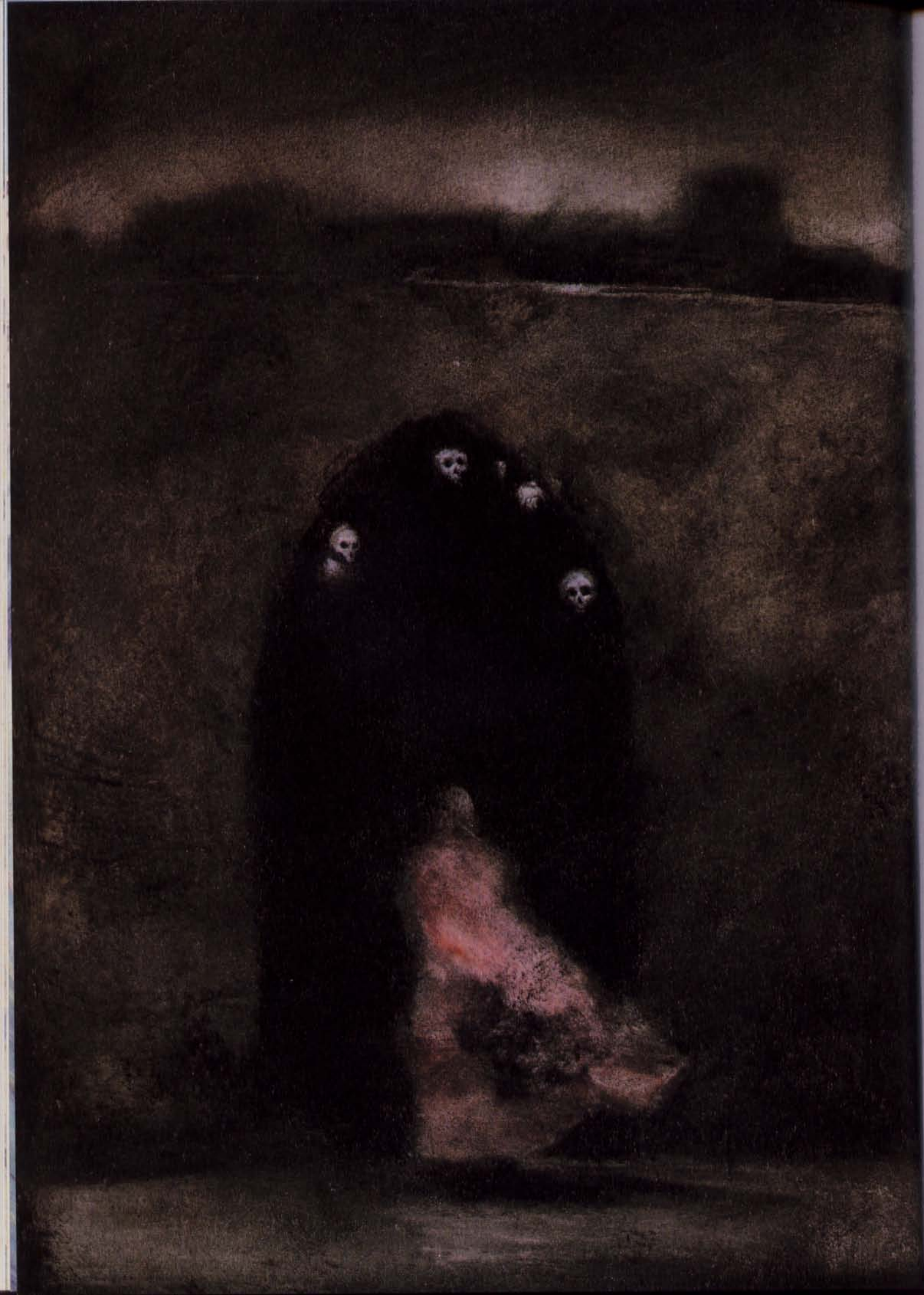
Толпа ринулась вперед, пытаясь спасти рыбаков. Прикрепив к веревкам рыбацкие крючья, они забрасывали их в воду и волочили туда-сюда, пока, наконец, не исхитрились зацепить одну из жертв. Но когда тело подтаскивали к поверхности, вода над ним стала замерзать, заковав его в ледовый панцирь — с разинутым ртом, широко раскрытыми глазами. Таким он был захвачен в момент своей смерти.

Шаман не стал ждать, когда выловят второе тело. Повернув лицо к горизонту, он начал просить духов о помощи. Женщина, родившая ангьяка, стала стонать, а шаман почувствовал, как невидимая рука сильно дернула его за рукав. Необычный голос, принадлежавший какому-то могущественному духу тундры, зазвучал у него в ушах. Голос прорычал имя убитого ребенка и повелел ему покинуть землю живых.

В этот момент, громко стуча костями, появился ангьяк и, все уменьшаясь в размерах, зашлепал, как безумный, по воде, направляясь в открытое море. Освещенное первыми лучами восходящего после полярной зимы солнца крошечное пятнышко, казалось, вспыхнуло пламенем и, испустив пронзительный крик, исчезло под водой. Ослабевший от напряжения шаман успокоился. Он одолел одного демона, но знал, что на тысячу больше прилетит на это место, поскольку семя зла принесли воюющие арктические ветры.

Следя за каяками, в которых находились его убийцы, ангьяк привел в волнение море, создав водоворот, засосавший мужчин.





Проклятие царского дома

Под сверкающими небесами лежит земля Греции, послужившая ареной многих злодеяний — вакхических разгулов насилия, смерти и человеческих жертв. Но не одно повествование древних поэтов не было так напитано кровью, как рассказ о проклятии, павшем на благородный дом Атрея, о злобе, однажды вызванной к жизни и охватывавшей все новые и новые поколения, злобе, плодящей сумасшествие, отчаяние и такие непристойности, которые трудно вообразить.

Это началось много тысячелетий назад, во времена, когда боги постоянно вмешивались в жизнь смертных. Один знатный воин по имени Пелоп решил жениться на дочери Эномай из Элиды Гипподамии. Существовал старый обычай, по которому каждый жених должен был принять участие в скачках на колесницах. Согласно этому обычаю, победивший в них получал и руку дочери, и корону, но если претендент проигрывал, то немедленно лишался жизни.

Люди шептались, что Эномай настаивает на проведении этих соревнований потому, что сам испытывает нечестивую страсть к своей прекрасной дочери и не желает, чтобы она выходила замуж. Так это

или нет, но казалось невозможным, чтобы он проиграл гонки: его лошади, подарок бога войны Ареса, были детьми ветра, его возничий, Миртил, был сыном Гермеса, крылатого вестника богов. Сумасшедше хохоча, царь в последний момент догонял любого жениха и пронзал его копьем, как поросенка.

Как предостережение будущим женихам, Эномай насаживал черепа потерпевших поражение женихов на копыта около дверей дворца.

Но прежде, чем Пелоп отправился в Элиду, он попросил у богов помощи, помолившись Посейдону, властителю океана. Морской бог послал ему великолепную крылатую колесницу и бессмертных лошадей, которые могли скакать по воде так же быстро, как и по суше. Пелоп направил свою колесницу ко дворцу царя Эномая. Он остановился перед входом и посмотрел на устрашающие черепа, а затем решительно переступил порог, шагнув в темноту.

Пробираясь по мрачному, длинному коридору, Пелоп внезапно почувствовал, как чьи-то сильные пальцы вцепились в его запястья. Изможденное лицо Миртила неясно вырисовывалось во тьме, он внимательно изучал Пелопа.

Претенденты на руку дочери царя Эномая вынуждены были состязаться на колесницах с самим монархом. Призом была принцесса, а ценой неудачи — жизнь. Арка дворца, украшенная черепами предполагаемых женихов, служила грозным предостережением.

Возничий сказал, что он сам влюблен в Гипподамию. Уступит ли Пелоп ему эту женщину, если он сделает так, что его хозяин проиграет? Пелоп медленно кивнул. В этот момент и были посеяны первые семена зла и вероломства, поскольку Пелоп совсем не собирався оставлять Миртила в живых после того, как тот поможет ему достичь цели.

Возничий, со своей стороны, сдержал данное обещание. Он повредил ось в колеснице своего хозяина и убедил того ехать без него. Гонки начались. Команды шли бок о бок, пытаясь обойти один другого, пока, наконец, Эномай не заревел от разочарования и не схватился за свое копье. Когда он целился в спину Пелопа, у его колесницы отлетели колеса, а поскольку поводья крепко оплетали его предплечья, его вышвырнуло из колесницы и поволокло, громко кричащего, ударяя о землю. К тому времени, когда лошади остановились, Эномай был мертв.

Пелоп, с триумфом завершив круг, подъехал на своей колеснице, чтобы забрать свой приз и Миртила. Затем все трое пересекли море, направляясь к острову Эвбоа, их колесница, подобно летающей рыбе, неслась, сбивая гребешки волн. Когда они приблизились к назначенному месту, Миртил обратился к молодому царю, напомнив ему ус-

ловия сделки. С улыбкой кивая, Пелоп нанес возничему неожиданный жестокий удар, который опрокинул его с колесницы в море. Барахтаясь в воде, Миртил смотрел, как предатель исчезает за горизонтом. Чувствуя, как морская вода наполняет его легкие, возничий послал проклятие Пелопу и всем его потомкам.

Бог Гермес услышал слова, произнесенные его тонущим сыном, и взял на себя обязательство проследить за тем, чтобы клятва была исполнена. Пелоп, терзаемый во сне воспоминаниями о содеянном, чувствовал вину и старался помириться с божественным отцом Миртила, возводя в его честь великолепные святилища.

Но Гермес не смягчился. Проклятие продолжало действовать, это проявилось в соперничестве между двумя сыновьями Пелопа — Атреем и Фиестом. Оба они были претендентами на трон богатого царства Микен, престарелый царь которого умер, не оставив наследника. Оракул известил микенян, что они должны выбрать царя из рода Пелопов. Таким образом, оба брата отправились в Микены, чтобы принять участие в состязаниях за корону. Гермес наблюдал за все возрастающей меж ними враждой и старательно подпитывал ее.

Направляемая им Аэропа, жена Атрея, изменила му-



Фиест соблазнил жену Атрея, и обманутый муж отомстил ему. Он убил детей Фиеста, пригласил их отца на пир и подал тому их расчлененные трупы.

жу, безрассудно бросившись в объятия Фиеста, который начал наставлять рога своему брату.

Обмениваясь тайными ласками с Аэропой, Фиест думал о том, как использовать эту любовную связь, чтобы завладеть тронем. Но произошло иное — Атрей узнал об измене. И там, где другой обманутый муж обнажил бы в ярости свой меч, он здравомысляще проявил показную печаль и прощение, чем завоевал уважение старейшин и царскую корону Микен. Аэропа, раскаявшись, стала царицей, а Фиест, выступивший в роли обманщика, скрылся, чтобы зализывать свои раны.

Но стыд рогоносца терзал душу Атрея. Прошли годы, а он все еще питал ненависть к Фиесту. Когда он представлял себе, как желтоватые пальцы касаются тела его жены, боль его становилась все нестерпимее с течением времени. И, наконец, он изобрел средство отмщения. В качестве жеста братского примирения он пригласил Фиеста на пир, якобы для того, чтобы отпраздновать возрождение их дружбы и любви.

Фиест с осторожностью и любопытством при-

нял приглашение. В тот момент, когда братья обнимались и целовались, наемные убийцы тайком проникли в покои, где спали пять юных сыновей Фиеста, и перерезали им горло.

Не ведая ничего о кровавой резне, Фиест тем вечером жадно насыщался, поедая мясо, приправленное пряностями, с огромного деревянного блюда. Ему не о чем было говорить со своим скучным братом, но когда живот его стал тугим, как барабан, Фиест заинтересовался, что это за блюдо, которое так ему понравилось. Вместо ответа Атрей лично вынес большой серебряный поднос и снял крышку. Там лежали отрубленные головы, руки и ступни — все то, что осталось от сыновей Фиеста. Обезумевший Фиест бросился на землю, внутренности его сотрясали конвульсии, изо рта и носа стремительным потоком рвоты извергались полупереваренные плоть и внутренности его детей. Сквозь слезы ярости он проклял брата, призвав на его голову все зло мира, после чего уполз прочь обдумывать планы мести. Но прежде, чем что-то предпринять, он отправился



за советом к великому Дельфийскому оракулу.

Там Фиест узнал, что для того, чтобы одержать победу над Атреем, он должен зачать ребенка со своей собственной дочерью, жрицей Пелопией. Только мальчик, рожденный от такого союза, мог отомстить за чудовищное убийство сыновей. Услышав об этом, Фиест в печали опустил голову. Зло продолжало плодить зло.

Тем не менее он отправился к храму, где служила Пелопия, и, скрывшись в лесу, тайно поджидал, когда она придет умываться к ручью. Едва она вступила под сень деревьев, Фиест толкнул дочь, чтобы она лежала лицом вниз и не смогла узнать его, и изнасиловал ее. Защищая себя, Пелопия ухитрилась выхватить меч у насильника и крепко сжимала его, пока он не закончил свое грязное дело и не убежал. С этого времени она всегда держала меч при себе, полная решимости когда-нибудь найти его владельца.

Атрею, который тоже обратился к Дельфийскому оракулу, велено было найти брата. Из Дельф Атрей последовал к храму, где встретил Пелопию, сидящую на ступенях и горько причитающую. Гермес, посланец богов и безжалостный враг рода Атрея, свел этих двух людей вместе и теперь лепил их судьбы согласно своему плану мести.

Под его невидимым влиянием Атрей влюбился в Пелопию, собственную племянницу, и, отказавшись от поисков Фиеста, решил взять ее в жены. Он был волен это сделать, поскольку, покидая Микены, приказал казнить Аэропу.

Прошло время, и у Пелопии родился ребенок, зачатый от собственного отца. Не желая его, поскольку он был

плодом насилия, она попыталась убить мальчика, бросив его на склоне горы. Но Атрей взял его обратно, назвал Эгисфом и стал растить как собственного сына. Его люди продолжали разыскивать Фиеста. Выследив, они силой привели его в Микены, где Атрей бросил его в темницу. Он приказал Эгисфу, которому исполнилось семь лет, доказать свою храбрость — пойти одному в подземелье и убить заточенного там пленника. Содрогаясь от мысли, что ему не удастся выполнить поручение, мальчик пробрался в комнату матери и вытащил из-под кровати меч, который она там прятала. Крадучись, спустился он по каменным ступеням, ведущим к грязной мерзкой клетке, где спала его жертва. Долго стоял он, глядя на этого человека, и меч дрожал в его занесенной руке. Он никак не мог нанести решительный удар.

Внезапно Фиест сел и, схватив ребенка за руку, вырвал у него меч. Эгисф пронзительно закричал, и в то же мгновение сильная рука зажала ему рот. Где нашел он этот меч, требовательно спросил пленник. Отпущенный, Эгисф, заливаясь слезами, объяснил. К его ужасу, Фиест, откинув голову, захохотал, как шакал, затем, злобно схватив мальчика, он затряс его снова и прошипел, что пощадит Эгисфа, если тот выполнит три поручения. Первое — немедленно привести Пелопию в подземелье. Бормоча благодарности, Эгисф помчался назад во дворец и разыскал мать.

Когда Пелопия спустилась вниз, она мгновенно узнала своего отца и бросилась к нему в объятия. Погладив дочь по волосам, Фиест поблагодарил за возвращение давно потерянного меча. Отстранившись, чтобы посмотреть ему в лицо, Пелопия осознала смысл сказанного, схватила меч и вонзила себе в сердце.

Фиест бесстрастно наблюдал за происходящим, потом медленно вынул меч из тела дочери. Вновь повернувшись к Эгисфу, который рыдал, забившись в угол, он приказал мальчику приняться за следующее поручение. Эгисф должен отнести обгаренный кровью меч Атрею, сказать, что он выполнил свой долг, и как можно быстрее вернуться в темницу. Мальчик повиновался.

Словно камень свалился с души Атрея, когда он услышал, что Фиесту пришел конец. С гордостью подняв приемного сына в воздух, он провозгласил этот день праздничным и приказал рабам принести ему вина. А в темнице, пока двор пировал, Эгисф узнал, кто такой на самом деле Фиест, и услышал историю о том, как он появился на свет. Подобно бесчувственному наемному убийце, маленький мальчик медленно поднимался из темницы во дворец, чтобы выполнить третье задание — отомстить за зверства Атрея и то горе, которое пришлось испытать его настоящему отцу.

Пока Атрей сидел, развалившись в пьяном оцепенении, Эгисф, прыгнув, разрубил его на куски. Таким образом Фиест отомстил за смерть своих сыновей и стал преемником трона в Микенах.

Но проклятие коснулось и третьего поколения. Сыновья Атрея от мертвой Аэропы, Агамемнон и Менелай, после безвременной кончины отца, спаслись бегством, покинув двор. Юные царевицы отправились странствовать по Эгейскому морю, ведя рискованную жизнь наемников. В конце концов они завоевали расположение Тиндарея, царя Спарты. С его помо-

щью Агамемнон пошел походом на Микены и сверг Фиеста. На этот раз Эгисф спасся бегством, но пути сводных братьев должна были снова пересечься.

Несколько лет спустя между греками разгорелась война. Парис, сын Приама, царя Трои, похитил жену Менелая, прекрасную Елену, и отплыл вместе с ней в Трою. Была задета честь семьи, и Агамемнон решил вернуть женщину назад силой. Он отправил большой флот против Трои.

После его отплытия возмужавший к тому времени Эгисф покинул свое убежище. Вернувшись в Микены, он снова втерся в доверие и стал руководить Клитемнестрой — оставшейся в одиночестве женой Агамемнона. Нетаясь, Эгисф искал способы совратить ее. Со своей стороны, у нее было мало причин любить своего мужа. Она вышла замуж по принуждению. Однако осталась верной Агамемнону и отвергала домогательства Эгисфа до того дня, когда вестники из армии принесли ей ужасную новость.

Боги, предвидя ужасную резню, повод которой они считали сомнительным, высадили греческий флот на необитаемый остров далеко от Трои. Затем они предоставили Агамемнону выбор: повернуть обратно или, если он хочет продолжать свой путь, вызвать на остров дочь Ифигению и принести ее в жертву. Он пытался сделать выбор между долгом отца и обязанностями предводителя. Оставшись один в своем шатре, Агамемнон часами вышагивал, борясь с собственной совестью. Наконец, он принял решение. Девушка должна была быть принесена в жертву.

Когда он лгал Ифигении, что она приведена к алтарю в белых одеждах, потому что должна выйти замуж за

героя, щеки его горели от стыда. Подавая жрецам сигнал вонзить в нее нож, он рыдал, как ребенок. Но ни слезы, ни печаль не служили прощением Агамемнону в глазах его жены. За принятие дочери в жертву ради спасения экспедиции Клитемнестра наказала мужа тем способом, какой первым подвернулся под руку. Она заключила Эгисфа в свои объятия со страстью, равной ненависти, вспыхнувшей к мужу. Превыше всего она жаждала, чтобы Агамемнон вернулся живым — убийство, задуманное ею, затмит своей жестокостью все совершенное представителями их несчастного рода.

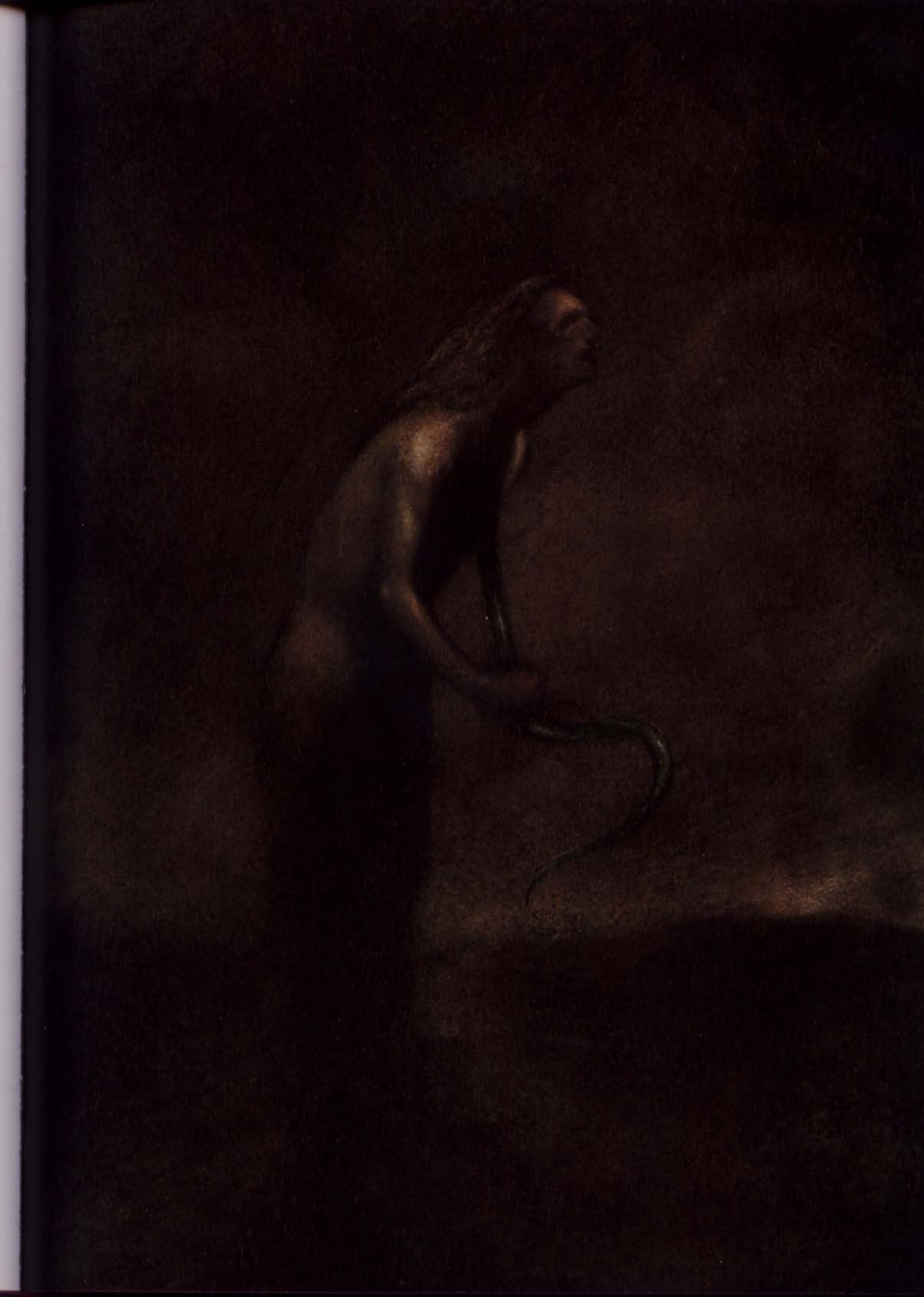
Десять лет спустя Троя пала и Агамемнон вернулся в Микены. Клитемнестра приветствовала его с распростертыми объятиями. Взяв мужа за руки, она повела его в бани, где с любовью раздела. Там она нанесла свой удар. Обернув голову своей жертве толстым полотенцем и силой повалив его на спину, пронзительным криком она позвала Эгисфа, затаившегося неподалеку. Эгисф выскочил из своего убежища и вонзил кинжал в сердце сводного брата. Он наносил удар за ударом — все вокруг было залито кровью. Но Агамемнон оказался живучим — он не умирал. В конце концов Клитемнестра схватила топор и отрубила ему голову. Эгисф в изнеможении соскользнул на пол, но Клитемнестра на этом не остановилась. С топором в руке она отправилась на поиски собственных детей, в отчаянии пытаясь расправиться с сыном. Она понимала, что, если не убьет его, сын, став взрослым, отомстит за смерть отца. Зная, что такая мысль может прийти матери в голову, Электра спрятала маленького брата

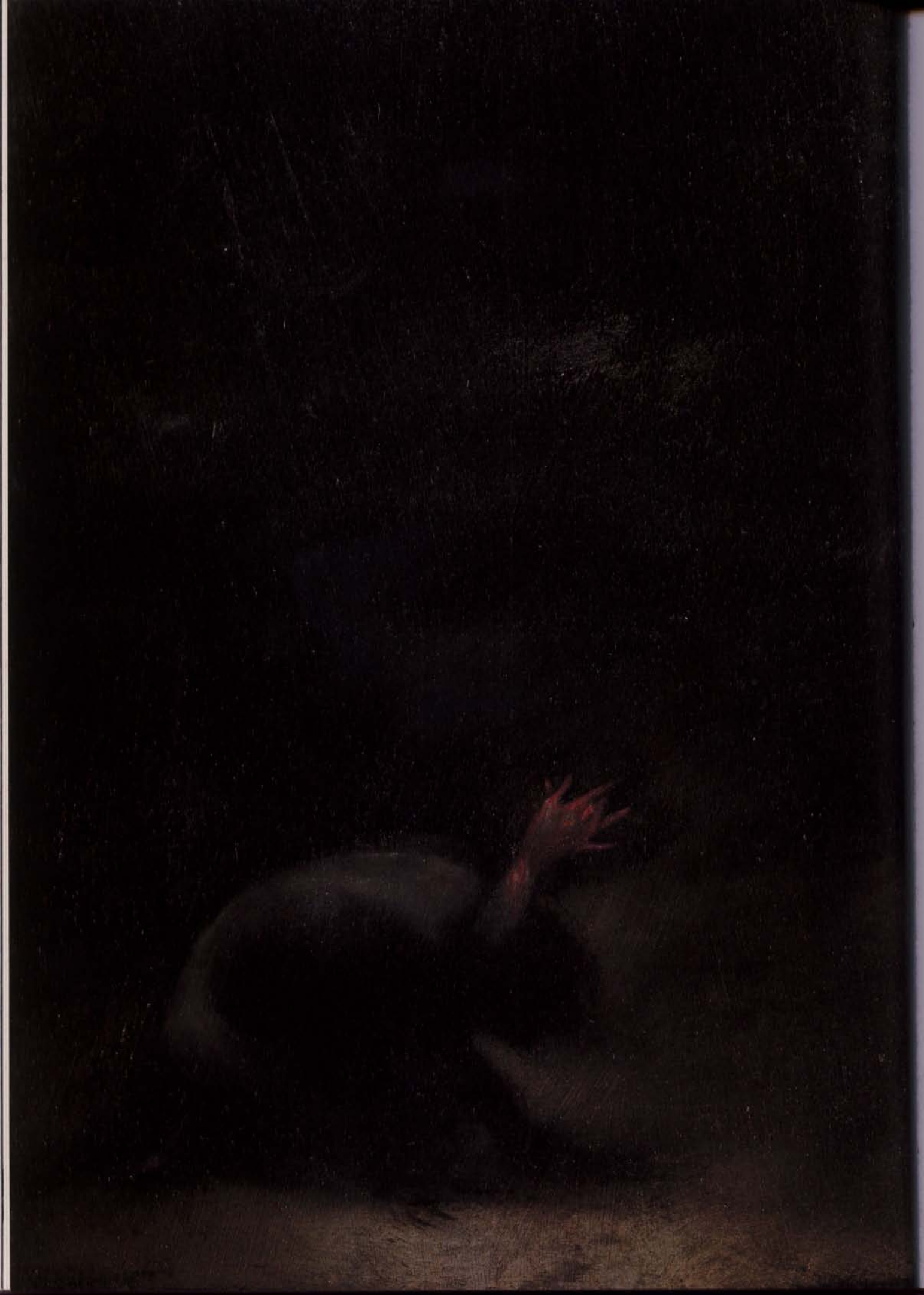
Ореста. Она вернулась во дворец в сумерках живым напоминанием того, что род Агамемнона продолжается. Она была полна решимости остановить убийц — пусть даже ценой собственной жизни. Эгисф поднял меч, чтобы зарубить ее, но Клитемнестра удержала его, сказав, что девушка не представляет опасности. Кровная месть — дело сыновей. Таким образом Электра осталась живой в Микенах и каждый день обращалась к людям с речами о позорном убийстве, совершенном их правителями. Из-за боязни навлечь на себя гнев Клитемнестры, люди притворялись, что тирады ее дочери не более чем высокопарные проповеди сумасшедшей.

Клитемнестра тем временем жила в страхе, боясь мести сына. Она понимала, что не имеет значения, как долго ему придется ждать — однажды он придет за ней. Она прождала двадцать лет, и он действительно пришел. Ночью, накануне того дня, когда он ее нашел, Клитемнестре приснился страшный сон. Ей приснилось, что она родила отвратительную змею и кормила ее грудью, из которой текла черная кровь. Крича, она пыталась оторвать ее от себя, но челюсти змеи были намертво сомкнуты. Клитемнестра проснулась вся в поту и какое-то время лежала в темноте, понимая, что находится на краю смерти.

В то время как она натягивала на себя простыни, стена от страха, к Микенам приближался Орест. С тех пор как он отправился в ссылку, он только и ждал момента, когда почувствует, как кровь Клитемнестры льется ему на руки. И вот теперь Дельфийский оракул полагал, что наступило время, благоприятное для отмщения. Каждое утро Электра выходила из города и шла к поросшему кустарником месту, где

Царица Клитемнестра, жена Агамемнона, помогла любовнику убить своего царственного супруга. Однажды ей приснилось, что она родила и кормит грудью ядовитую змею, и она поняла, что предвещает этот ночной кошмар. Ее дети отомстят за смерть отца, не проявив к ней никакого милосердия.





С руками, обогренными кровью матери, Орест бежал от разъяренных фурий. Но эти бессмертные мстительные создания следовали за ним по пятам и едва не свели с ума.

был похоронен отец. В свете серой зари она увидела человека, поджидавшего ее, узнала Ореста и побежала обнять его.

Увидев, что брат вооружен, она рассказала ему о ночном кошмаре матери, который был известен всем, потому что крик Клитеместры разбудил обитателей дворца. Орест кивнул: да, он был, той самой ядовитой змеей, которую вскормила его мать.

Электра привела брата ко дворцу. Он позвал Клитеместру, объявив, что принес новость из далекой страны — ее сын, Орест, мертв. Сердце Клитеместры радостно забилося от этих слов. Быстро спускаясь по лестнице из спальных покоев, она крикнула Эгисфу, чтобы он отпер двери. Плохо соображающий со сна, ее любовник открыл засовы.

Орест ворвался вовнутрь. Не сказав ни единого слова, он вонзил нож в рот Эгисфа, проткнув насквозь голову. Потом повернулся к Клитеместре. Она молила о пощаде, но Орест схватил мать за волосы, подтащил к трупу любовника и перерезал ей горло. После этого он сделал огромную ошибку. Подняв глаза, он увидел наверху лестницы маленькую дочь Клитеместры и Эгисфа, с ужасом глядящую вниз. Загнав девочку в ее спальню, он прижал ее к стене и стал наносить удар за ударом, пока она не умерла.

К этому времени толпа любопытных граждан стала громко кричать у дворцовых ворот. Задыхаясь, Орест вышел во двор и обратился к ним с речью. Разве не правильно он поступил, избавив Микены от злых тиранов? Разве не сами боги допустили их казнь? Толпа, казалось, была удовлетворена его объяснениями, но боги — нет. Никаких оправданий нет жестокому убийству ребенка. В то время как

Орест говорил, фурии — безжалостные посланницы гнева богов — спустились с небес и набросились на него. Они были словно из ночного кошмара — со змеями вместо волос, с лицами богов, с распростертыми крыльями летучих мышей. Шесть дней и ночей эти пронзительно орущие твари рвали когтями тело Ореста, стараясь при этом его не убить, а причинить столько мучительной боли, сколько способен вынести смертный. После чего, непонятно почему, отвратительные создания покинули его.

Шатаясь, Орест побрел из дворца на рыночную площадь, где собирались люди, жаждущие мудрости богов. Лучшие животные были принесены в жертву, прекрасные вина изливались на жаждущую землю, ветер разносил запах фимиама. И вот наконец последовал ответ. Мудрейший из жрецов провозгласил, что Орест не получил прощенья богов и должен быть изгнан за свои преступления. Ни один микенянин не должен давать ему укрытие, воду и пищу.

Вот так получилось, что Орест был изгнан из того самого города, который он освободил. Целый год он скитался по бесплодным землям вокруг Микен, преследуемый фуриями. Целый год не мог он смыть кровь жертв со своих рук. Орест начал сходить с ума, и тогда, наконец, богиня Афина, покровительница закона и здравомыслия, отпустила ему грехи, исцелила и позволила снова жить в мире и спокойствии. Ее божественное вмешательство прекратило действие проклятия, жертвами которого стали четыре поколения из дома Атрея.

Жестокая расплата

В темных фьордах Северной Норвегии старые моряки издавна хорошо знали, что мир таит куда больше опасности, чем море с его непостоянством и капризами. Качаясь на свинцовых волнах, поджидая рыбу в свои сети, они обычно запугивали один другого историями о людях, которые сталкивались с опасностями иного мира, как, например, рыбак Элиас, навлекший проклятия на себя и свою семью, и случилось это, потому что его живот был пуст.

А вина Элиаса была в том, что он пронзил гарпуном тюленя, выброшенного на побережье возле его дома. Как все мореплаватели, он знал, что эти животные приносят несчастье, говорили, что в них поселялись души грешников — самоубийц. Осторожность говорила, что от добра добра не ищут. Но он должен был кормить шестерых детей, а они уже месяц не ели мяса. Подбегая, он вонзил гарпун в спину тюленя. С силой тюлень вырвался, сломав оружие пополам. На долю секунды Элиас заглянул в горящие глаза и злобно раскрытую пасть. Затем животное исчезло. Остался лишь обломок гарпуна, качающийся в волнах прибоя.

Прошли месяцы, и Элиас вскоре забыл об этом неприятном происшествии. Каждый день он с приливом уходил в море; каждый вечер работал в сарае, держа свое судно в чистоте и пригодным к плаванию. Именно там у него появилось первое предчувствие, что грядут неприятности. Однажды вечером он стоял, нагнувшись над перевернутым корпусом лодки, и поднял голову, чтобы взглянуть в лицо незнакомцу, который приближался к нему с полусумасшедшей улыбкой.

Он вскочил, опрокинув лампу, по стенам заплескали тени. Мгновение спустя визитер исчез, но не прежде, чем Элиас увидел железное острие, торчащее у него из спины. Элиас никому не сказал о том, что увидел. Люди сразу поймут, что он стал рабом друга — одного из злых духов, которые, говорили, поднимаются из моря. Они подкрадывались к смертным, чтобы выбрать очередную жертву. Никто не стал бы ходить в море с человеком, отмеченным другом, никто не стал бы покупать у него рыбу. Над таким человеком тяготело проклятье.



Сидя в своем слабоосвещенном сарае, рыбак Элиас перехватил взгляд какого-то забредшего туда незваного гостя. Двигался он как человек, но черты его лица были необычными, а из спины торчал обломок гарпуна.

В те недели, которые последовали за этим событием, Элиас вел свои дела очень осмотрительно. Выходя в море на своем одноместном ялике, он держался, подобно новичку, почти у самого берега. Он знал, что, если появится незнакомец из сарая, лодка вряд ли спасет его — одного прикосновения наслаждающегося ужасами друга достаточно, чтобы разбить самые прочные бревна. Месяц или чуть больше ничего плохого не происходило. Но однажды днем Элиас вытащил свои сети и увидел, что они полны вонючей пены. Он отшатнулся с отвращением и отчаянием, поскольку узнал эту зловонную, пятнистую пену — блевотину друга, предзнаменование смерти в воде.

Заслышав приближение другого судна, Элиас бросил сети назад в море, чтобы скрыть их содержимое. Когда он это сделал, чей-то голос глухо пророкотал над морской зыбью, позвав его по имени. Однако, когда он обернулся, чтобы ответить другому рыбаку, взору его предстал пустой океан — до самого горизонта не было видно ни одного судна.

Несколько недель после этого происшествия Элиас провел в постели, притворяясь больным, чтобы не выходить в море. Но запасы провизии вскоре иссякли, и вид семьи, окончательно изнуренной голодом, заставил его справиться со своими страхами и отправиться на лов.

Вскоре он пришел к убеждению, что его предчувствия безосновательны — уловы были большими, друг не появлялся. Через какое-то время Элиас решил, что тучи, сгустившиеся было над ним, рассеялись, и он полностью изгнал из своей головы мысли о случившемся.

Прошло восемь лет. Его старший сын, Бернт, достиг отроческого возраста и стал достаточно большим, чтобы помогать отцу в ежедневной ловле рыбы. Элиас обнаружил, что с помощником он может оставаться в море дольше, и, как результат этого, улов его значительно вырос. Еды стало вдоволь, и они даже ухитрялись понемногу откладывать деньги. Пришел день, когда накопилось достаточно, чтобы купить новую лодку.

И вот одним декабрьским утром Элиас с женой и детьми отправился в порт Ранген, где жили лучшие в этих краях лодочные мастера. Он объяснил им, что ему требуется, и один старик показал крепкую, осмоленную лодку, рассчитанную на пятерых. Элиас внимательно осмотрел ее, и ему понравилось то, что он увидел, — лодка была настоящим шедевром мастера. Сработанная добротно, чтобы долго служить, она, кроме того, веселила душу. Когда он узнал, что лодка ему по карману, он тут же ее купил.



После многих лет экономии и тяжелого труда Элиас скопил достаточно, чтобы купить себе лодку получше. С женой и детьми он отправился в последнее плавание на старой лодке в ближайший порт, чтобы купить новое судно.

Потом он повел свою взволнованную семью к причалу, чтобы забрать новое судно и отплыть домой.

На борту было восемь человек и корзины с провизией на Рождество, поэтому лодка вначале шла тяжело. Но стоило выйти в открытое море, как ее грот-мачта с треском закачалась, лодка задрала нос и полетела вперед, срезая гребешки волн, словно разбрасывая гальку.

Элиас, смеющийся от радости, прокричал семье, что их новая лодка, несомненно, самая быстрая на всем побережье. Но едва эти слова сорвались с его губ, как он заметил другое судно, очень похожее на их, быстро идущее параллельным курсом. Вглядываясь сквозь сетку измороси, которая начала падать с неба, Элиас смог увидеть лишь спины экипажа, мелькавшие на фоне зыби. Они шли наперегонки с ним.

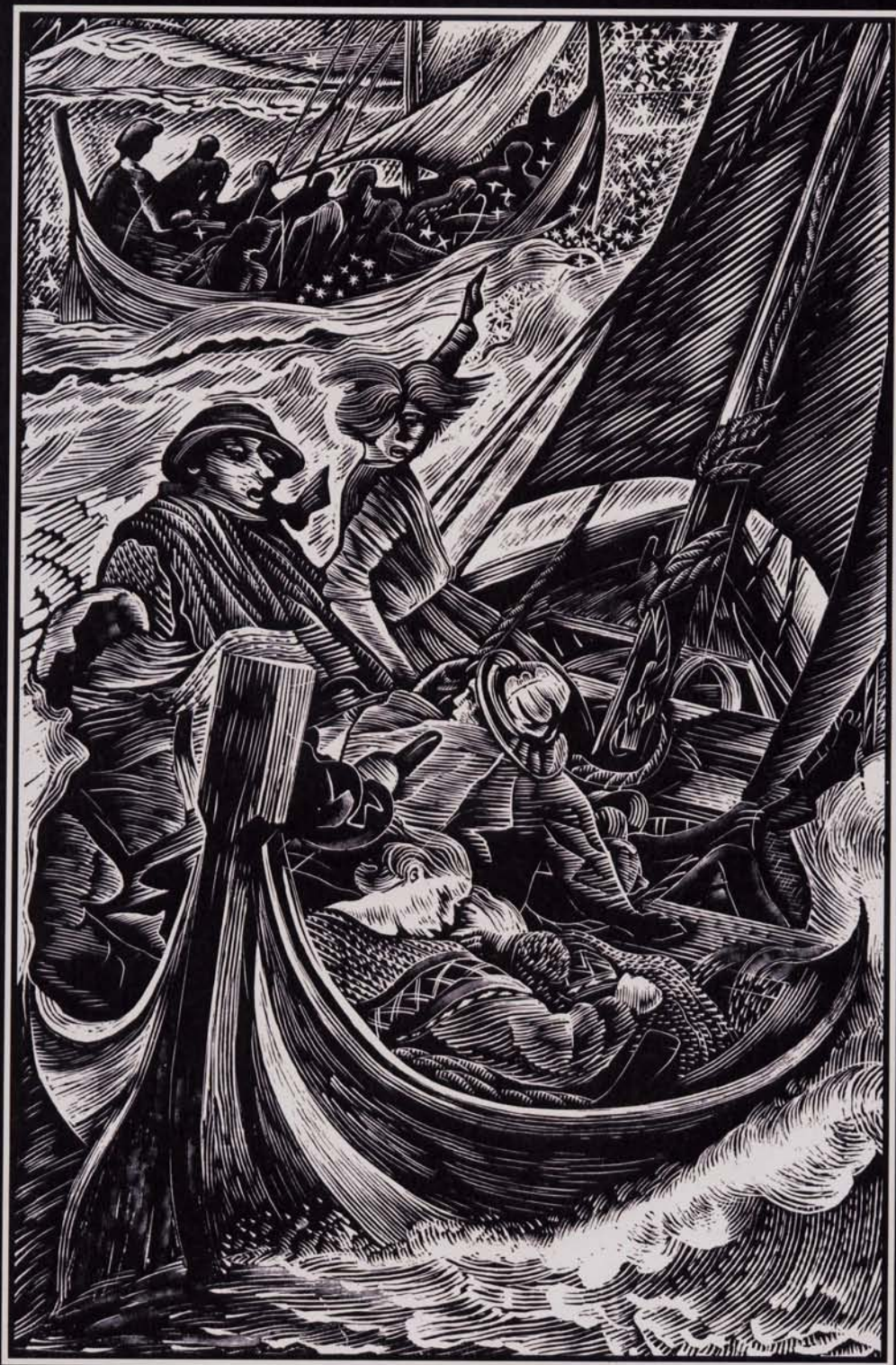
Внезапно добрая рассудительность, приобретенная за годы плавания, покинула рыбака. Он видел, что погода ухудшается. Свинцовый сумрак, который так ненавидит каждый моряк, начал покрывать море, вот-вот готов был разразиться шторм. Здравый смысл говорил, что нужно немедленно направляться домой, но его гордость была задета. Сквозь усиливающийся ветер он прокричал сыну Бернту, чтобы тот ослабил шкоты. Отпущенное на волю, судно ринулось вперед, то взлетая, то падая на высоких волнах, обдающих сидящих в лодке брызгами.

Стало темнеть, но суда-близнецы все продолжали свою гонку. Элиас в тревожном изумлении смотрел на фосфоресцирующие морские огоньки, вспыхивающие вокруг другого судна. Кто были эти мужчины? Внезапно ужасное воспоминание всплыло в памяти рыбака.

Тревога охватила Элиаса. Он посмотрел на жену и детей, сбившихся в кучу на дне пляшущей на волнах лодки, и стал подавать Бернту сигнал повернуть судно. Но было поздно. В этот самый миг громадный вал вырос прямо перед ними так неожиданно, что, казалось, упал прямо с неба. Сокрушительной силы волна обрушилась на них, наполнив рот и уши Элиаса водой. Ему почудился чей-то крик. Когда волна отступила, он понял, что кричала его жена. Двое младших, которых она до этого крепко прижимала к себе, были унесены прокатившимся валом за борт.

Элиас впал в отчаяние. В такой шторм было невозможно повернуть назад за детьми. Последние проблески надежды на их спасение исчезли, когда из тьмы перед ними вырос новый вал.

Элиас направил нос корабля поперек волны и зарычал на Бернта, чтобы тот раскрыл парус, но напрасно — его слова поглотил шум, стонущее судно было накрыто новой волной. Рыбак ощутил рядом чье-то тело



Возвращавшийся домой в бурю Элиас был вовлечен в гонки лодкой с неизвестными людьми на борту. Бросившее ему вызов судно было как две капли воды похоже на его собственное. Оно рывками летело по волнам, окутанное непонятным свечением.

и попытался схватить его, но оно было вырвано из его рук стремительным водоворотом. Сквозь буйство белой, вспенившейся воды он перехватил устремленный на него взгляд жены, когда она возносилась на самый гребень волны, чтобы исчезнуть потом в непроглядной тьме.

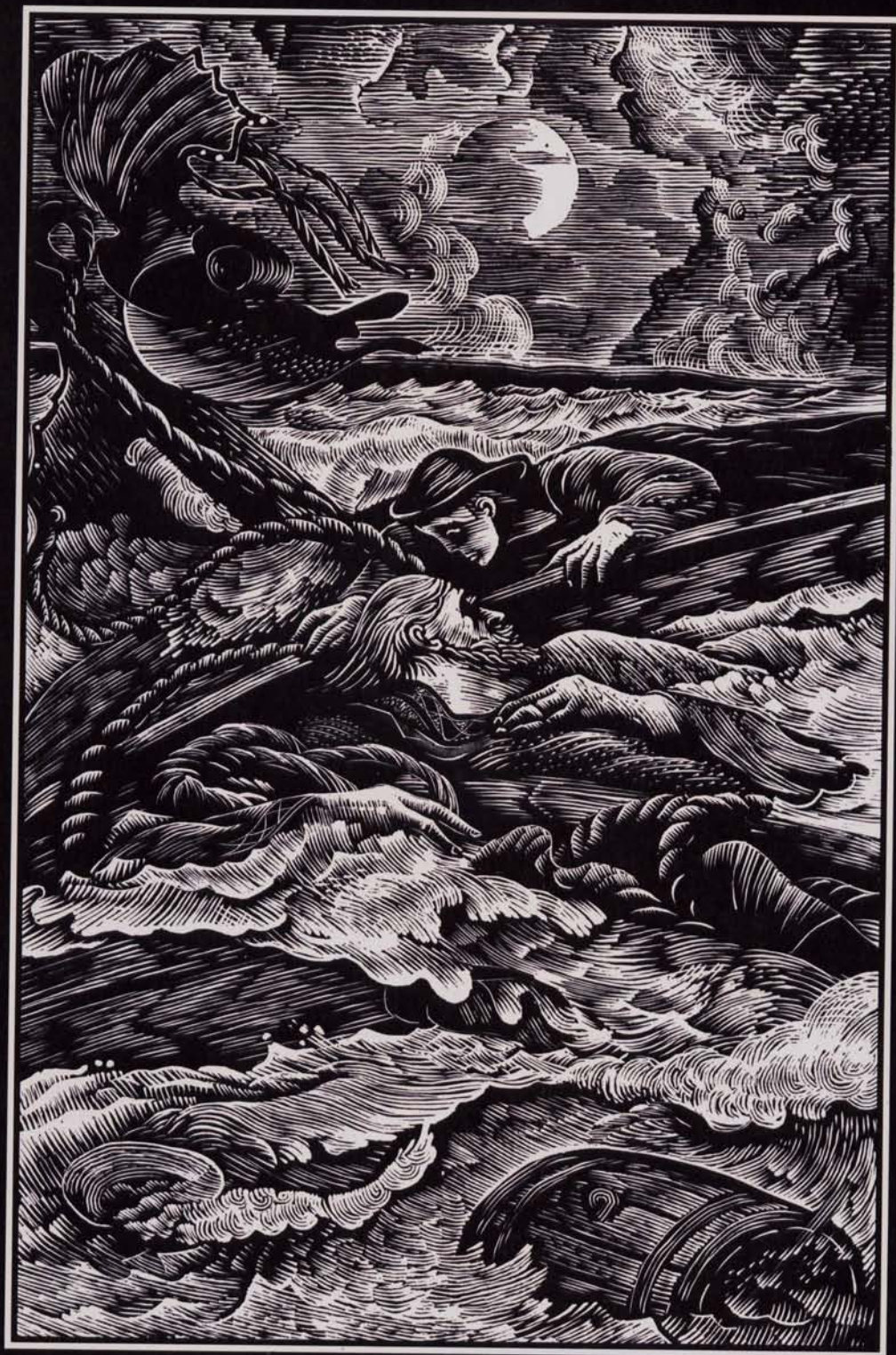
Именно когда Элиас, не в силах постигнуть разумом происходящее, смотрел на остатки своей семьи, судно, ведущее гонку, нырнуло носом в волну совсем рядом, приблизившись настолько, что они шли бок о бок. Человек у руля выглядел расслабленным и даже беспечным перед лицом такого ужасного шторма. Повернувшись к Элиасу, он сделал какой-то знак рукой. Затем, резко развернувшись, он направил лодку в сторону, прямо в ночной мрак. Только отблеск лунного света на металле, торчащем из его спины, показывал, куда он направился.

Отвесной скалой вздыбилась новая волна. Предупреждая о ней, Бернт закричал, но, прежде чем Элиас успел шевельнуться, она накрыла их. Судно потащило вниз, потом швырнуло вверх, к поверхности, с задранными килем. Элиас вцепился в руль, Бернт и второй сын, Мартин, ухватились за уключины. Других смыло в море. «Держитесь крепче!» — прокричал уцелевшим Элиас. Он пытался их подбодрить, чтобы они не теряли мужества, — это все, что им оставалось.

Вот уже час или около того их носило по волнам, пока ветер не стих. Элиас услышал голос с другого конца перевернутого судна. Это был Бернт. Он сказал, что Мартин мертв. Короткий смешок разнесся над темнеющей зыбью. Глядя поверх его плеча, рыбак увидел другое судно, вновь плывущее рядом. И он, наконец, понял, что должен сделать, чтобы сохранить жизнь оставшемуся в живых сыну. Только его собственная смерть сможет умиротворить друга.

Именно там, в открытом море, на просторах Ледовитого океана Бернт и узнал историю о роковой встрече с другом. Элиас рассказал все сыну, после чего разжал руки и безропотно скользнул вниз, в холодную морскую пучину. Он открыл рот, и океан наполнил его легкие водой. И в момент, когда пальцы смерти выжали из них последний воздух, чей-то хохот заполнил его уши, пронизывая толщу океана.

Трясущегося от холода и страха Бернта нашли на следующее утро на скалах, выступающих из воды неподалеку от берега. Когда спасатели заворачивали его в одеяла, мальчик безостановочно бормотал проклятия и заклинания, показывая в сторону моря. Но кроме лениво кружившего неподалеку от берега тюленя, они ничего не могли разглядеть.



Опрокинутый волнами, на полузатонувшей лодке, Элиас и его старший сын продолжали бороться за жизнь. Но море требовало еще одной, последней жертвы.

Невеста вождя-призрака

В стародавние времена индейцы, живущие на туманном восточном побережье Северной Америки, по вечерам обычно сидели перед своими жилищами, изо всех сил напрягая слух и пытаясь уловить хотя бы какой-то звук из земли мертвых, что лежала по ту сторону воды, но была скрыта. Шаманы говорили, что было время, когда живые забирались и туда. Но постепенно граница между миром действительности и миром волшебным, миром живым и миром мертвых, закрылась. Сейчас лишь одно-единственное создание могло свободно перемещаться туда и обратно. Это была сова-сипуха, и когда люди видели ее, проносящуюся над головами, или слышали ее плач, так похожий на человеческий, они вздрагивали, думая о том месте, откуда она прилетела.

Одна легенда минувших дней рассказывала о последнем человеке, побывавшем в потустороннем мире. Это была молодая женщина, дочь Великого вождя. Дом, в котором она жила, был самым богатым в деревне. Могуущественный тотем стоял перед ним, возвещая гостям о том, сколь много мифических животных насчитывает семья среди своих прародителей. Девушка была прекрасна, и много молодых людей хотели взять ее в жены. Но

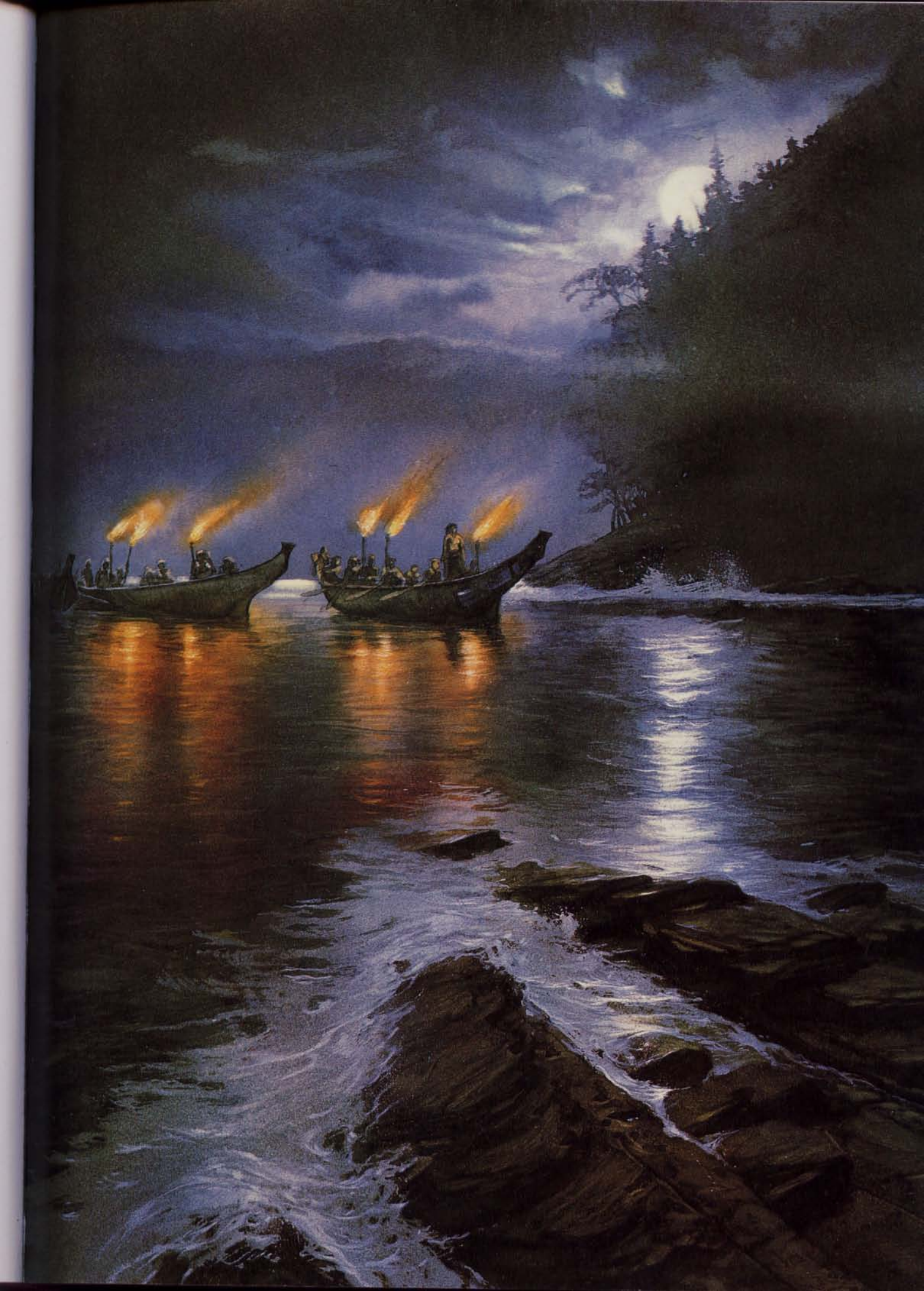
ее отец хотел, чтобы она оставалась с ним, а потому отказывал всем, какая бы высокая цена за невесту ни предлагалась.

Молодая девушка прятала свою печаль, но ее предполагаемые женихи не скрывали своего гнева. Все эти отказы вождя выглядели как признак высокомерия и презрения с его стороны. Люди говорили, что он будет наказан за свою гордыню.

Вскоре они получили этому прямое подтверждение. Однажды вождь отказал сыну шамана этого племени. Сам шаман был известен тем, что хорошо знал мир духов. За бесчестие семьи он задумал отомстить и искал средство достаточно могущественное, чтобы наказать вождя. Он отправился в лес, в пещеру — место тайных сил, где во мраке сверкали кристаллы кварца. Покачивая в ладони каменный осколок, он нараспев читал песнь до тех пор, пока не ощутил вибраций могущественных камней вокруг, и тогда он попросил духов взять дочь вождя в качестве невесты для себя.

Той ночью пение голосов, доносящихся с водной поверхности, выманило дочь вождя из дому. Смоляные факелы рассеивали темноту; к деревне направлялось множество каноэ. Она увидела, что это не что иное, как свадебная процессия, поскольку лодки

Освещая свой путь факелами, свадебная процессия на каноэ сопровождала жениха из страны призраков через залив, чтобы предложить цену за руку дочери вождя.



были доверху наполнены дорогими подарками. И когда прекрасный молодой вождь сошел с первого каноэ и дотронулся до ее руки, она поняла, что может стать невестой. Она и не заметила шамана, стоящего неподалеку на берегу с бесстрастной улыбкой.

Пришелец приказал своим людям разгрузить лодку инести подарки в дом. Выкуп, предлагаемый за невесту, далеко превосходил те, что прежде видели в деревне. Были внесены кипы одеял, сотканых из шерсти горных коз и крепких волокон красного кедра. Ящики с затейливой резьбой, изображавшей, как танцевали широко ухмыляющиеся мистические существа, за ними последовали резные каменные трубки, отполированные раковины моллюсков, маски, украшенные бисером и волосами, корзины из еловых корней, сплетенные так плотно, что могли удерживать воду. Далее следовал будущий жених, за которым несли самые редкие сокровища — блестящие щиты из драгоценной меди далекого севера, каждый такой щит стоил много сотен одеял.

Девушка увидела, что на ее отца произвели глубокое впечатление щедрость юного вождя, как и его вежливые, обходительные манеры. Он был сражен. К ее молчаливой радости, он дал свое разрешение на свадьбу с пришельцем.

Вскоре все было готово к празднику, на котором жители деревни пели о прошлой славе и подвигах своих предков. После того как свадебные ритуалы были закончены, пришельцы и улыбающаяся невеста уселись в каноэ и исчезли в ночи.


Казалось, поездка заняла считанные минуты, и когда они прибыли на место, было еще темно. Несмотря на поздний час, в деревне юного вождя было полно людей. Невесту со всех сторон приветствовали смеющиеся, счастливые толпы. Муж привел ее к самому чудесному семейному жилищу, какое ей только приходилось видеть. Даже в темноте оно выглядело и больше и лучше отцовского, здесь могло бы разместиться на ночь больше дюжины семей. Ее охватило чувство гордости от того, что клан, в который она попала, был такой многочисленный и богатый, а от того, что ее муж такой сильный и пылкий, она чувствовала себя еще счастливее.

Свадебная ночь была длинной и страстной, но в конце концов она уснула, прижавшись к новобрачному, на мягких шкурах, служивших им постелью. Но что-то тревожило ее, какие-то призраки подступали из темноты ночи. Еще окончательно не проснувшись, находясь между сном и явью, она видела обрывки праздника, словно не хотела просыпаться.

Когда же она наконец открыла глаза, бледный свет пробивался сквозь щели бревен. Зловоние паленых волос и сгоревшей плоти наполняло семейный дом, а вокруг стояла странная пугающая тишина. Она повернулась, чтобы посмотреть на лежащего рядом человека. Дотронувшись до него, она замерла от ужаса. Ее пальцы наткнулись не на упругую кожу и твердые мышцы, а на что-то холодное и мокрое. Молодой человек, за которого она вышла замуж, исчез. На его месте лежал труп на последней стадии разложения. Она отдернула руку, неловко задев череп, который упал и устоялся на нее пустыми глазницами.

Утром после свадьбы новобрачная, проснувшись, обнаружила себя в объятиях трупа. Воздух вокруг ее брачной постели был тяжелым от дыма и запаха гниющей плоти.





Пробежав через дом, девушка стремглав выбежала наружу, в туманное утро. Берег был усеян бесчисленным множеством костей. Все счастливые люди, которых она видела предыдущей ночью, исчезли; сейчас она была единственной уцелевшей в этом склепе с костями. Рыдая, она подбежала к краю воды и вошла в нее.

Холодная вода залива успокоила ее. Поняв, что ее никто не преследует, она начала думать, как спастись, и вспомнила о каноэ, на котором приехала из дома. Она повернула назад к берегу и поспешила к месту сто-

янки. Там она увидела, что крепкие лодки, еще ночью доставившие их сюда, к утру стали негодными. Прогнившие днища заливала вода, и они были покрыты морскими водорослями.

Однако она не впала в отчаяние, поскольку увидела дымок, поднимающийся над соседней бухточкой. Наконец-то хоть какой-то признак жизни! Она решительно бросилась туда, больше не обращая внимания, что ступать приходится по рассыпающимся гудам человеческих костей. Хозяйкой огня оказалась крепкого сложения старуха. Девушка побежала к ней, засыпая ее на ходу вопросами.



Спотыкаясь о человеческие кости, невеста бежала к берегу. Но празднично раскрашенные каноэ, сопровождавшие ее к новому дому, превратились в полузатопленные, гниющие остатки лодок.

Но когда незнакомка сказала, что ее зовут Сова Сипуха, последние надежды девушки рухнули. Теперь она твердо знала то, о чем могла лишь догадываться: она находится в стране мертвых, поскольку Сова Сипуха — иногда в облике птицы, иногда женщины — была духом.

Сова Сипуха рассказала ей все о земле, жить на которой теперь девушка приговорена. Каждую ночь ее обитатели обретаю́т плоть и ведут себя так, как вели, когда были живыми. Но с приходом зари они падают наземь там, где стояли, превращаясь в безжизненные трупы. Старуха стала

уверять девушку, что та будет счастлива в своем новом доме, если научится спать днем и бодрствовать ночью, когда мягкая кожа и упругая плоть снова покроет кости ее товарищей.

Вскоре упали сумерки, а вместе с темнотой забормотали просыпающиеся мертвецы. Голоса их не были такими счастливыми, как предыдущей ночью, они стонали и плакали. Испугавшись, девушка прижалась к старухе, когда уродливые фигуры начали приближаться. У кого-то из них недоставало рук и ног, другие были с изуродованными телами.







Изуродованные и побитые, люди племени привидений поднимались и показывали пальцами на пришлицу, обвиняя ее.

Все обвиняли девушку, крича, что это она причина их уродств, это она по их костям бежала по берегу. Там, где череп под ее ногами откатывался в сторону, в лунном свете виднелось безголовое туловище. Там, где она наступила и сломала кости женской руки, ожившая покачивала искалеченной конечностью.

Сова Сипуха сказала им, что они сами виноваты в своих несчастьях, поскольку не удосужились объяснить новобрачной, как ей следует вести себя в ее новом доме. Что-то бормоча себе под нос, привидения стали расходиться. Молодая женщина вернулась к своему мужу. Он тоже был искалечен. Когда она утром отдернула руку, то нечаянно задела его шею.

Но время постепенно зализало раны, и девушка на свой лад научилась жить со своими странными хозяевами. Теперь она помнила о том, что нужно держать глаза закрытыми, пока не услышит голос мужа, и больше никогда не просыпалась рядом с мертвым. Благодаря осторожности и терпению она, как и предсказала мудрая Сова, даже сумела почувствовать себя почти счастливой в том странном мире.

Прошло какое-то время, и она поняла, что ждет ребенка. Но когда она родила здорового крепкого сына, всю деревню охватило уныние. Духи говорили, что ребенок живой и ему не место в их мире. Опечаленный муж-привидение сказал, что она и ее ребенок должны вернуться в отцовский дом.

На четвертый день после рождения мальчика деревенский шаман

омыл его в водах залива, чтобы он был сильным и крепким. Под грохот барабанов он поднял мальчика к небу, вверяя тотемному животному племени, медведю. Потом запел священное магическое заклинание над полосками коры кедра и осторожно обернул ими младенца, положив его потом в прекрасную колыбель. Шаман велел матери не разворачивать младенца, пока не пройдет полных двенадцать дней в мире живых. Если она сделает это до времени, он станет, подобно отцу, привидением и должен будет вернуться жить в землю мертвых навсегда.

Когда каноэ были нагружены подарками для племени девушки, группа призраков еще раз пристала к берегу мира живых. Там с великой радостью приветствовали девушку ее отец и семья. Племена обменялись подарками, отважные воины запели вместе песни о доблести — праздник продолжался до глубокой ночи. Затем, в последний раз взглянув на жену и сына, муж со своими товарищами покинул деревню. Ночная тьма быстро поглотила их лодки.

Девушка стояла на берегу до тех пор, пока последние звуки пения не затихли, прежде чем рассказать своей семье, что ее муж и его люди — привидения. Старейшины племени кивали головами — такое уже случалось в их дни. Они посмотрели на младенца, которого она принесла с собой, отметив, что он очень похож на одного из их собственных детей. Молодая женщина объяснила, что он полностью станет человеком, как только истекут двенадцать дней, если не нарушить предостережения шамана.

Вынутый из колыбели до того, как истек положенный срок, ребенок девушки, вышедшей замуж за привидение, оказался не живым младенцем, а лишенным плоти набором человеческих костей.

Каждое утро она выходила собирать густой зеленый мох, чтобы выстелить им дно колыбели, оставляя свою мать присматривать за младенцем. Женщина проводила время, разглядывая лицо младенца. А младенец смотрел на нее с непостижимым выражением своими черными глазами.

С каждым днем любопытство бабушки росло. Пока наконец она была уже не в силах совладать с ним. На одиннадцатый день, когда молодая женщина вернулась домой, она застала свою мать, разворачивающей младенца. Останавливать ее уже было поздно — предначертанное свершилось. Под одеялом из пуха синиц и колибри лежали крошечные, выбеленные кости на слое мелкой пыли. Натолкнувшись на взгляд дочери, в глазах которой стояли боль и ужас, она, чувствуя свою вину, схватила колыбель с ее содержимым и вышвырнула ее из семейного дома.

Глядя на останки своего дитя, разбросанные по земле, молодая женщина поняла, что ей надо сделать. Ее малыш никогда не присоединится к миру живых, значит, они должны вернуться во владения ее мужа. Собрав маленькие косточки, она сложила их в колыбель так, чтобы они составляли тело ее ребенка. Он должен быть целым и невредимым, когда возродится в мире призраков. Потом она присела на корточки перед домом, пристально вглядываясь в водную даль, в то время, как все племя вокруг нее оплакивало потерю.

Призраки прибыли за нею в ту же ночь. Но на этот раз о их

приближении возвещало не пение, а тупые удары о борта каноэ — холодный ритм, говорящий о смерти. Когда прибывшие достигли берега, люди почти не говорили и не было никаких подарков. Женщина успела лишь торопливо попрощаться с горюющими родителями, как каноэ выскользнуло в узкий пролив и растаяло во мраке ночи.

С того дня контакты между миром живых и миром мертвых прекратились. Некоторые старейшины утверждали, что это молодая женщина держит племена на расстоянии в отместку за глупость матери. Другие думали, что такова воля привидений, которые открыли людям больше своих тайн, чем хотели, позволив женщине вернуться. Как бы там ни было, их каноэ больше никогда не причаливали у деревни. Последующие годы тем не менее остроглазые воины в ясные ночи, при свете луны, могли разглядеть очертания одинокой лодки далеко посреди залива. Фигура в лодке сидела прямо и неподвижно, глядя в сторону деревни. Если ветер стихал, говорили охотники, сквозь лепет волн можно было слышать тихий женский плач.



Поцелуй зла

Согласно древним легендам, земли Месопотамии были когда-то наполнены волшебством и населены странными духами. Пустыня была домом гигантских птиц, чьи огромные крылья могли затмить солнце, женщин-каннибалов, устроивших свои жилища под раскаленными песками, и других существ, слишком отвратительных, чтобы их называть.

Но наиболее многочисленными из всех духов зла были джинны. Старше по возрасту, чем человечество, они полновластно царили во тьме ночей, в подземельях, в пустынях и руслах высохших рек. На их попечении находилось золото давно умерших тиранов, груды украденных сокровищ, все, что было запятнано кровью. Смертные, доведенные до отчаяния голодом и скупостью, иногда шли на риск, закладывая свои души за это спрятанное богатство.

Один из тех, кто искал его и пострадал, был Абдула Рехман Абу Султан. Он жил в бедности на окраине города Басра, непримирившийся со своей бедной жизнью, полной лишений. Земли его семьи, лежавшие вблизи реки, а потому легко орошаемые, некогда были плодородны. Ростки люцерны и рыже-коричневого ячменя без усилий тянулись вверх. Сезон за сезоном, по мере того как вода заливала землю, а жар пустыни сушил ее, на почве стала вы-

ступать пленка соли, принесшая разорение семье.

Абдула проводил зимние дни, оплакивая свою участь в кофейне, где водянистый солнечный свет, пробиваясь сквозь циновки, покрывавшие стены, освещал дымную пелену, стоявшую в воздухе от древесного угля жаровни. Тут собирались мужчины из близлежащих окрестностей, пили бесконечно, чашку за чашкой, густой душистый кофе и обсуждали свои проблемы. Голос Абдулы всегда звучал громче других.

Однажды среди них появился какой-то незнакомец. Слушая их разговоры, он перебирал четки, так что слабый отблеск ляпис-лазури мерцал в пыльном свете. Потом одной рукой он поправил



одежду, отделанную золотой тесьмой, открыв при этом амулет из серебра с бирюзой.

Привлеченный блеском, Абдула не в силах был оторвать глаз от драгоценных камней и сверкающего металла. А так как он всегда опережал своих товарищей в жалобах на несправедливость, царящую в этом мире, он осторожно, не показывая вида, смотрел на незнакомца, удивляясь при этом, что такой богатый человек делает в скромной кофейне на грязной окраине города.

Подошел полдень, а с ним появилось чувство голода, поскольку у Абдулы не было денег, чтобы купить что-нибудь поесть. Даже самая дешевая еда была ему не по карману. С плохо скрываемой завистью он наблюдал за незнакомцем, который приказал подать себе закуску из печенки и лука, что жарилась на огне. Запах этого блюда заставлял желудок Абдулы сжиматься от голода. Незнакомец расплатился монетами из туго набитого кошелька, наелся досыта и остался отдышаться.

Он дружелюбно поманил к себе Абдулу и его друзей и, предложив им остатки еды со своего блюда, спросил, не хотят ли они послушать историю его жизни. Публика проявила горячий интерес. Родился он бедняком, начал чужеземец, но решительность и любовь к приключениям сделали его богатым купцом, и сейчас он наслаждался беззаботной жизнью. Его путешествия, продолжал он, приводили его во многие странные и экзотические места, где он видел незабываемые зрелища.

Однако, сказал он, он скучал по простой жизни, какую вел в детстве, поэтому и приходит в такие вот места, по-

добные этой кофейне, где можно поговорить с такими же, как он сам, людьми.

Льстиво, желая утвердить себя как достойного собеседника незнакомца, Абдула тем не менее высказался против жалкого существования, которое вызывало такую тоску по прошлому у пришельца. Он нарисовал мрачную картину страданий и нужды и поклялся, что сам он готов сделать все что угодно, только бы изменить свою участь и стать одним из тех счастливых, которые правят миром и держат свою судьбу в своих руках.

С удовлетворенной улыбкой чужеземец сказал Абдуле, что понял с первого момента встречи с ним, какой он храбрый человек. И заверил Абдулу, что знает верный способ изменить к лучшему судьбу такого человека.

Завороженный этими словами, Абдула попросил продолжать, и купец рассказал о пещере посреди пустыни, в которой, по слухам, хранится ключ от всех богатств и всей мудрости мира. Кочевники говорили, что путь в эту пещеру был таким уединенным и таким ужасным, как путешествие в свою собственную могилу, а ее сокровища стерегла древняя королева джиннов, которая питалась человеческими душами.

Абдула и его друзья были сильно напуганы этими словами. Взмахом руки отпустив других, пришелец поближе наклонился к Абдуле и заверил его, что этот разговор о могилах и джиннах не более чем суеверные выдумки. С чем стоит по-настоящему считаться, так это с самим сокровищем. Драгоценные камни там огромных размеров и блестят так, что камни султана рядом с ними показались бы осколками цветного стекла. Золотые монеты там рассыпаны по земле толстым слоем, а предметы, сделанные из дорогих металлов и украшенные затейливым орнаментом, лежат у стен грудками. Все эти вещи возьмет се-

бе тот, кто достаточно дерзок и достаточно для этого смел.

Абдула, чье сердце вспыхнуло от жадности, стал упрашивать своего нового знакомого открыть ему местонахождение пещеры. Когда купец пообещал взять его туда, друзья стали отговаривать Абдулу от этой затеи. Одно дело мечтать о богатстве, говорили они, и совсем другое — украсть его у джинов. Лишь самая черная магия могла собрать сокровища, о которых рассказывал купец, и всякое соприкосновение с ней обязательно очернит душу.

Отведя Абдулу в сторону, его товарищи спросили, с чего вдруг незнакомец согласился помочь ему? С какой стати он готов уступить ему сокровища вместо того, чтобы захватить их самому? Возможно, он хочет, чтобы Абдула взял на себя весь риск, а потом убить его, если ему удастся заполучить богатства.

Абдула заставил их замолчать, напомнив с упреком, что, хотя купец и не один из них, — они вместе ели. А согласно обычаю, те, кто делил меж собой мясо и соль, могли доверять друг другу.

Вновь прибывший хранил молчание во время этого спора, он только перебирал священные четки да поблескивал камнями своих перстней, напоминая этим Абдуле, какие богатства он ему предлагает. Кончилось тем, что Абдула отказался выслушивать дальше все возражения друзей и дал клятву отправиться в пустыню ради того, чтобы изменить свою судьбу.

Не оставив Абдуле времени и возможности переменить решение, купец тут же нанял верблюдов, и двое мужчин вместе выехали из города, двигаясь через рощи финиковых пальм, которые росли по берегам реки Евфрат. В путь они отправились одни, дабы избежать любопытных глаз носильщиков и слуг,

которые могли украсть сокровища. Купец заверил Абдулу, что его амулет обладает магическим действием, и ни джины, ни племена пустыни не представляют для них никакой опасности.

Вскоре они достигли пустынных безликих пространств. Абдула настоженно огляделся — не видно ли признаков дьявольских сил? Людей, которые не отбрасывают тени, котлов, являющихся прямо из воздуха, или столбов песка на горизонте? Ничего такого он не увидел.

Но были иные, более тонкие способы распознавания грядущих неприятностей, и Абдула использовал их тоже. В кружащих водоворотом песках пустыни, в легкой туманной дымке, курящейся над их шатром по утрам, в стремительных скачках газелей читал он знаки беды. Ястреб пролетел, держась левым боком к нему, и по коже Абдулы побежали мурашки от предчувствия гибели. Они прошли по месту, что, казалось, явилось прямо из ада, — плюясь, злобно пузырились здесь омуты черного битума. А ночью, когда разбили лагерь, Абдуле приснилось пламя необычных цветов. Авгурь были против него. Но как только он в конце концов решил повернуть домой, пусть и бедняком, подвергаясь насмешкам друзей, купец указал на какое-то возвышение среди песков и объявил, что они наконец прибыли на место.

На гребне холма они увидела арку из камней, таких массивных, что перенести их на это место под силу было разве что джину. Абдула пробормотал несколько священных слов, противостоящих всякому злу, которое могло здесь остаться. Между огромными камнями был узкий проход.

Абдула медленно приблизился к расщелине и стал пристально вглядываться во тьму, куда ему предстояло вскоре отправиться. Верхние ступени

В глубине пещеры жаждущий сокровищ Абдула нашел дверь, на которой была вырезана многообещающая надпись о несказанных богатствах.

были засыпаны песком, а за ними зияла пустота, откуда исходило промозглое дыхание зла. Но стоило Абдуле произнести священные слова, как ветры пустыни унесли холод прочь. Оглянувшись на своего спутника, он увидел, как, опустив глаза, тот вновь перебирает свои четки. После чего, прежде чем Абдула успел заговорить с ним, и человек и верблюд внезапно исчезли. Единственным напоминанием о том, что они только что здесь стояли, было облако взметнувшейся пыли.

Оставшись один под лучами палящего солнца, Абдула покорился своей участи. Спускаясь по извилистой лестнице, что вела вниз, к сокровищам, он припоминал все, которые ему довелось когда-либо слышать, сказания и истории о джиннах, скрывающихся в земных глубинах, — созданиях необычайно злобных и коварных, таких огромных, что им ничего не стоит разорвать человека на кусочки, и злых настолько, что они могут служить причиной смерти жителей целых поселений. С замирающим от страха сердцем, шаг за шагом Абдула спускался вниз по ступеням. Зловещая темнота окутывала его со всех сторон. Наконец, внизу лестницы рука его коснулась холодного металла двери.

Слабое свечение, исходящее из неизвестного источника, позволило прочесть надпись, вырезанную на меди: «Пусть ищущий поцелует эту дверь, если пожелает в нее войти. Он получит больше сокровищ, чем будет в состоянии сосчитать, и больше знаний, чем будет в состоянии высказать». Абдула прикоснулся губами к ледяному холоду металла. И сразу же дверь распахнулась, явив взору внутреннее помеще-

ние, залитое неземным зеленоватым светом.

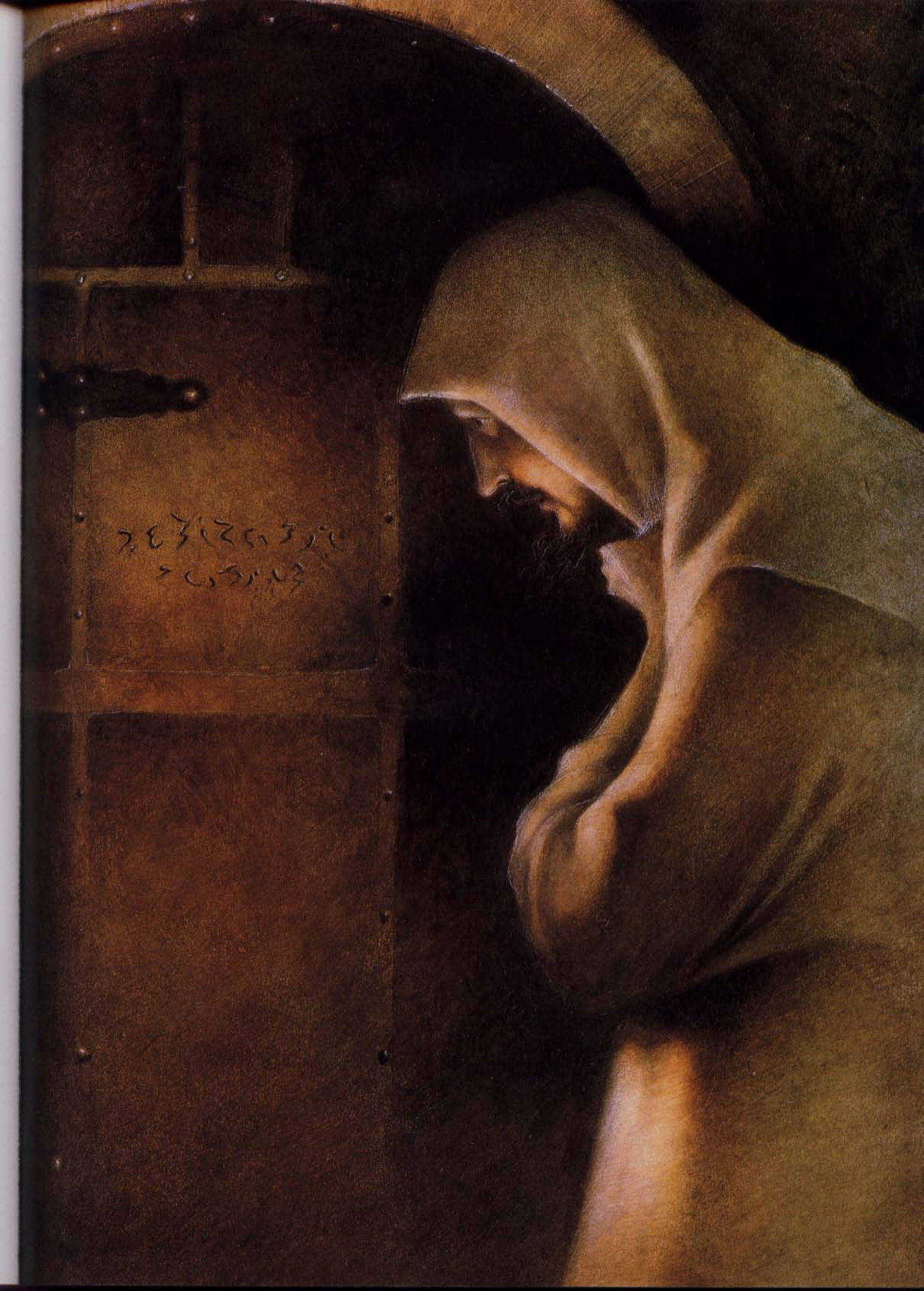
Вначале он увидел только сокровища, груды лежащие у стен, — золотые и серебряные монеты, украшенные чеканкой подносы, чаши с филигранной резьбой, драгоценные кувшины, сверкающие, переливающиеся всеми цветами камни, блестящие жемчуга. Он стал набивать карманы монетами. Затем запах смерти, наполнявший пещеру, внезапно остановил его — ему стало не до сокровищ.

Вокруг, у стен, висели трупы. В легком сквозняке, тянущем из коридора, гниющие тела слабо покачивались. От некоторых уже остались только скелеты, кости тихо постукивали друг о друга. Абдула отступил, чтобы через мгновение снова двинуться вперед — чей-то голос неотразимой силы приказал ему приблизиться.

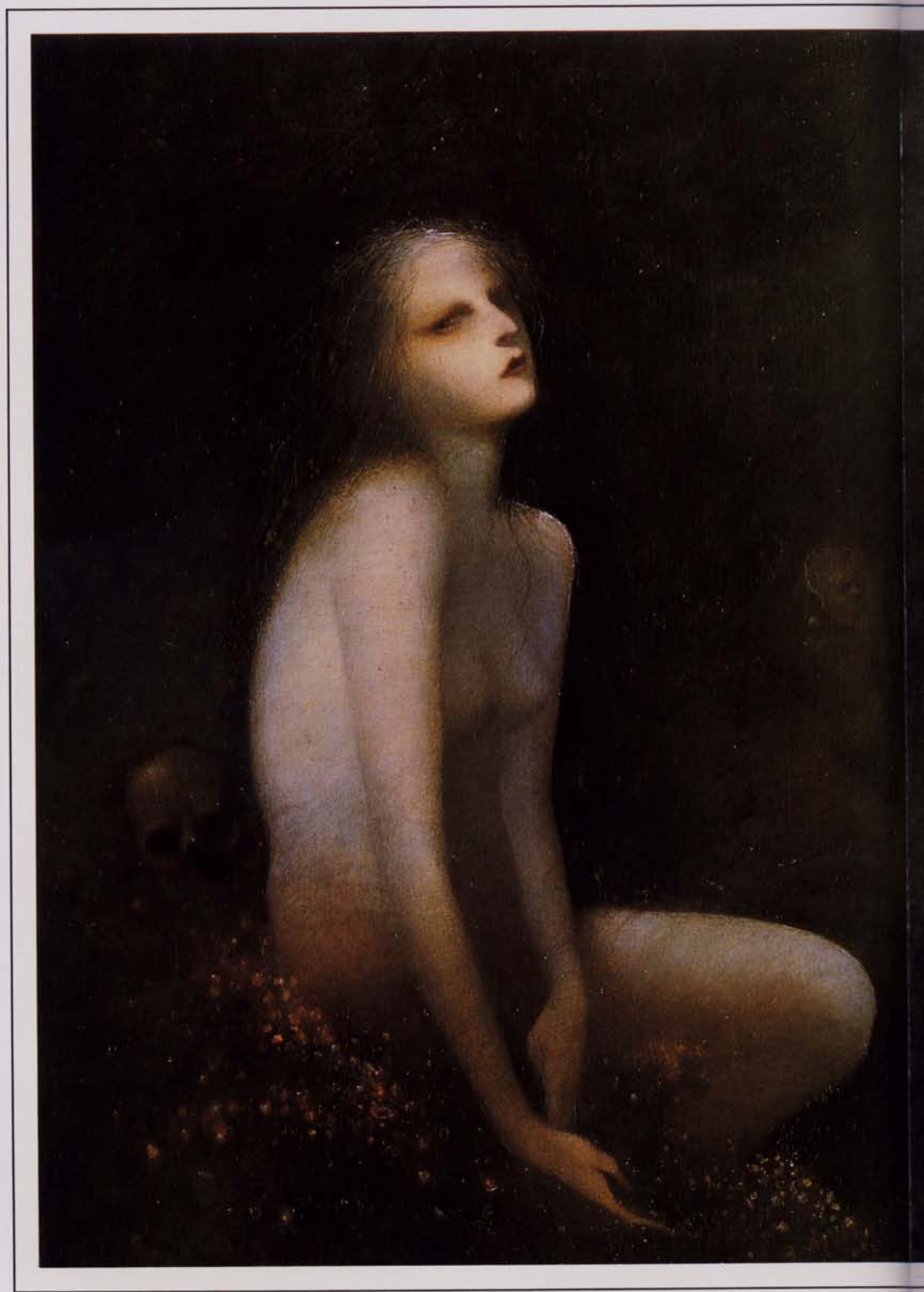
В дальнем конце пещеры на груде драгоценных камней сидела женщина, прекрасней которой Абдула еще не видел. В переливах неверного света она манила его к себе. Блестящие черные волосы падали ей на плечи, полные страстного желания, адели губы, а черные глаза обладали неотразимой силой. Абдула продвинулся на дюйм вперед, зачарованный ее красотой и позабыв, что лишь дочь ночи, женщина-джинн, будет жить под землей, охраняя горы сокровищ.

Она пригласила его подойти поближе и пообещала, что все богатства мира будут принадлежать ему, так же, как и вся мудрость мира, если он обнимет и поцелует ее. Сияющие руки женщины протянулись ему навстречу, зовя Абдулу, заставляя его забыть о зловонии смерти, что наполняло его ноздри, и о молчании странников, вытянувшихся у стен пещеры.

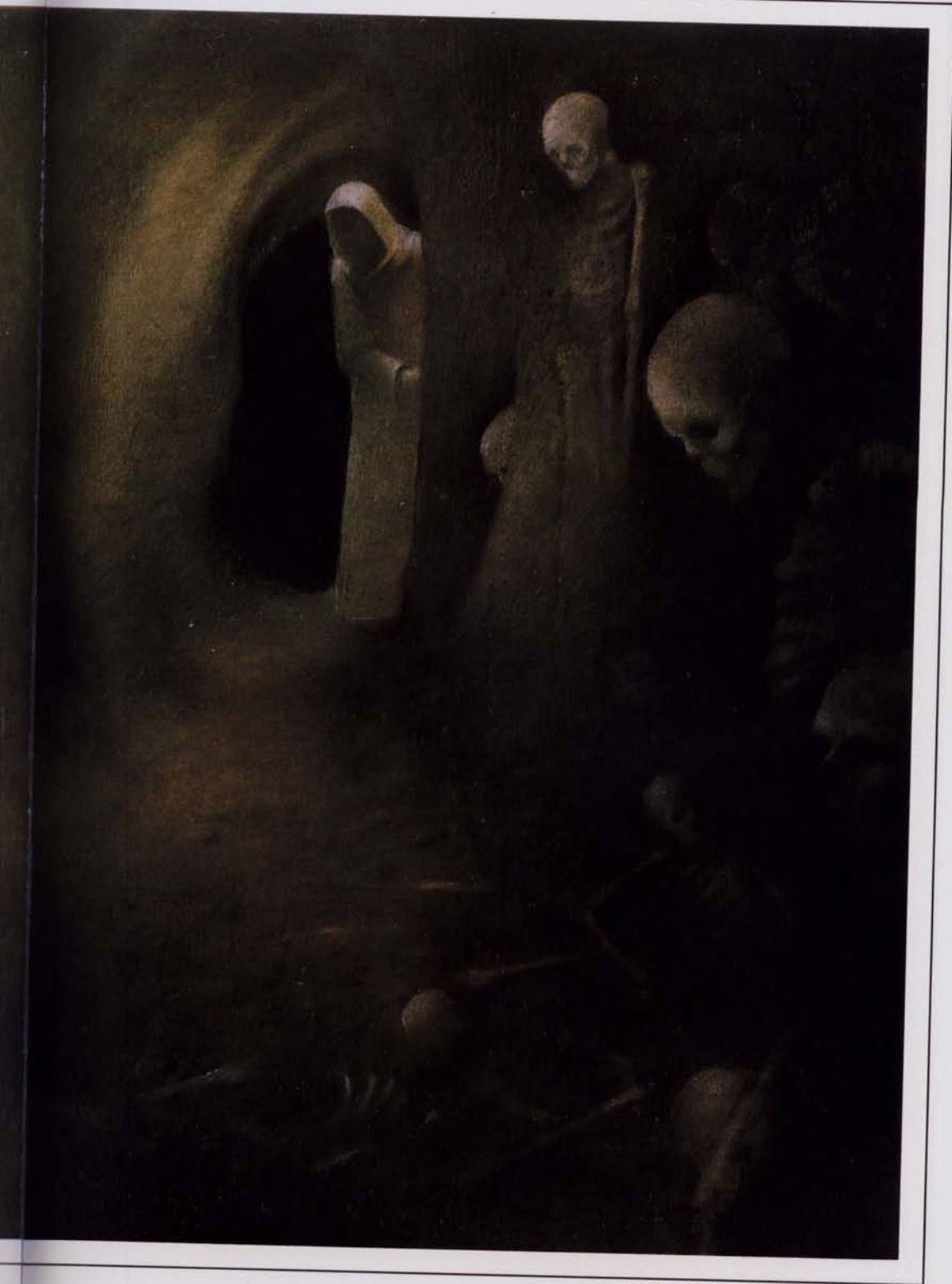
Тело женщины было холодным и влажным на ощупь, а волосы источали



הַיְיטִיבִי לְעַמִּי
וְלָאֵלֹהִים



В темноте Абдула разглядел гору золотых монет и драгоценностей, на которых сидела обнаженная женщина. Словно в безмолвном карауле вокруг нее свисали прикованные цепями к стенам пещеры скелеты.



запах склепа, но Абдула крепко прижал ее к себе.

Все вокруг — мерцающие камни и сверкающее золото, изумруды, рубины и бриллианты — пришло в движение под его ногами. Абдула прижался губами к рдеющему рту.

Женщина сжала его с нечеловеческой силой, втянула его язык в свой рот, после чего она с корнем вырвала язык Абдулы, оставив на том месте, где он был, кровоточащую зияющую дыру. Вместо его языка она вложила свой, и он тут же врос в теплую липкую рану, остановив кровь.

Когда Абдула дернулся, женщина выпала из его объятий, она была мертва. Плоть стекала с нее, разлагаясь и превращаясь в слизь, которая скапливалась лужами на россыпях драгоценных камней, лишая их сияния. Абдула отступил назад от белеющих костей, торчащих из зеленоватой вязкой массы. Пренебрегая богатствами, которые сами шли в руки, он бежал из проклятого места.

Какой-то чужой голос, исходящий из его собственного рта, остановил его бегство. Голос объявил, что начиная с этого момента и впредь Абдула будет выполнять его пожелания. До тех пор пока Абдула будет выполнять распоряжения языка, он будет получать все богатства, какие только пожелает, но любое непослушание будет жестоко наказано. Абдула открыл рот, чтобы произнести слова молитвы, дабы изгнать дьявола. Горло его конвульсивно задергалось, но он не мог вымолвить ни единого слова. Он пытался закричать и тоже не смог. Наконец, рот его издал какой-то звук — это был пронзительный смех языка.

Спотыкаясь, Абдула выбрался из пещеры и побрел по горячим пескам. Монеты, которыми он набил свои карманы в первые блаженные минуты пребывания в пещере, насмешливым звя-

каньем сопровождали каждый его шаг. Время от времени язык произносил команды, заставляя его поворачивать — вначале направо, потом налево. Он повиновался, представляя, какие ужасы падут на него, если он не сделает этого. Через некоторое время в отдалении показался оазис. Язык приказал Абдуле идти туда.

У источника, в центре оазиса, стоял глиняный кувшин. Абдула наполнил его водой. Трясущимися руками он поднес кувшин к пересохшим губам и выпил, но не почувствовал никакого вкуса. Впав в отчаяние, он уронил сосуд. Язык приказал ему двигаться дальше.

Около Басры земля была также открыта зеленым. Рощи эвкалиптов, апельсиновых деревьев наполняли воздух ароматами, над головой покачивались листья финиковых пальм. Язык направлял Абдулу по шумным, оживленным улицам, вел его мимо магазинов, полных товаров, собранных со всего мира; здесь были шелка Востока, чьи яркие краски переливались под лучами арабского солнца; редкие и дорогие приправы, обещавшие восторги для неба; певчие птицы, чьи языки выводили трели, приводящие в восторг слух; ковры, затканые сложными узорами. Он жаждал иметь все эти вещи, но больше всего ему хотелось еды. Восхитительные ароматы привели его в дорогую харчевню. Язык велел ему войти и заказать обед, достойный короля. Здесь были блюда, о которых можно было только мечтать: фаршированный соловей, маринованный в темно-красном гранатовом соке; самый лучший рисовый плов, приготовленный с миндалем, изюмом и золотистым шафраном; нежные баклажаны с кориандром и гвоздикой; кофе с букетом земляной амбры.

Абдула брал один деликатес за другим, прожевывая пищу, он находил ее такой же лишенной вкуса, как тот черствый ячменный хлеб, который он ел, будучи бедняком. Через некоторое время он едва не сходил с ума от запаха специй и розовой воды, жареной дичи и душистой корицы и от того, что не мог почувствовать их истинного вкуса. Язык восхвалял каждое блюдо, которое появлялось на столе, описывая его вкус, аромат, особенности в самых восторженных выражениях, пока Абдула наполнял свой голодный желудок пищей, которая не приносила удовольствия. Потом, наконец пресытившись речами, язык приказал Абдуле выйти из дорогой харчевни и отправиться по узким улочкам и переулочкам в его собственную часть города.

Ничего не изменилось в кофейне. Как и всегда, друзья его сидели, проводя время в безделье, обмениваясь сплетнями. Когда они увидели Абдулу, они начали расспрашивать, нашел ли он сокровища. Смеясь, они показывали на его рваные и грязные одежды, говоря друг другу, что, вероятно, его путешествие в пустыню ничего ему не принесло.

Язык отвечал им вместо него, чтобы прекратили свои насмешки, но они в ответ стали еще громче, смеясь, глумиться над ним. Тогда язык окликнул двух товарищей по именам. Он пригласил Ибрагима взглянуть на руку Али и обратил его внимание на ярко-красные полоски пыли от штукатурки, запачкавшие руку.

Разве не Ибрагим, поинтересовался язык, штукатурил вчера стену позади своего брачного ложа? Ибрагим, пораженный, кивнул. А не странно ли, продолжал язык, что у его друга Али такие пятна, какие могут появиться только в том случае, если он спал этим самым утром с женой Ибрагима?

Придя в ярость, обманутый муж выхватил из-за пояса нож и замахнулся на Али, чтобы отомстить за оскорбление. В ответ Али выхватил свой нож, и двое мужчин ринулись друг на друга, нанося жестокие удары. Мгновение спустя оба лежали мертвыми, залит пол кофейни лужами крови. Свидетели этой сцены повернулись к Абдуле, обвиняюще глядя на него, поскольку его слова послужили причиной закончившейся убийством ссоры друзей.

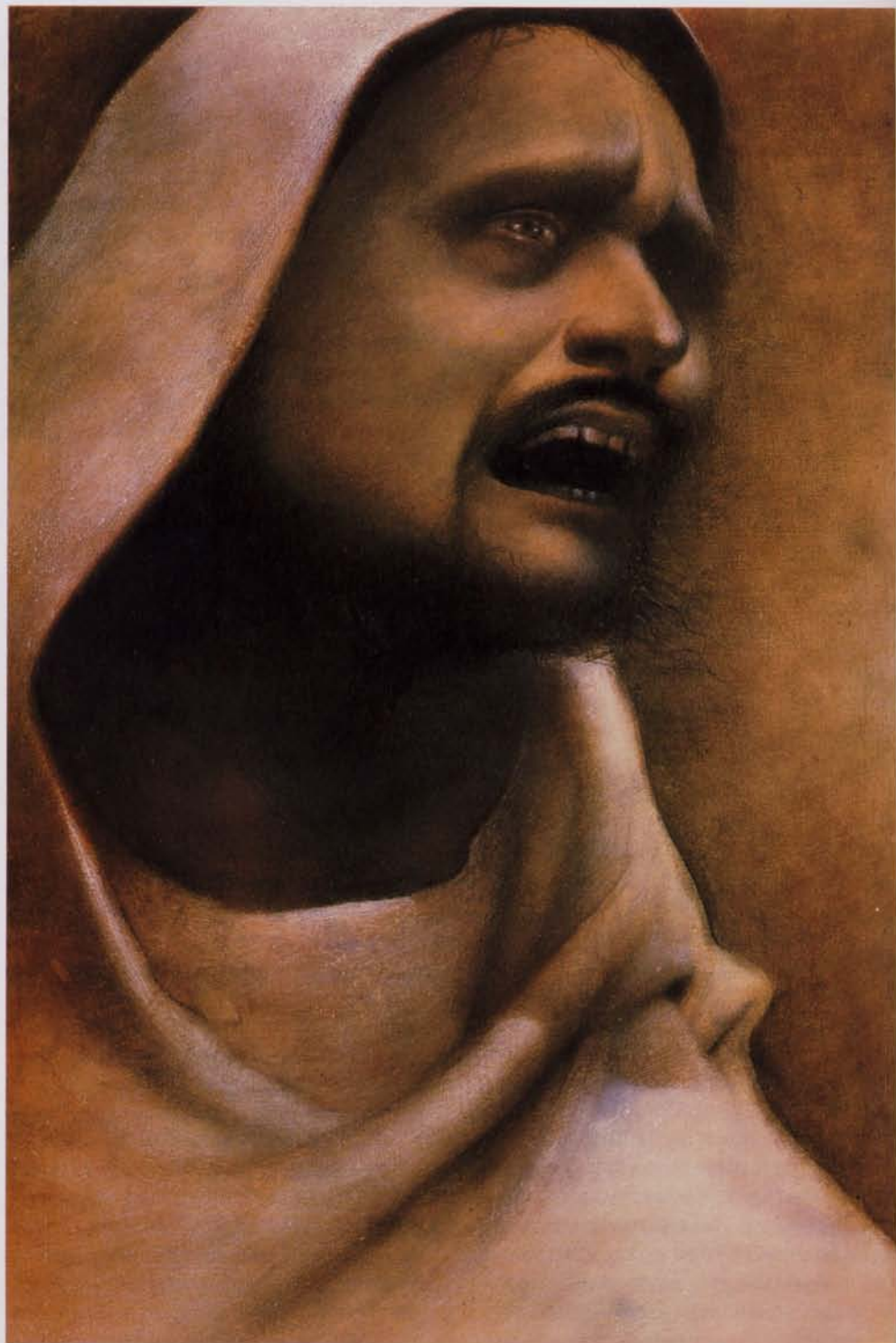
Боясь, что язык может причинить еще больше вреда, Абдула побежал к своей хижине. Жена, завидев его, вышла, чтобы поприветствовать. Он протянул к ней руки, уверенный, что наконец-то здесь его ждет безопасный приют. Но язык начал созывать всех соседей из близлежащих хижин. Когда они собрались, — женщины, вытирающие руки о свои передники, мужчины, покинувшие свои кальяны, — язык произнес хорошо известную формулу, что позволяла мужу освободиться от жены: «Я с тобой развожусь. Я с тобой развожусь. Я с тобой развожусь». Абдула беспомощно наблюдал, как его жена, развернувшись, побежала прочь, воя от обиды и горя.

Соседи качали головами, видя такое поведение Абдулы. Некоторые шептали, что его жене повезло, что она избавилась от него, потому как, похоже, он становится совсем сумасшедшим. Губы его произносили заявление радостно, а глаза и лицо выражали только ужас и страдание.

А в хижине лежал и горько плакал сын Абдулы. Странное поведение отца и слезы матери привели его в ужас.

Абдула направился к своему любимому сыну, первому и единственному ребенку, который был уже достаточно большим и знал наизусть многое из Ко-

Порабощенный силой, которую он не мог изгнать заклинаниями, Абдула слышал, как его язык произносит слова помимо его воли. Язык навсегда изгнал его жену из дому, довел до убийства его друзей и стал причиной внезапной смерти сына.



рана. Но едва он протянул руку, чтобы приласкать его, как язык повелел мальчику подняться с подстилки и выйти из дому.

Абдула последовал за ним, сердце его было наполнено дурными предчувствиями. Язык приказал мальчику бежать к колодцу неподалеку, который высох. Его окружала стенка, на которой сейчас балансировал сын Абдулы. Абдула заторопился к нему, но пока он бежал, язык издал ужасный, чудовищный крик, от которого кровь стыла в жилах. Испуганный мальчик потерял равновесие и соскользнул в шахту колодца, сломав при падении шею.

Абдула ринулся к колодцу, на дне которого лежало распростертое тело сына, похожее на поломанную куклу. Сердце его на мгновение замерло, когда показалось, что конечности мальчика слабо зашевелились. Но вскоре он понял, что это просто пара ящериц бегают по телу, которое так внезапно вторглось в их владения.

Невыплаканные слезы огнем горели в глазах Абдулы, лицо было искажено гримасой страдания. Он силился выплеснуть свое горе воплем, но не мог исторгнуть из себя ни единого звука.

Язык принудил Абдулу двигаться дальше. Когда он шел прочь от колодца, его преследовали дикие вопли и горестное завывание жены. Он рвал на себе волосы и раздирал в клочья одежду, выбрасывая из своих карманов монеты, которые сейчас не имели для него никакой цены.

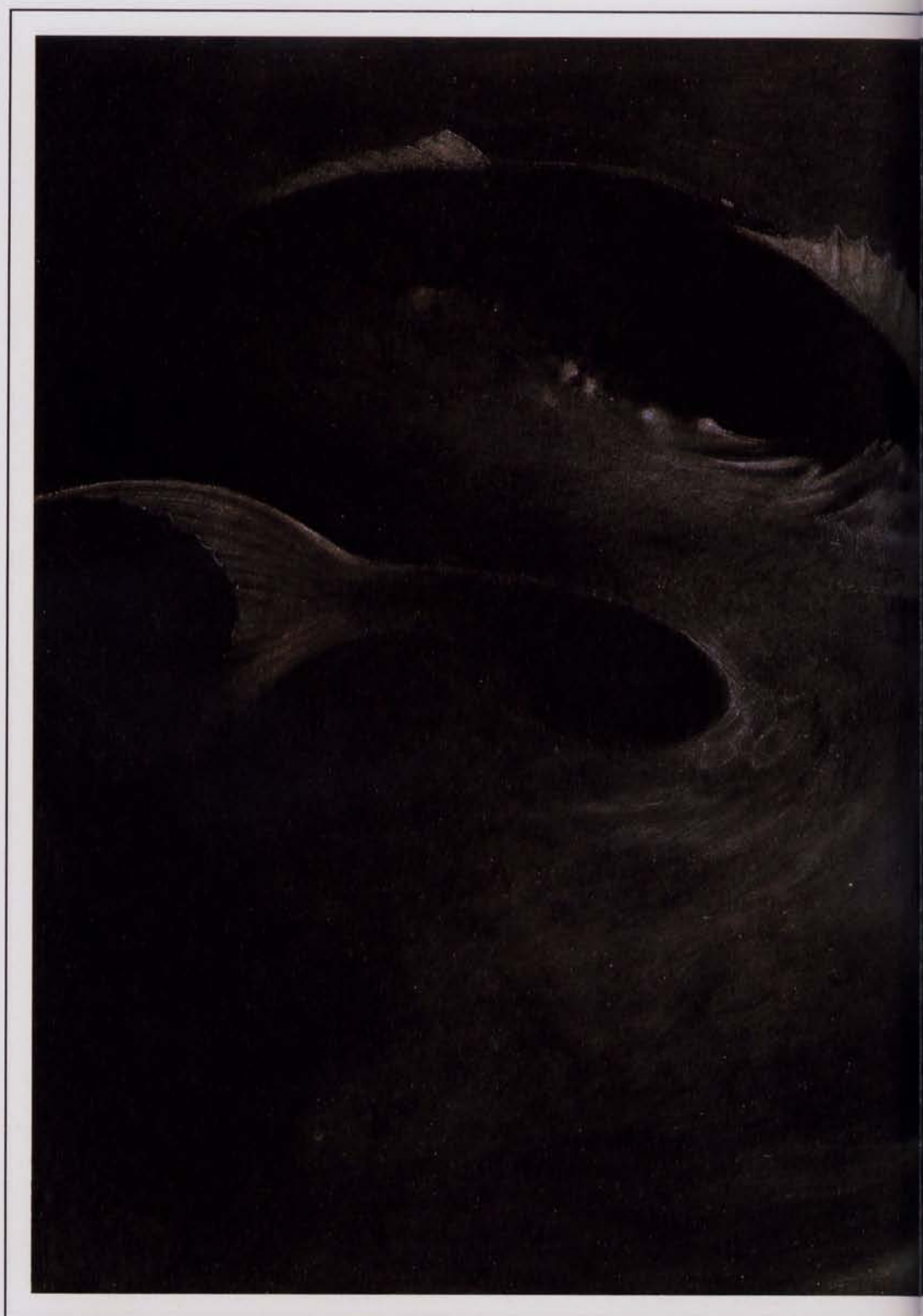
С этого момента Абдула думал лишь о том, как избавиться себя от отвратительного чудища, что вросло в его рот и разрушало жизнь. Снова и снова направлял он свои стопы в святые места города, зная, что там проклятье, тяготеющее над ним, рассеется, поскольку дьявол не может противостоять святым словам. Но каждый раз, когда он при-

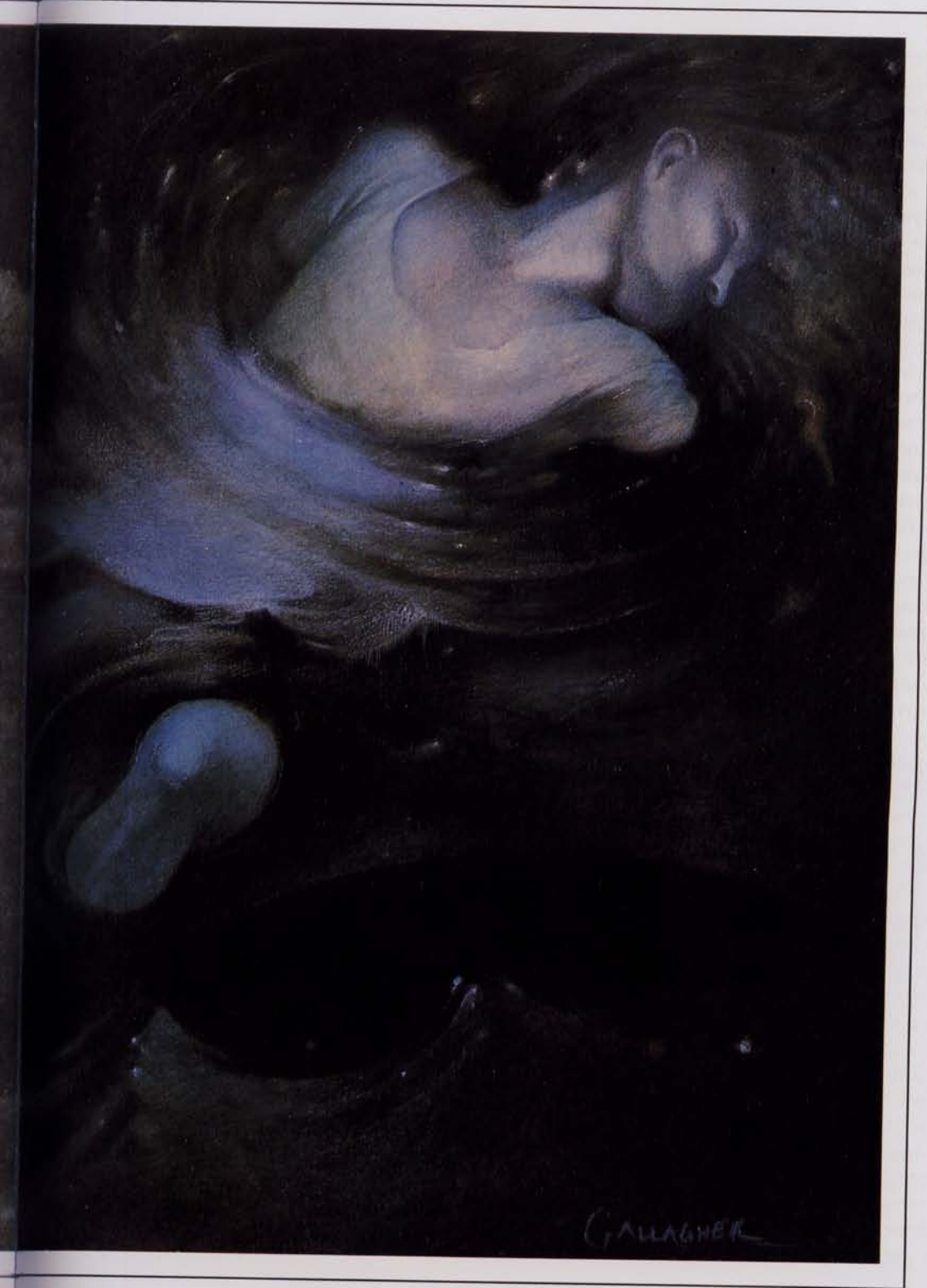
ближался к мечети или к святыням, язык затыкал ему горло, душа его, заставляя делать выбор: или повернуть прочь, или умереть.

Однажды вечером язык ужинал, лакомясь нежной, жаренной на решетке рыбой на рынке у палаток торговцев едой на берегу Евфрата. Прожевывая куски, вкуса которых он не ощущал, Абдула увидел святого человека, идущего по берегу, который, низко наклонившись над своими четками, читал молитвы. Прежде чем язык успел остановить его, Абдула вскочил и написал на песке несколько слов. Он просил святого дервиша прочесть молитву, изгоняющую злых духов. Человек внимательно посмотрел на больное лицо Абдулы и согласился выполнить просьбу. Когда он начал читать святые строки, язык задрожал и задергался во рту у Абдулы так, что тот потерял равновесие и упал спиной в темные воды реки.

Язык выскользнул изо рта и исчез в мутных водах течения, подобно толстому черному угрю. Абдула увидел вдруг четырех огромных рыб, чьи плавники блестели в лунном свете, — они плыли в его сторону. Абдула, потерявший язык, не мог даже закричать, когда громадные зубастые челюсти раскрылись рядом. Эти твари вцепились в руки и ноги Абдулы и терзали его до тех пор, пока дервиш не увидел кровь, пятном растекающуюся в водах реки, и не нырнул, чтобы спасти его. Не осмелившись тронуть святого человека, рыбы повернули прочь.

Он вытащил Абдулу из воды и позвал на помощь рыбаков, чинивших неподалеку сети. Когда они осторожно положили его на берег у костра странствующего продавца рыбы, они увидели, что руки и ноги у него откушены.





Четыре огромных рыбы с острозубыми челюстями ринулись на Абдулу, когда он упал в воду. Прежде чем его спасители добрались до него, рыбы откусили ему руки и ноги и жадно пожрали их.

Чахнувший у портала мечети, Абдула выжил лишь благодаря милости странников, которые знали, что он — живой пример последствий дьявольской алчности.

Абдулу повезли к доктору, который прижег кровеносные сосуды и перевязал культы. Озадаченный тем, что его пациент не издает обычных в таких случаях криков, врач обнаружил, что у Абдулы нет языка. А вскоре стало ясно, что и разум его покинул. Взгляд его был тусклым и пустым. Губы шевелились в бесконечном безумном бормотании, но без языка они были беззвучны.

Когда раны Абдулы зажили и температура упала, слуги врача стали кормить его жидкой кашей. Наконец, врач понял, что он окреп и здоров настолько, насколько позволяет его состояние. Никто из родственников не пришел за ним, и не было друзей, чтобы позаботиться о нем, поэтому его отправили на базар, где он начал вести жизнь нищего попрошайки. День за днем в любую погоду, в любое время года он сидел в центре города у стены огромного рынка в Басре, и перед его бездумными глазами проходили все сокровища мира. И больше не было у него страстного желания владеть предметами из китайского фарфора, иметь специи из Индии, слоновую кость и золотую пыль из Африки или шелка из Туркестана.

Прохожие клали ему в рот кусочки хлеба или сушеные финики, поскольку это было благодеяние, угодное небу: накормить нищего. Те, кто был слишком беден, чтобы поделиться едой, наполняли собственные чашки для подаваний водой и осторожно, каплю за каплей, вливали ее в его пустой дряблый рот. Богатые бросали ему монеты и драгоценные камни. Но Абдула уже не знал больше, что такое деньги, и забыл о том, как их тратить. Несколько купцов, путешественников с Востока, оставили ему несколько кусочков ляпис-лазури, которые мерцали так же соблазнительно, как

голубые молитвенные четки незнакомца, давным-давно забредшего в кофейню. Но сейчас Абдула оставался равнодушен к соблазнительному блеску холодного камня. Если какие-то воспоминания и беспокоили его, у него не было возможности рассказать об этом.

Шло время, и он стал известен всему городу, даже калиф в своем дворце услышал о нем. Он попросил, чтобы ему рассказали историю жизни Абдулы и как он стал, немой, безрукий и безногий, базарным попрошайкой, наиболее заметным, бросающимся в глаза среди всего многочисленного несчастного племени нищих Басры.

Калиф разослал своих людей по бесчисленному множеству узких улочек и переулков города и пригородов, чтобы они навели справки об Абдуле. От его друзей в кофейне они и узнали о таинственном незнакомце, который соблазнил бедняка рассказом о бесчисленных богатствах, а также о его загадочном обещании указать путь к сокровищам и глубокой мудрости. Калиф приказал сделать металлическую дощечку, чтобы повесить ее над головой Абдулы как предостережение другим, тем, кто, искушаемый бедностью, мог соблазниться сокровищами джиннов.

Медная дощечка давала объяснение незавидному положению бессловесного, с пустым взором человеческого обломка, который сидел под этой табличкой все жаркие, душные дни напролет летом и коченел под струями холодного дождя зимой. «Вот человек, — было написано там, — которому джинны обещали — и дали — больше знаний, чем он в состоянии высказать, и больше богатства, чем он в состоянии сосчитать».

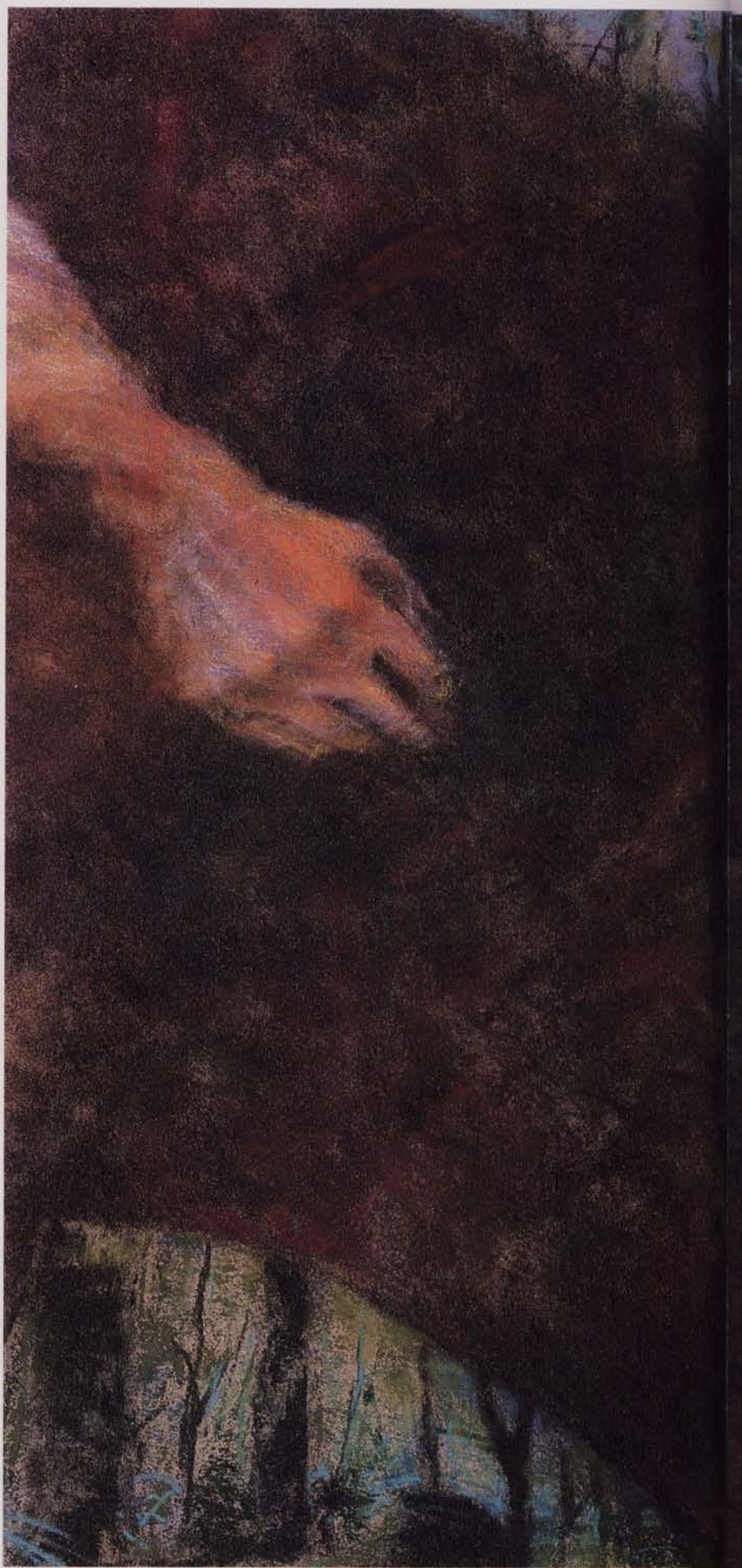


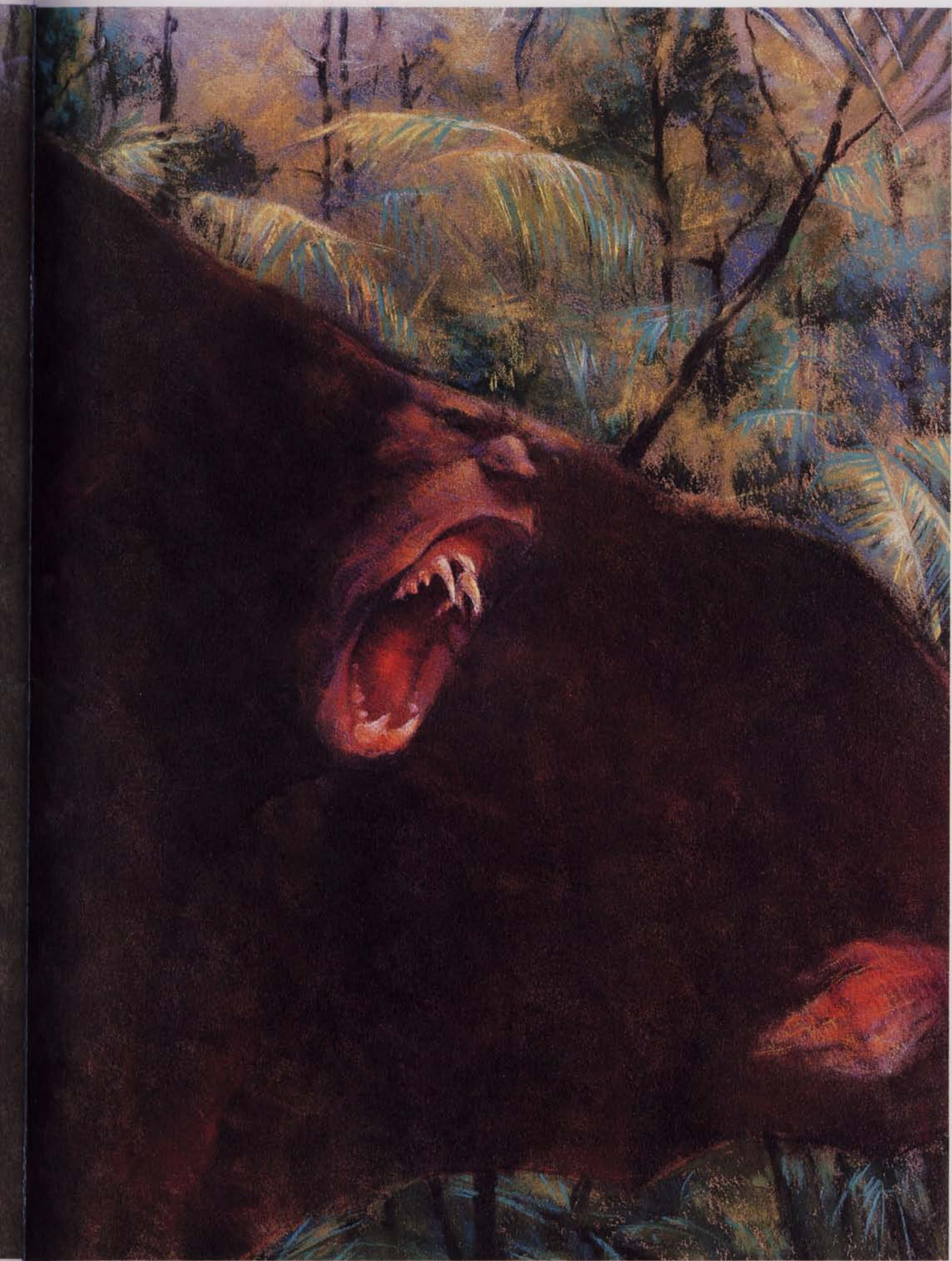
Демоны царства ночи

Племенам Австралии было известно время созревания каждого фрукта, крик каждой птицы, глубина каждого источника. Но они также знали и то, что их земля хранит ужасные тайны и укрывает создания, которые ненавидят людей.

Одно из таких существ — Гаркаин — ревностный хранитель насыщенного парами вечнозеленого резофорового леса, который окаймляет северное побережье Австралии. Все племена, обитающие в этих местах, боялись его, хотя очень немногие знали, как он выглядит. Но было известно, что живет он один, без супруги или детенышей, и ревностно лелеет свое одиночество.

Размером с человека, Гаркаин имел крылья, как у летучей мыши, которые переносили его с ветки на ветку. Стоило какому-нибудь заблудившемуся ребенку или неосторожному охотнику зайти на его территорию, как он тут же внезапно камнем падал на жертву. Шелестящие крылья обычно, словно саваном, окутывали жертву, которая задыхалась от зловония этой чуждой плоти, слабо сопротивлялась и затем медленно умирала от удушья. Когда его добыча затихала, Гаркаин раздирал тело, с жадностью пожирая, кусок за куском, сырую плоть. И душа пришедшего была приговорена вечно скитаться, страдая и мучаясь, затерянная среди огромных деревьев и высоких трав, не способная отыскать дорогу домой, к древним погребениям своего племени.





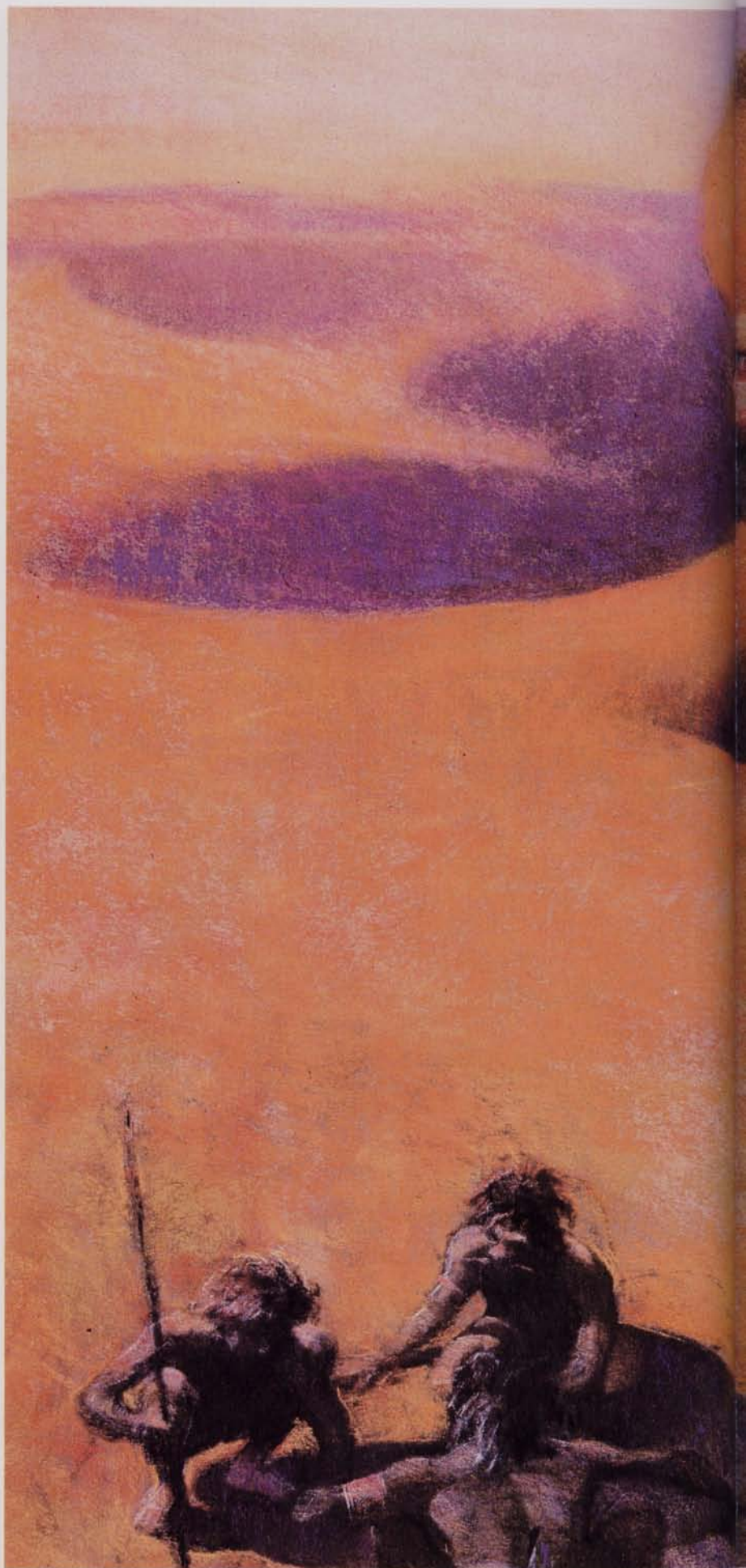
Змея-минди

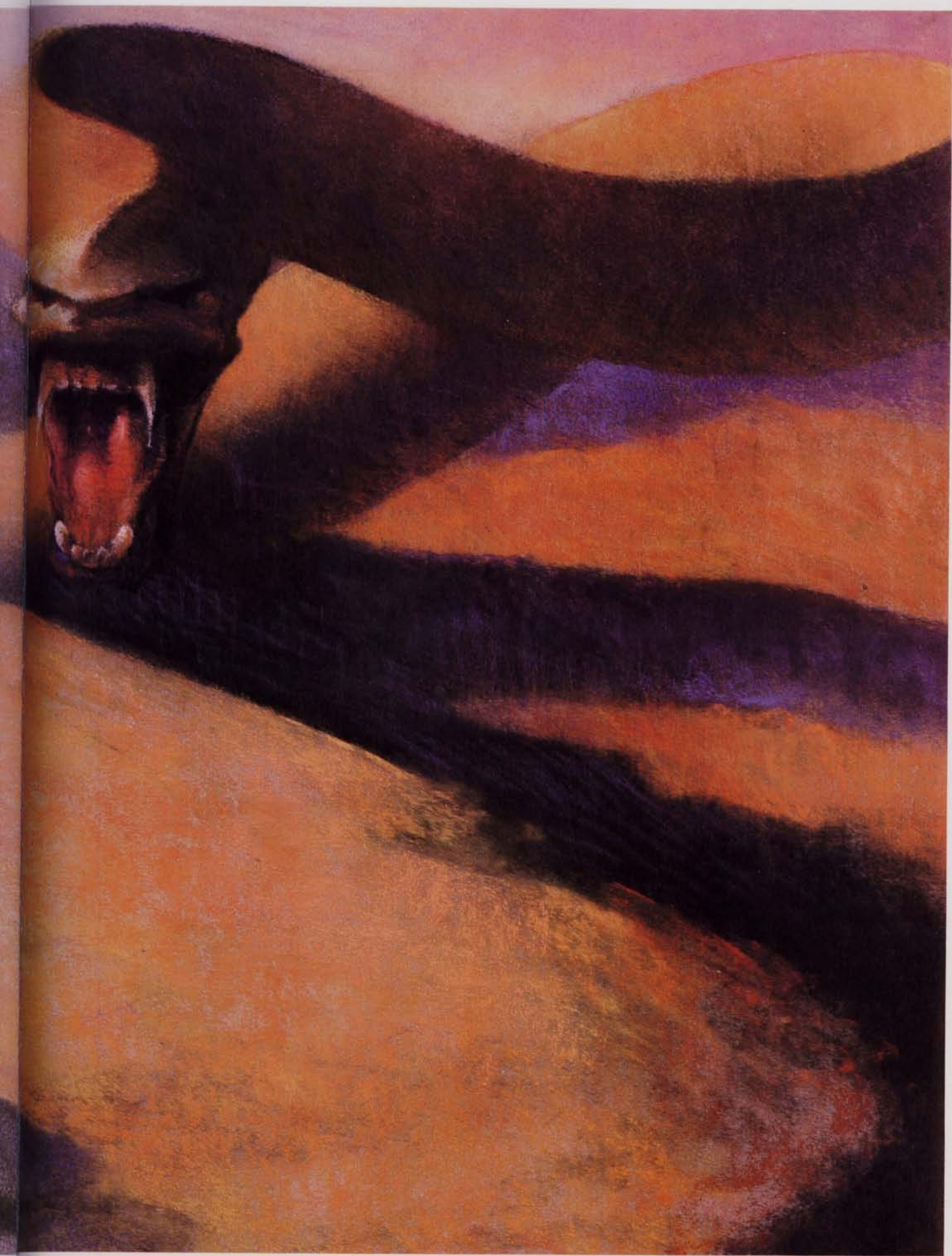
Существа еще более необычные, чем Гаркаин, творили зло в австралийской глуши, на пустых пространствах, удаленных от моря, где солнце нещадно палит над ржаво-красными песками, над слабо поблескивающими солеными озерами и древними, источенными временем холмами. Ослепляемые иссушающим палящим светом люди, которые ходят по пустыне, знают, что никогда не следует доверять видениям, возникающим у них перед глазами.

Вечером, когда мужчины, женщины и дети собираются у лагерных костров, кажется иногда, что холмы подступают ближе. Тогда сказители начинают рассказ-предостережение о Змее длиной в 10 миль, что скользит по земле подобно передвигающейся горной гряде. Это Минди-Змея — ужасное орудие Пунджила, творца всего во Вселенной.

Грешники, преступившие Законы Пунджила, слушали в ужасе свистящий голос его прислужницы. Вслушиваясь в посвисты, приносимые ветром, они знали, что будут наказаны за свои преступления. Они роняли копья и щиты, покидали своих собак и детей и бежали, чтобы укрыться в зарослях кустарника. Но ускользнуть было невозможно. Те, кто согрешил, нарушил табу или каким-то иным способом навлек на себя гнев Создателя, не могли спрятаться. Змея, несущая возмездие, могла видеть и слышать на много миль вокруг и передвигалась со скоростью, казалось, невозможной для такой громадины.

Участь ее жертв была ужасной. Припавшие от страха к земле в своих укрытиях, они чувствовали на теле капли горячего дождя и вглядывались вверх, чтобы увидеть похожую на пещеру пасть, с челюстей которой капает яд. Больше они ничего не успевали увидеть, поскольку Минди быстро заглатывала свою жертву. С полным брюхом змея скользила прочь, ожидая, пока Пунджил не позовет ее вновь.





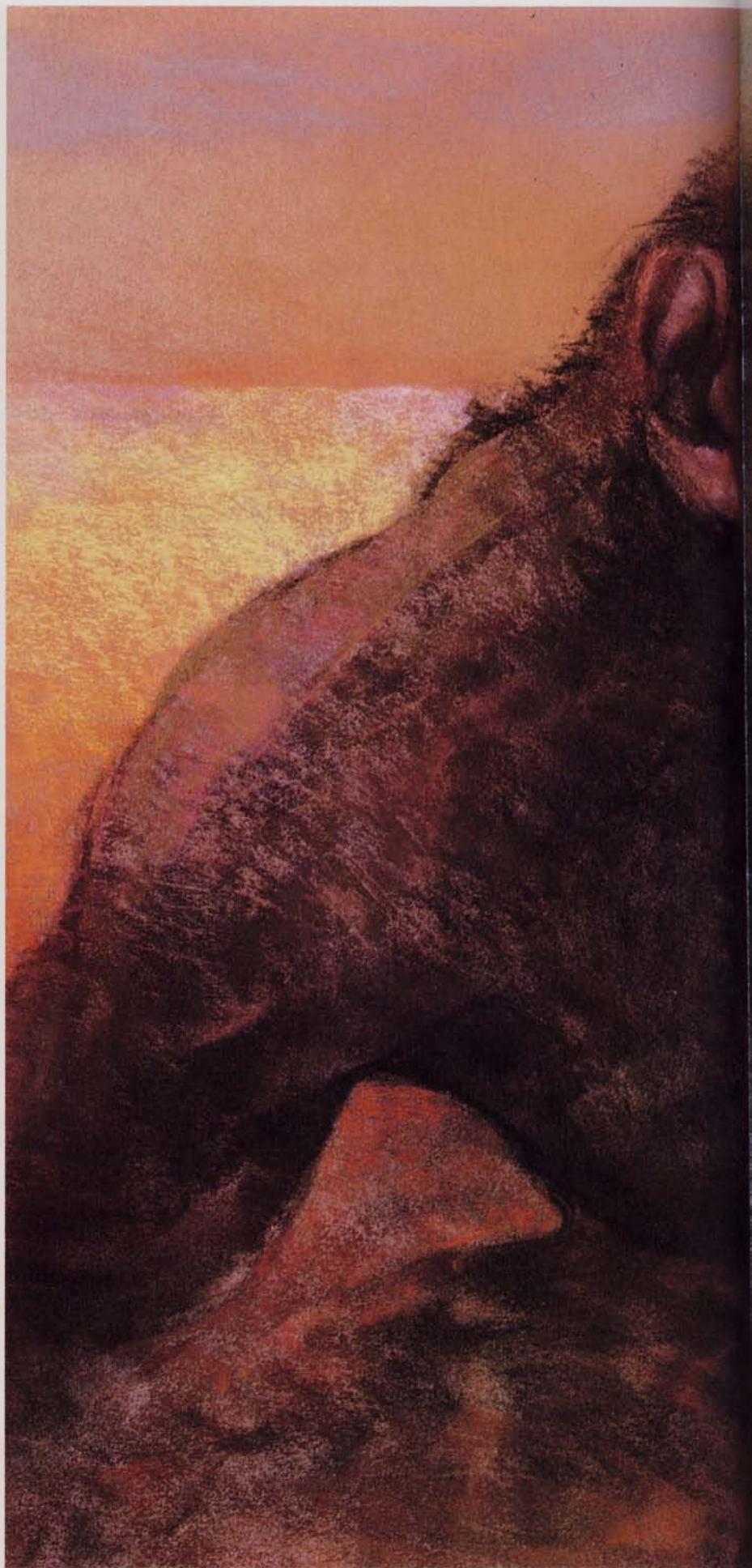
Собака-дьявол

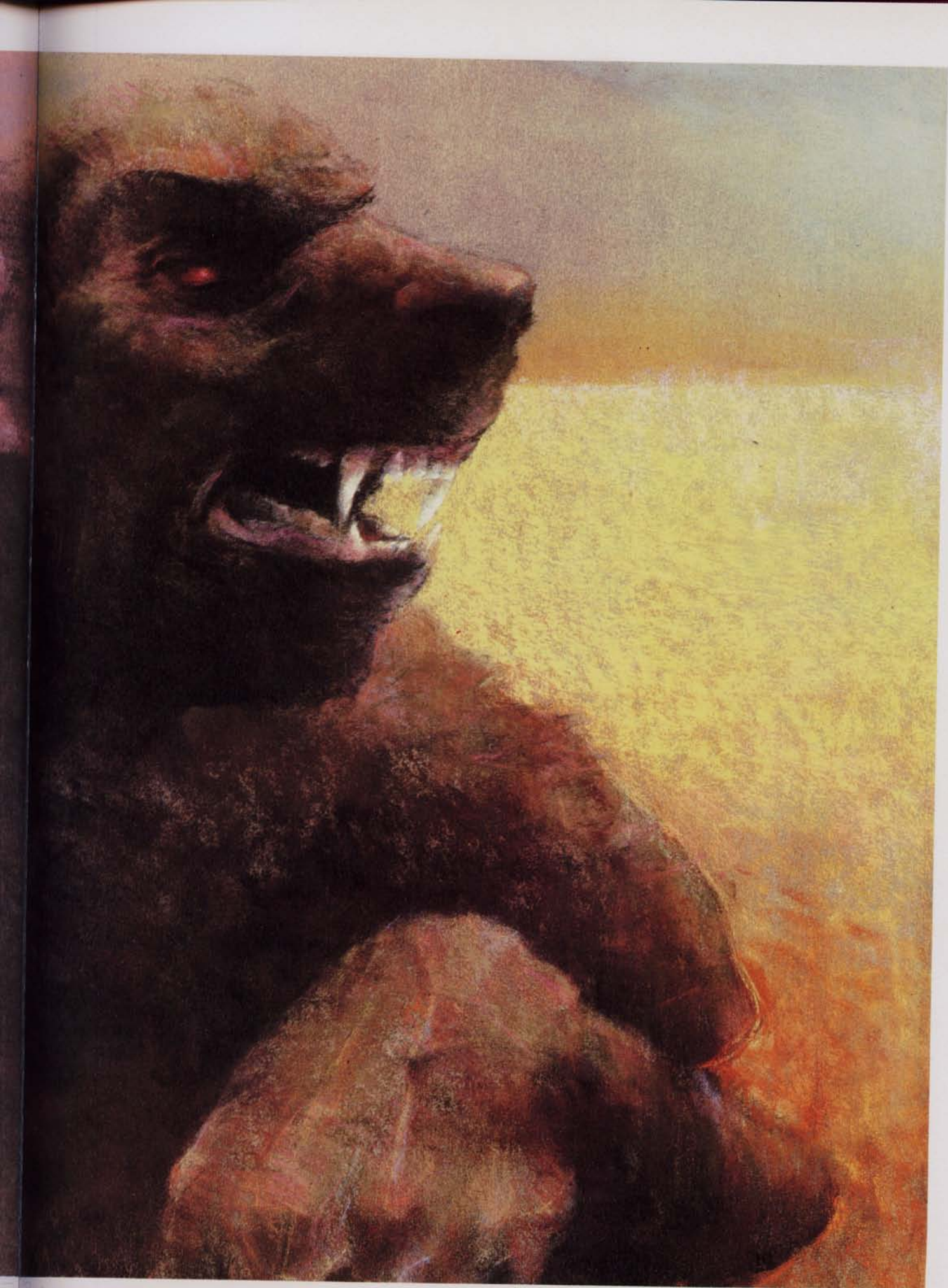
Когда горячие ветры завывали в глуши, случалось одно ужасное превращение посреди кружащих водоворотов песков. В местах, куда не проникал ни один взгляд, существо в облике человека ложилось на землю и зыбучие пески накрывали его словно одеялом. Он спал до тех пор, пока буря не затихала. Когда пронзительный крик сорокопута пронизывал пространство, затвердевшая поверхность песка, укрывавшего это существо, начинала дрожать и рассыпаться. Песок потоками стекал с покрытой шерстью морды с высунутым языком и клыкастыми челюстями. Ирринья, собака-дьявол, голодная, огромная, как сама дюна, поднималась и отправлялась на поиски пищи.

Сказители рассказывали об охоте, когда одного охотника оставили преследовать добычу, в то время как остальные разбились на ночь лагерь. Идя по следам зверя, одинокий охотник мог слышать песни своих товарищей. И вдруг внезапно наступила какая-то неестественная тишина. Встревоженный, он поспешил к лагерю и не обнаружил там никого — лишь огромная лужа крови поблескивала на земле.

Он ощутил за спиной чье-то горячее дыхание. Подняв голову, он встретился взглядом с красноглазой гигантской собакой-дьяволом. Ирринья прыгнул, но охотник резко взмахнул ножом — лезвие вошло в скрытую мехом плоть, разрезав ее от уха до уха. Жертвы чудовища, некоторые еще живые, стали выскакивать из разорванного горла.

Ирринья исчез в темноте. Вначале он бежал на четырех лапах, а потом поднялся на две. Делаясь меньше с каждым шагом, который делал, он сбрасывал с себя на ходу собачью шкуру, клыки и покрытые коркой крови когти. Вновь приняв облик человека, он, спотыкаясь, брел по дюнам, пока не упал. Через какое-то время зыбучие пески спрячут его в своих глубинах, и он будет спать до той поры, пока не зазвучит над ним крик сорокопута.





Хуви

Племена, живущие вдоль австралийских рек, рассказывали об одном из сезонов, когда их предкам стал досажать какой-то неизвестный.

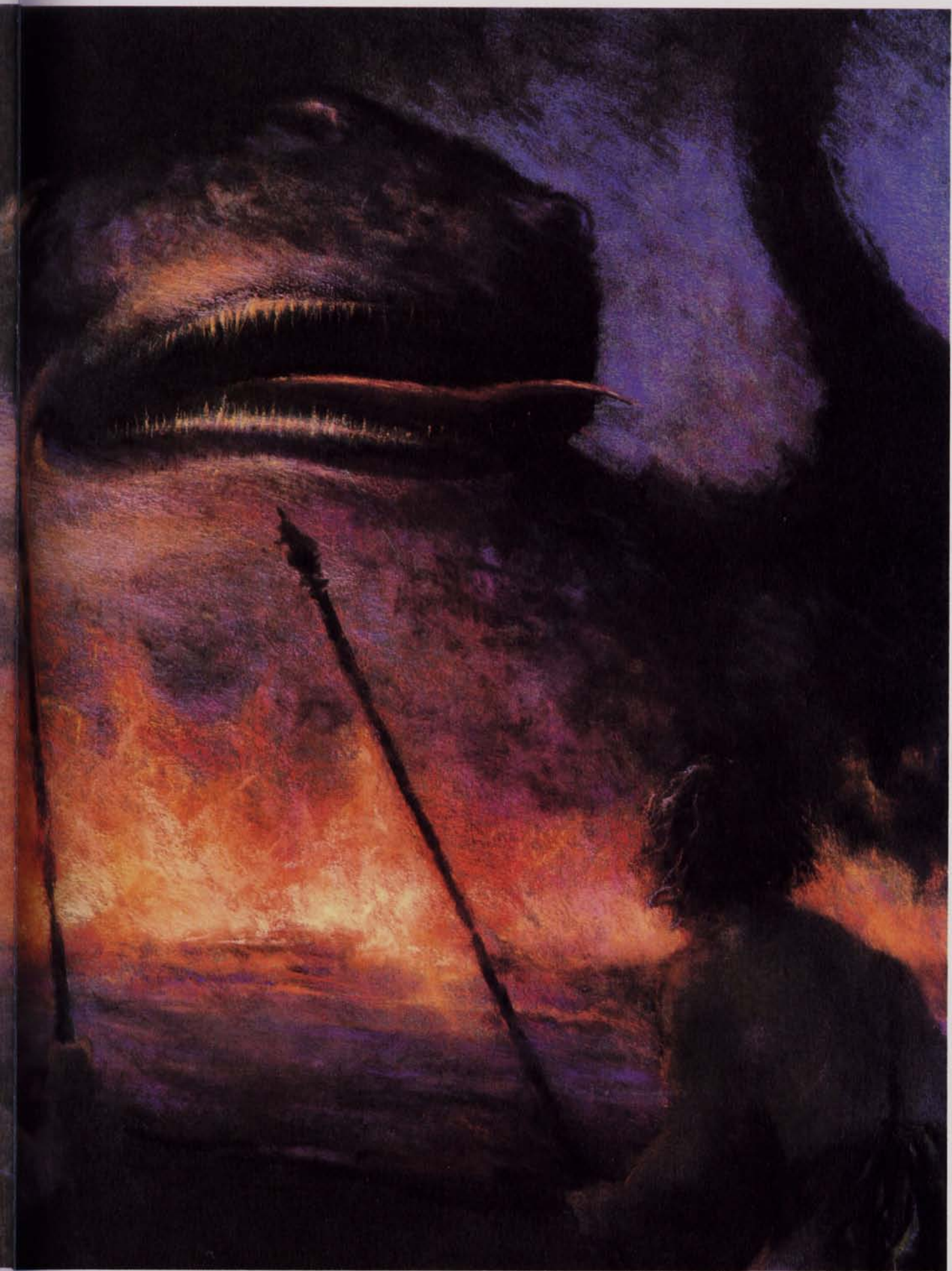
Молодые люди отправлялись прогуляться и не возвращались назад; матери, проснувшись, не находили рядом своих детей — кто-то похищал их ночью; мужчины, стоявшие на посту, бывали захвачены, стоило им на мгновение сомкнуть утомленные глаза.

После ряда таинственных исчезновений людей поисковая группа, прочесывая берега близлежащей реки, наткнулась на залитые кровью камни и взрыхленный песок на берегу. А потом они увидели и своего врага, который грелся на солнце на одном из каменных выступов. Очертаниями он походил на ящерицу, но был 20 футов длины. Отвратительная морда, рот, способный проглотить человека... Охваченные ужасом, очевидцы бежали со всех ног от проклятого места.

Монстр, которого люди этого племени называли Хуви, всегда нападал в тот момент, когда его жертвы спали. Однажды ночью, тяжело, неуклюже переваливаясь, он приблизился к лагерному костру и жадно пожрал всех, кто там был, уничтожив сразу шестьдесят душ. Собрал все свое мужество, охотники всех соседних племен, располагавшихся поблизости, отправились по следу чудовища, который привел их к пещере на речном берегу. Зная, что Хуви обычно бывает вялым после того, как наестся, они насыпали в пещеру сырых деревьев и разожгли огонь, чтобы выкурить оттуда рептилию. Вскоре земля задрожала — это Хуви закашлял и, переваливаясь, стал продвигаться к выходу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Когда громадный зверь показался из пещеры, охотники стали метать свои копья в его бока и бить его дубинками по голове. Раскатистый рев наполнил пространство долины, потом он стал стихать и постепенно перешел в булькающий стон. В конце концов чудище испустило последний вздох — Хуви больше не было. Но понадобилось еще немало лет, чтобы ветры и дожди выветрили и смыли кровь там, где он прошел.





Секрет целителя

На бесцветных, выгоревших склонах холмов и безводных плато старой Испании было достаточно работы для смерти. Чума, разбойники, голод, а также горячие ссоры, вспыхивающие на рыночных площадях и на супружеских ложах, взимали свою дань. Правосудие, что вершили король и святые отцы, было неумолимым. У воров и еретиков не было возможности выбора, их ждал один — зловеющий и беспощадный — финал: удушение железным ошейником, гарротой, или же палачи в островерхих капюшонах жарили их живьем.

В те дни, повествуют рассказчики, Смерть бродила по миру в человеческом облике, иногда принимая образ женщины. Те путешественники, которым доводилось встречать ее на дороге, обычно останавливались у обочины, молча молясь, чтобы она прошла мимо. Однако случалось, говорится в одном сказании, что она задерживалась, чтобы заключить сделку.

Другой стороной в этой сделке был бедный крестьянин, слегка подвыпивший по случаю праздника — его жена только что родила ему сына. Почти летая от выпитого вина и счастья, он бродил в горах неподалеку от дома, размышляя о том, каким образом дать мальчику наилучшее воспитание.

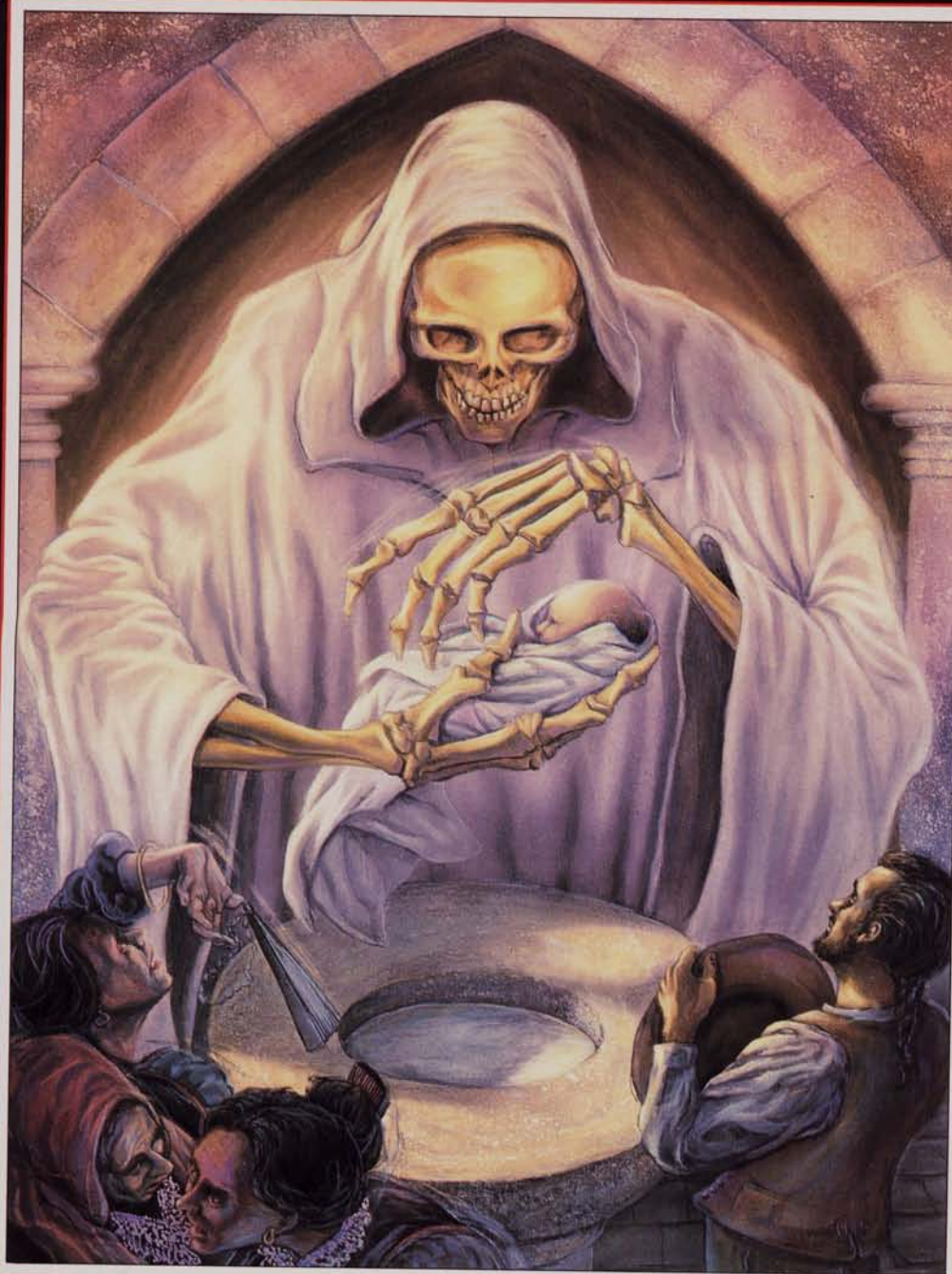
Единственный способ, который мог помочь человеку столь низкого происхождения подняться вверх, была помощь влиятельного вельможи. Человек решил найти крестного отца или кре-

стную мать, которые, связанные с его сыном духовными узами, такими же крепкими, как и кровные, обеспечат ему поддержку и защиту.

Когда крестьянин пробирался по узкой горной тропе, огромная, закутанная в саван фигура внезапно преградила ему путь. И он узнал этот бледный блеск оскаленного черепа, виднеющегося в глубине капюшона. Это была Смерть. Душа ушла у него в пятки, когда он спрашивал, не за ним ли она явилась? Смерть ответила, что его час еще не пришел, она просто пожелала предложить себя в качестве крестной матери его ребенку.

Что-то в ее тоне ослабило охвативший его ужас. Крестьянин задумался. Он осознавал, что это странное предложение много значит, его стоило принять. Смерть на самом деле была наиболее влиятельной фигурой из всех известных человечеству. Во всем мире ее боялись и уважали; никто не мог избежать ни окончательности ее приговора, ни ее неподкупной беспристрастности при исполнении его. Глядя в ее пустые глазницы, он с благодарностью принял ее предложение и пригласил прийти на крестины, назначенные на следующую неделю. Смерть не высказала никаких пожеланий счастья, а просто констатировала, что крестьянин никогда не пожалеет о своем решении.

Она дала обещание, что ее крестник достигнет и богатства, и высокого положения. После этих слов она исчезла.



Когда один испанский крестьянин поклялся найти своему сыну влиятельного крестного отца или крестную мать, сама Смерть добровольно вызвалась поднести младенца к купели.

Глухой голос все еще звучал в его ушах, когда крестьянин спешил домой, чтобы сообщить новость. До самого дня крещения соседи только об этом и говорили. И как ни старался священник, который должен был проводить обряд крещения, найти повод избежать выполнения своих обязанностей, ему это не удалось.

Гигантская фигура Смерти появилась в церкви точно в назначенный час и величественной поступью двинулась сквозь толпу низкорослых молчаливых прихожан. Когда ребенок был окрещен, Смерть вручила отцу тяжелый кошелек с золотом и объявила, что вернется, когда мальчику исполнится двадцать лет. Собравшиеся жители деревни, замирая от страха, наблюдали, как она, протянув свою костлявую руку, слегка коснулась лба младенца, после чего плавно выскользнула в дверь.

Ребенок рос сильным и здоровым. Благодаря золоту, которое оставила Смерть, семья теперь никогда ни в чем не нуждалась. Но все они с тревогой ожидали ее возвращения.

Двадцатый день рождения мальчика семья отмечала празднично. Точно в полдень холодный порыв ветра распахнул дверь — перед ними стояла Смерть. Она пожелала своему крестнику счастья и, как и следовало крестной матери, выразила удовольствие от того, что видит его сильным и красивым. Затем она повела мальчика в другую комнату; ее костлявые пальцы лежали на его рукаве, легко, но собственнически придерживая его.

Когда они остались одни, Смерть вынула из прорезей своего савана глиняный горшок, в котором было растение, какого юноша никогда прежде не видел. Среди листьев цвета синяков и кровоподтеков находились крошечные белые цветки, выглядевшие почти как

маленькие черепа. Они издавали слабый, но всепроникающий запах, который он не мог ни с чем сравнить. Смерть объяснила, что это растение обладает сверхъестественной силой. Оно сделает его самым знаменитым и уважаемым целителем во всей Испании.

Когда он будет навещать больного, объяснила Смерть, то должен будет немедленно взглянуть на оба конца кровати. Если он увидит Смерть стоящей у изголовья, он должен будет взять веточку, чтобы приготовить настой, выпив который больной выздоровеет. Но если лекарь увидит Смерть, стоящую у изножья кровати, это будет означать, что пациент приговорен к смерти, и он ни в коем случае не должен будет использовать магическую силу растения, чтобы напрасно не искушать судьбу.

Крестная мать заверила юношу, что растение всегда будет свежим и зеленым и что ничьи глаза, кроме его собственных, не в силах будут увидеть ее присутствие. Затем она легонько сжала кончиками своих холодных пальцев его плечо и выскользнула из дома.

Через некоторое время все, что предрекла Смерть, сбылось. Вначале юноша вылечил захворавшего соседа, потом священника, затем богатого купца. Следующим был адвокат, а в конце концов к нему обратился сам герцог. Слава о его успешном лечении распространялась все дальше и дальше, пока вся Испания не узнала о нем. Никто не мог сказать, где он учился и кто был его наставником; он никогда не цитировал Гиппократов или Галена на греческом или латинском языках; он никогда не использовал общеизвестные лечебные травы, но никто ни разу не усомнился в его превосходстве над самыми высококвалифицированными и значительно более старшими, седобородными целителями, поскольку когда он



В качестве подарка Смерть принесла своему крестному сыну растение, которое могло исцелить больного, каким бы смертельным недугом он ни страдал. Но она дала строгие распоряжения относительно того, как и когда его использовать, предупредив юношу, что он заболит, если не будет следовать этим указаниям.

лечил какого-нибудь страдальца, пациент всегда выздоравливал за три дня.

Более зловещим, но равно впечатляющим был и тот факт, что когда он уклонялся от лечения пациента, тот вскоре умирал. И в этих случаях не было никаких исключений. Увидеть, как молодой лекарь в печали отворачивается от постели больного, было все равно, что ощутить холодное дыхание могилы.

Молодой человек вскоре стал врачом, который пользовался самым большим успехом в королевстве. Ему платили столько, сколько он запрашивал, его крестьянское происхождение было давно забыто, теперь его принимали как ученого, на равных в самых уважаемых домах Испании.

Пришел день, когда доктор был приглашен к постели самого короля. Состояние монарха ухудшалось. Он был справедливым и милосердным правителем, и его потеря искренне оплакивалась. Но, что было хуже всего, поскольку он не имел сына, преемником в случае его смерти стал бы жестокий и развращенный племянник, чье правление, несомненно, не могло принести ничего, кроме зла.

По прибытии во дворец доктор был встречен королевской дочерью, которая умоляла его сделать все возможное, чтобы спасти жизнь ее отцу. Молодой врач не остался равнодушным к красоте королевской дочери, так же как и к доверчивой искренности, сквозившей в ее взгляде. Страстно желая найти свою крестную мать на том месте, которое обещало жизнь, он поспешил в королевские апартаменты. На богато украшенной кровати лежало истощенное тело короля, лежало тихо и неподвижно, как каменное изваяние на надгробном памятнике. Только пустые тени окутывали изголовье кровати, а в ногах стояла темная, завернутая в свои покрывала Смерть.

Не в состоянии справиться со своим разочарованием, доктор потратил несколько минут, притворяясь, что осматривает короля. Он открыл рот, чтобы объяснить, что не в состоянии спасти жизнь короля, но обнаружил, что не может сообщить этого. Вместо признания своего бессилия он вдруг пообещал, что больной выздоровеет. И потом он приготовил ему лекарство из целительного растения.

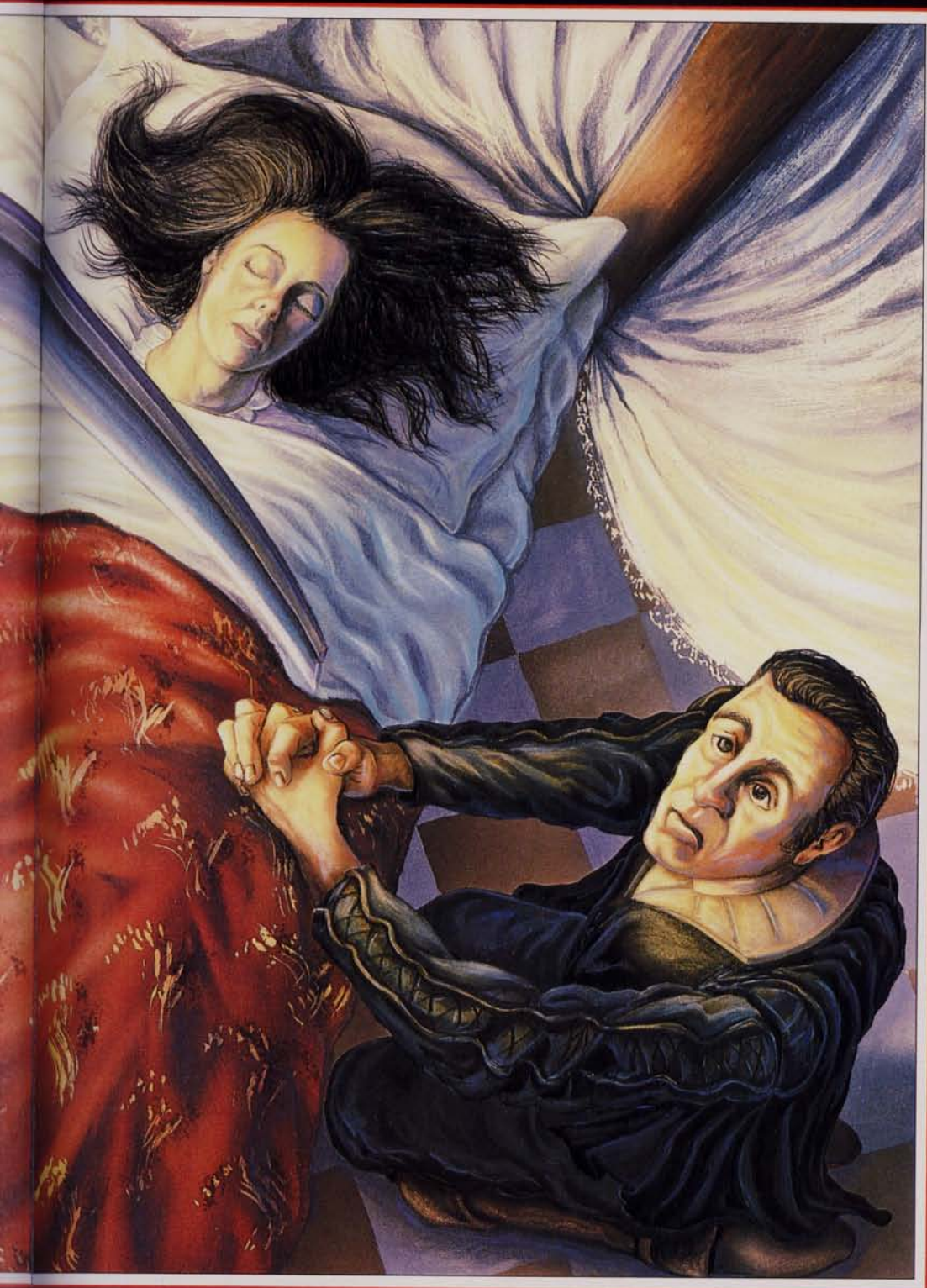
В этот день страх заставил его откладывать уход домой, пока не стало совсем темно. В сгущающихся сумерках, едва волоча ноги, он возвращался в сырой, как могила, дом. Эхо подхватывало его шаги, когда он переходил из одной пустой комнаты в другую, пока не добрался до своего кабинета. Там, закутанная в свой саван, стояла, раскаленная добела от гнева, Смерть. Врач стал умоляюще объяснять, что не подчинился ей не ради себя — жалость к принцессе и тревога за благоденствие страны взяли верх над трезвым рассудком. Помолчав, Смерть сказала, что она простит его. Но она сделает это только однажды, только один раз. Она знает, что он поступил так не из честолюбия. Но если он снова не послушает ее, она не проявит в другой раз никакой жалости. Доктор молчал о событиях, происшедших той ночью, и если он и задумался над предостережением Смерти, то не подавал вида.

Следующие два года были счастливыми. Он был назначен личным врачом короля и стал одним из его наиболее приближенных советников. Богатством и влиятельностью он превосходил любого из грандов королевского двора, но величайшей радостью для него была любовь к принцессе. Король дал понять, что, несмотря на низ-



Придя в ярость от того, что он посмел ослушаться ее, Смерть предупредила своего крестника, что второй раз он не получит прощения, если не выполнит ее пожеланий.





Хотя он и был возвышен до звания величайшего врача страны, молодой человек понимал, что любые его усилия будут бесполезны, если его крестная мать посчитает нужным явиться за его невестой.

кое происхождение доктора, они смогут пожениться.

Но тут, без предупреждения, на их счастье упала тень. В одну из ночей принцесса заболела.

На следующий день, когда ее жених пришел засвидетельствовать свое почтение, как того требовал обычай, ему доложили о ее неважном самочувствии. Служанка сказала, что принцесса легла в постель вскоре после ужина, жалуясь на озноб и высокую температуру. Она настояла на том, чтобы ее возлюбленного не тревожили, после дневных трудов ему следовало отдохнуть, она не желала, чтобы ее мелкие жалобы стали причиной его беспокойства. А когда ночь миновала, состояние ее резко ухудшилось.

Оттолкнув служанку, врач быстро вошел в спальные покои. С замирающим сердцем он поднял глаза, чтобы взглянуть в изножье кровати принцессы. Его худшие опасения оправдались — там стояла Смерть, безучастно глядя на него. Больше он не смотрел в ее сторону, занявшись невестой. Низко склонившись к горячей щеке принцессы, он тихо приговаривал, что она не должна ничего бояться, поскольку он поможет ей стать вновь здоровой. Несмотря на боль, принцесса улыбалась, полностью доверяя его врачебному опыту.

Он припомнил предостережение своей крестной матери, но тут же выбросил все ее угрозы из головы. Единственное, что занимало его сейчас, — спасение его любимой. Он поспешил домой, чтобы отломить веточку от своего растения. Но Смерть уже была там, поджидая его в кабинете. Она стояла перед очагом, обрывая листья с растения, которое она когда-то дала ему, и бросала их в огонь. У ее ног лежал разбитый горшок. Она ничем не

выразила своего гнева — время сердиться миновало. Вместо этого она приказала ему следовать за ней. Она хотела что-то показать ему.

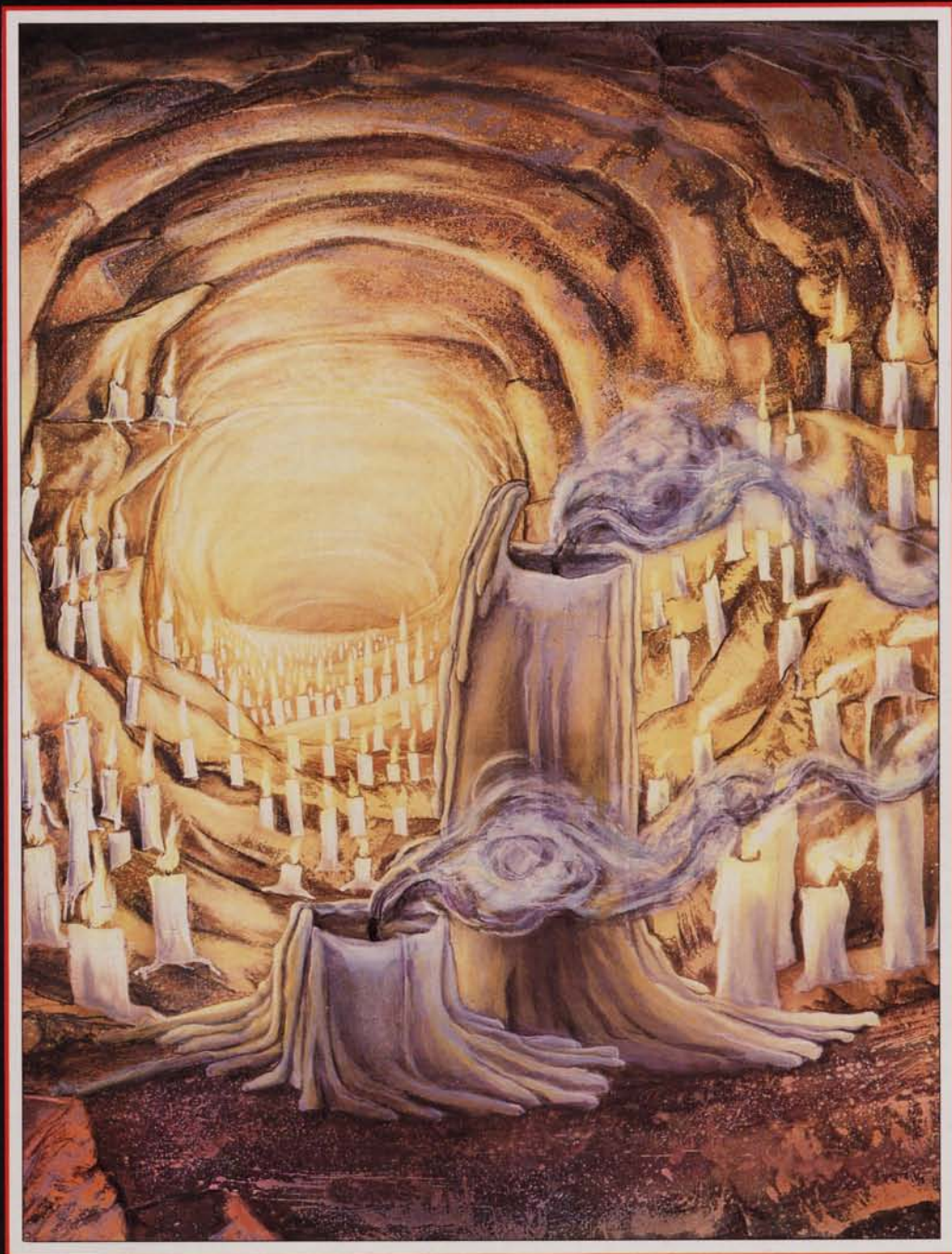
Не понимая, что происходит, он отправился за своей крестной матерью, проносясь вместе с ней над горами, равнинами и широкими реками. Наконец они прибыли в какую-то бесплодную долину, усеянную белыми как мел валунами и усыпанную голыми камнями. Смерть задержалась у темного входа гигантской пещеры и сделала молодому человеку знак войти следом за ней. Гигантская пещера простиралась вглубь настолько далеко, что взгляд не в состоянии был видеть конец, и была вся уставлена бесчисленным множеством зажженных свечей, одни из которых были выше, другие — короче.

Смерть объяснила, что каждая свеча — это человеческая жизнь. Самые высокие принадлежали новорожденным младенцам, которым еще предстояло прожить свою жизнь, средние — тем, кто достиг пика своей жизни, а самые короткие принадлежали старикам или тем, кто был смертельно болен.

Смерть остановилась перед одной оплывшей свечой, которая, казалось, вот-вот погаснет. С болью в сердце врач спросил, кому она принадлежит. Крестная мать произнесла то, о чем он уже и сам догадался, — это была свеча его возлюбленной принцессы, чье угасание он всеми силами старался предотвратить. Другая тонкая свеча горела рядом.

— Это твоя, — кивнула Смерть. — Ты сказал, что не можешь жить без принцессы. Очень хорошо. Тогда прими это как подарок, а не как наказание.

И одним ледяным дуновением она погасила обе свечи. Доктор упал, безжизненный, у ее ног. И где-то далеко, в столице, в этот же момент начал звонить колокол.



*Далеко в глуши, в пещере, горящие свечи отмеривали
длину человеческой жизни. Когда Смерть приняла свое
решение, пламя двух из них погасло.*

ББК 84(0)
С42

Перевод
Г. ГРАНОВСКОЙ

Сказания ужасов

Редактор И. ШУРЫГИНА

Художественный редактор И. ЛОПАТИНА

Технический редактор Г. ШИТОЕВА

Корректоры Н. КУЗНЕЦОВА, И. САХАРУК,
Л. ЧУЛАНОВА

ЛР № 030129 от 23.10.96 г. Подписано в печать
10.11.96 г. Уч.-изд. л. 24,37. Цена 74 000 р.
Клубная цена 33 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

Сказания ужасов. — М.: ТЕРРА, 1996. — 144 с.: ил. — (Зачарованный
С42 мир).

ISBN 5-300-00828-1

О бедствиях и кошмарах, обрушивающихся на смертных, посмеявших не выполнить последнюю волю умирающих, рассказывается в книге.

ББК 84(0)

ISBN 5-300-00828-1

"Authorized Russian language edition © 1996,
Publishing Center "TERRA". Original edition
© 1987, Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form,
by any electronic or mechanical means, including
information storage and retrieval devices or systems,
without prior written permission from the publisher,
except that brief passages may be quoted for review."

Time-Life Books is a trademark of Time Warner
Inc."

Перевод на русский язык. © 1996, Издательский
центр «ТЕРРА». Оригинальное издание © 1987,
Time-Life Books BV. Все права защищены.

Не допускается воспроизведение текста и/или иллюстраций любым механическим или электронным способом, включая информационные базы данных и системы, без письменного разрешения издателя.

Time-Life Books является торговой маркой Time Warner Inc.

